

80529

ГЕ АЛИГЬЕРИ

Божественная Комедия
ЧИСТИЛИЩЕ

*Перевод и примечания
М. Лозинского*

Огиз

Государственное издательство
Художественной литературы
Москва 1944

ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ

Божественная Комедия

ЧИСТИЛИЩЕ

*Перевод и примечания
М. Лозинского*

180529

*Вступительная статья
А. К. Дживелегова*

Опись

*Государственное издательство
Художественной литературы
Москва 1944*

DANTE ALIGHIERI

La Divina Commedia
PURGATORIO

«ЧИСТИЛИЩЕ»

Пушкин где-то сказал, что „единый план «Ада» есть уже плод высокого гения“. С еще большим правом это можно сказать о плане всей «Божественной Комедии».

Сюжет «Комедии» был строго предопределен и в главном, и в деталях, и сюжетная линия не могла сколько-нибудь значительно уклоняться в сторону. Членение проблемно-идейного материала было гораздо более свободным, ибо он связан не только с сюжетной линией, но находился в зависимости от фактов внешней и внутренней жизни поэта. Нам было бы гораздо легче говорить о принципах распределения проблемно-идейного материала по кантикам, если бы хронология отдельных частей «Комедии» не вызывала таких споров. А так как едва ли споры эти когда-нибудь улягутся, то нельзя надеяться, что в эти вопросы будет внесена полная ясность.

Что мы можем считать более или менее установленным в хронологии отдельных частей поэмы? С тех пор как наиболее авторитетный защитник ранних дат, глава современной дантологии, Микеле Барби, пошел на уступки и признал, что «Ад» не мог быть задуман раньше 1307 года и едва ли мог быть закончен в короткий срок и что «Чистилище», очевидно, было доведено до конца раньше смерти Генриха VII (1313)¹, позиция сторонников поздних дат стала крепче. В частности, расхождение относительно времени написания «Чистилища» свелось к немногим годам, примерно 1311—1317. Наиболее правдоподобными датами представляются годы 1313—1317. Это дает некоторую опору для суждений о том, почему те, а не другие проблемы были сгруппированы в этой кантике.

¹ См. Michele Barbi, Problemi di critica dantesca. Prima serie, 1934, стр. 69.

Когда писался «Ад», Данте еще был целиком под впечатлением событий, связанных с его изгнанием. Они поглощали его настолько, что ничто другое уже не помещалось в его сознании. Даже Беатриче, мимолетно названная в начале поэмы и затем помянутая еще два-три раза в связи с разными эпизодами «Ада», как бы отошла на задний план. Не это его занимало. Его занимала политика, но политика, расцениваемая под углом зрения итальянской коммуны свободного города-государства. Борьба гвельфов и гибеллинов была представлена не как монументальная картина, охватывающая и городские, и общегенеральские, и имперские горизонты. Ее олицетворением в те годы представлялся Фарината, глава городской партии, герой междуокоммунальных войн. И те, кого Данте встречал или искал, проходя по загробному миру, были все люди этого же калибра, этих же интересов: Теггияйо Альдобранди, Якопо Рустикуччи, Моска Ламберти, Филиппо Ардженти, Чакко. И научные интересы не подчеркивались сколько-нибудь настойчиво. «Ад» провожал коммунальное прошлое поэта, его флорентийское счастье, его флорентийскую борьбу и флорентийскую катастрофу.

Между «Адом» и «Чистилищем» легла большая полоса научных занятий, по-другому раскрывших для Данте мир науки и философии: Болонья, Париж. А что было еще более существенно,—при работе над «Чистилищем» появилась заслонившая все тема императора Генриха VII. Идейно-проблемное содержание «Чистилища», таким образом, делится между отголосками научных занятий и гулкими резонансами на появление в Италии императора. Однако невозможно было также без конца оттягивать вплетение в сюжетную схему Беатриче. Ведь поэма была задумана как прославление ее памяти, и этот поэтический обет неоднократно был подтвержден в «Аде». Именно в «Чистилище» Беатриче должна была появиться, принося с собою весь груз сложной богословской символики, чтобы заступить место Виргилия, язычника, которому заказаны пути в земной рай. Чтобы поднести читателю выход Беатриче со всею помпою, XXX песнь «Чистилища» оказалась до краев набитой магией и символикою чисел. Мало того, перед тем как вывести на сцену Беатриче, поэт как бы пожелал проверить свой поэтический инструмент—натянуть должным образом струны своей лиры и дать самому себе отчет, какими ладами должна звучать поэзия, воспевающая «благороднейшую». Так определились три основных темы: политическая, научно-философская и связанная с Беатриче богословско-символическая.

* * *

В годы, когда писалось «Чистилище», был написан и политический трактат «Монархия». Но работа над «Монархией» заняла не очень много времени: она вместилась в летние месяцы 1313 года и, очевидно, совпала с начальными стадиями работы над «Чистилищем». Политическая концепция «Чистилища» и политическая концепция «Монархии» одна и та же. Различны только формы ее изложения. В трактате рассуждения Данте скованы свинцовыми панцирем схоластики. В поэме они звучат как политическая лирика, как страстные, разящие сирвенты.

И «Монархия», и «Чистилище» заключали в себе защиту императорской власти. Данте полагал, что она избавит Италию от между-коммунальных распреи и войн и даст возможность возродиться его родной стране.

Политические горизонты Данте давно вышли из коммунальных масштабов. Они сейчас раздвинулись до широких общеитальянских, общеимперских пределов. И борьба гвельфов и гибеллинов олицетворяется теперь не такими фигурами, как Фарината, а теми, которые были искони ее наиболее высокими символами: императором и папою. В «Аде» величайший представитель идеи гибеллинизма, император Фридрих II Гогенштауфен, гигант в сравнении с Генрихом VII, едва упомянут и не вызывает у Данте никаких политических волнений. В те годы, до появления в Италии Генриха VII, политическая мысль поэта еще не созрела. Теперь она определилась. Данте не скрывает своей позиции. В XVI песни его слова звучат со всей решительностью:

Рим, давший миру наилучший строй,
Имел два солнца, так что видно было,
Где божий путь лежит и где мирской.
Потом одно другое погасило;
Меч слился с посохом, и вышло так,
Что это их, конечно, развратило
И что взаимный страх у них иссяк.

Идея империи в глазах Данте, таким образом, потерпела ущерб вследствие незаконных вторжений церкви в полномочия и права императорской власти. Но не только церковь ставит препоны законному ходу и развитию прав империи. Гвельфские коммуны Италии, поддерживающая по своим, чаще всего корыстным, интересам папскую власть, восстают на императора и не допускают его к себе.

И так велики, так единодушны устремления гвельфских коммун, что их противоимператорская политика становится как бы политикою всей Италии. Италия вся целиком несет на себе вину неправой борьбы против императора. На это обрушивается гневная филиппика VI песни:

Италия, раба, скорбей очаг,
В великой буре судно без кормила,
Не госпожа народов, а кабак!

Тебе, несчастной, стоит оглянуться
На берега твои и города:
Где мирные обители найдутся?
К чему тебе подправил повода
Юстиниан, когда седло пустует?
Безуздой меньше было бы стыда.
О вы, кому молиться долженствует,
Так чтобы Кесарь не слезал с седла,
Как вам господне слово указует,—
Вы видите, как эта лошадь зла,
Уже не укрошаемая шпорой
С тех пор, как вы взялись за удила?

Обе эти песни «Чистилища» близко перекликаются с тем, что говорится в «Монархии», во второй книге и в третьей. Но в поэме, естественно, все переведено в патетические тона. И это понятно, ибо политические вопросы, вставшие во весь рост вместе с появлением в Италии Генриха Люксембургского, не только приобрели широкое общечитальянское значение, но сложились так, что от того или иного исхода миссии императора оказалась в зависимости судьба самого поэта. Трагедия Данте заключалась в том, что против Генриха поднимался и родной город поэта. Но Данте не хотел сдаваться и продолжал борьбу двойным литературным оружием: философской публицистикой «Монархии» и пафосом поэмы. Железная цепь аргументов «Монархии» должна была внушить убеждение в правоте императорских притязаний людям ученым, седым политикам, руководителям республиканских правящих органов. Стихи «Чистилища», оплакивая несбывшуюся политическую мечту, несли агитацию в массы.

* * *

Нет необходимости много говорить о научных проблемах, затронутых в «Чистилище». Нет необходимости подробно останавливаться на символике, окружающей Беатриче. И научно-философские вопросы, трактуемые в «Чистилище», и идеинная роль Беатри-

че отражают те интересы, которыми Данте был полон в годы, когда он пополнял свои знания в Болонье и в Париже. В этих вопросах он стоял на старых, средневековых позициях. И как ни интересны сами по себе его научные и философские рассуждения, как ни возвышена сложная игра его аллегорий и символов, — не они составляют то, что в его поэме, и в частности во второй ее кантике, сейчас наиболее ценно. Самое ценное в ней — это непосредственная связь с жизнью и способность найти отклик явлениям жизни: его политическая лирика и та наука, которая под влиянием жизни дальше всего ушла от средневековых путей. Современного читателя «Комедии» это привлекает больше всего, и ему хочется понять, каким образом сочетаются в одном и том же произведении и то, что безвозвратно умерло, и то, что живет поныне. И откуда взялось полнокровное ощущение новой жизни, которое так и брызжет с некоторых страниц поэмы и особенно ярко трепещет в «Чистилище»?

* * *

Все, что Данте знал, было средневековое, и его знания были по тем временам огромны. Но Данте велик не тем, что он знал. Данте велик тем, что беспрестанно преодолевал свои знания и бессознательно заставлял их служить чему-то другому. В чем заключалось это другое?

Это было полнокровное ощущение живой жизни, сложившееся в самой кипучей лаборатории хозяйственных, социальных и бытовых экспериментов, в самом беспокойном и самом богатом городе Европы. Во Флоренции все было через край: страсти и расчет, героизм и предательство, слава и бесчестие, любовь и ненависть, пышность и нищета. Звон оружия на улицах и звон золота на прилавках менял, тяжелый труд на окрестных полях и тонкие коммерческие выкладки купцов, осторожные ходы заправил города и опасные интриги честолюбцев — все это шло вперемежку со звуками лютни и виолы, с куплетами канкан и баллад, с процессиями и хороводами, с озорными поэтическими перепалками — тенционами — и гирляндами цветов.

До «полпути» своего бытия, до тридцатипятилетнего возраста, Данте дышал этой насыщенной, бодрой, полной оптимизма атмосферой Флоренции, и у него «раскрылись веши зеницы». Он все видел, все подмечал, и больше — умел почувствовать то, чем жил его родной город: хозяйство и социальную жизнь, классовую борьбу и политику, быт и культуру. Молодой, полный сил коммунальный

уклад был его школою. Он вырос новым человеком, с новым, не средневековым, не феодальным, не сколастическим ощущением и восприятием жизни. И на это новое ощущение и восприятие жизни слой за слоем ложились средневековая наука, средневековая философия, средневековое богословие. И долго давили его сознание. Но подавить его совсем они были бессильны. Даже в тех произведениях, в которых капитуляция перед грузом старого знания пошла дальше всего, — в «Пире», в «Народном языке», в «Монархии», — слышится трепет свежей мысли, как будто добровольно посадившей себя в тиски старых форм. Дальше все пошло несравненно более бурно. До смерти императора Генриха VII (1313) Данте словно забывал, что он поэт. Поэтическое творчество напоминало ему Флоренцию, «овчарнию», где он спал ягненком», его «прекрасный Сан-Джованни», где он был крещен, родные улицы, камни, которых касалась нога Беатриче, и он отгонял от себя поэтические видения, чтобы еще больше не растравлять гнетущую тоску. Но когда умер Генрих и с ним умерли все надежды, властно потребовал выполнения старый обет: создать памятник Беатриче в таком произведении, какого еще не видел мир. И формула этого обета теперь получила иной вид, более сложный. Его произведение стало не только памятником Беатриче, его любовной мечте, но и памятником Генриху, герою его последних надежд. Он назвал его «Комедией».

Вот тогда пробудился в нем и ослепительно заблистал дремавший поэтический гений. И вооружил нового человека, сына молодой свободной коммуны, такими силами, что все старое, накопленное долгими годами учения у флорентийских монахов, францисканцев и доминиканцев, в Болонье, столице правоведения, и в Париже, столице богословия, — все оказалось не настоящим. Гений поэта пробивался сквозь толщу средневековых знаний к воздуху и свету, навстречу заре Возрождения. Разрывая одну за другой оболочки богословия, мистики, метафизики, естественной философии, аллегории, обволакивавшие его, гений Данте выбивался наружу, чтобы засверкать всеми цветами и показать человечеству новую, невиданную дотоле красоту, — так рвет свой кокон бабочка, чтобы взметнуться к свету и показать все переливы красок на своих крыльях. Но старое знание не только сковывало полет дантова гения. Пробиваясь сквозь его тиски, творчество поэта уносило с собою частицы этого старого знания, и тогда они превращались в чистое золото поэзии.

«Комедия» жива до сих пор, волнует и потрясает не своей ученьстью, а своим искусством. Она говорит непосредственно чувству и воображению. Ее лучшие эпизоды воспринимаются как перлы поэзии наиболее неподготовленными умами, как все самое высокое в искусстве. Кто устоит перед рассказом Франчески, перед образом Фаринаты, перед трагедией Уголино? Кого оставят холодным Капаней, Люцифер, Сорделло, Каччагвида?

Тут тоже действует магия, но уже совершенно иная, отнюдь не средневековая, не магия чисел, не магия символов. «Комедия» захватывает и вызывает трепет магией искусства. Поэт непрерывно гипнотизирует читателя и остротою собственных переживаний, которые он умеет сделать такими заразительными, и пластичностью своих изображений. Его поэма — целый мир, и мир этот живет, мир этот реален. В его поэме впервые в новое время сложилось полнокровное реалистическое искусство.

Оно родилось не сразу, не вышло, как Минерва из головы Юпитера, в полном вооружении. Когда Данте начал писать свою поэму, ему много пришлось поработать над ее формальной конструкцией. Здесь старые каноны ему сильно помогли. Формальная сторона поэтического творчества у его предшественников, писавших как по-латыни, так и на трех романских языках, о которых говорила книга «О народном языке», была наиболее разработанной. План, построение, архитектоника, членение поэмы дались ему так удивительно легко потому, что он мог воспользоваться формальными достижениями своих предшественников. Помогали, конечно, и классики, которым он обязан тем, что умел всегда подчиниться «узде искусства» («Чистилище», XXXIII, 141).

Необычайная формальная организованность «Комедии» — результат использования опыта как классической поэтики, так и поэтики средневековой. Но вся формальная сторона служит у него той цели, которая была для него особенно драгоценной; созданию обрамления для реалистического искусства.

Этот процесс был отнюдь не бессознательным. Данте почувствовал, что путь настоящего художника в его дни — это путь реализма. «Земля» («Рай», XXV, 2) подчинила его своей власти и твердо повела, куда было нужно. Настолько, что единственное отступление от средневековых и теоретических канонов, допущенное поэтом, оказалось в области поэтики.

Он и здесь долго держался старых норм. Когда он давал своей

поэме заглавие, он вращался в кругу понятий средневековой эстетики; «комедией» считалось произведение среднее между «трагедией», произведением стиля высокого, и «элегией», произведением стиля более низкого. Но когда он приступил к изображению мира своих поэтических видений, он заговорил другим языком. Правда, не сразу. В XI песни «Ада» он говорит:

Искусство смертных следует природе,
Как ученик ее, за пядью пядь;
Оно есть божий внук, в известном роде...

Здесь еще смешано старое и новое. «Дедушка», который еще фигурирует по инерции, собственно говоря, искусству не очень нужен. Но старая эстетика его требовала. А установление непосредственной связи между искусством и природою было ново и важно. Поэт почувствовал в собственном творчестве эту новую струю и дал ей выход. Дальше его теоретические положения становятся все свободнее, все ближе к реализму. В XXXII песни «Ада» говорится о музах:

Но помочь Муз да будет мне дана,
Как Амфиону, строившему Фивы,
Чтоб в слове сущность выразить сполна...

Чем дальше двигалась поэма, тем больше укреплялись в поэте отступления от старых эстетических канонов. В XII песни «Чисти лица» он описывает изображения на плитах, которыми вымощен один из кругов чистилищной горы:

Казался мертвый мертв, живые живы;
Увидеть явь отчетливей нельзя,
Чем то, что попирал я, молчаливый.

Идеал определился. Задача искусства — изображать так, чтобы изображаемое казалось действительностью. Таков основной тезис. Но в дальнейшем он подвергнется новым истолкованиям. В конце XVII песни «Рая» предок поэта Каччагвида в числе других поучений даст ему и урок по поэтике. Он будет вразумлять его:

...Слушатель не чует утоленья
И плохо верит, если перед ним —
Пример, чей корень скрыт во тьме забвенья,
Иль если довод не воочью зrim.

Вот это требование конкретности и осозательности изображения является ценнейшим дополнением к требованию реальности. Для Данте задача поэта раскрывалась в направлении, все дальше уходящем от канонов схоластической эстетики, от представления

о седом «деде» искусства, в направлении к новым принципам реалистической поэтики.

Иначе не могло быть. Ибо реализм у Данте непосредственно вытекал из народности его искусства. «Первый поэт нового времени» был по-настоящему первым, чье искусство последовательно связано было с народными корнями.

В «Чистилище» поэт показал результат той внутренней работы, которая сделала его по-настоящему народным поэтом. Когда он встречается («Чистилище», XXIV) с тенью старшего собрата, поэта Гвиттоновой школы Бонаджунто Орбиччани из Лукки, то на его вопрос он отвечает стихами, ставшими манифестом его собственного поэтического направления:

...Когда любовью я дышу,
То я внимателен; ей только надо
Мне подсказать слова, и я пишу.

Поэт творит не потому, что ему нужно формулировать философские мысли, не потому, что ему нужно найти условные выражения для условных чувств. Он творит, чтобы дать выход внутреннему волнению, подсказываемому непосредственным чувством. Слова и стих должны передавать подлинный трепет, живой и непосредственный, только что родившийся в груди поэта. Представление о задачах поэзии сразу сделало огромный шаг вперед в направлении к простоте и естественности, дальше от условностей, в которых путалось итальянское поэтическое творчество в течение всего XIII века, века рождения и первых успехов его. То, что говорит здесь Данте, уже бесконечно далеко от принципов сицилийской школы, уже окончательно оставило позади лады Гвидо Гвиницелли и Гвиттоне, уже знаменует освобождение поэзии даже от тонких отвлеченностей Гвидо Кавальканти. Это такая поэзия, которая хочет передавать только реальные ощущения. В своем стремлении стать реалистической она полными пригоршнями черпает приемы у поэтов из народа и их приемами, приемами народной лирики, исправляет изыски ученых ладов. Простота, безыскусственность, непосредственность поэтов из народа—Чекко Анджольери, Гвидо Орланди и их товарищей—научили Данте многому. В их стихах простота иной раз граничила с вульгарностью, безыскусственность переходила в сухой прозаизм, а непосредственность вырождалась в грубую наивность. Данте пропитал их приемы своим мастерством, и его поэзия обрела силу, не потеряв формального совершенства. Вот что скры-

валось за словами Данте, сказанными в ответ на осторожные вопросы Бонаджунты, и Данте заставляет его понять свои слова до конца... Бонаджунта определяет новое направление как резко отличное от старого и дает ему славное его имя: сладостный новый стиль, *dolce stil nuovo*, и так определяет его особенность:

Я вижу, как послушно на листки
Наносят ваши перья смысл внущенный,
Чтоб нам, конечно, было не с руки.

Разговор с Бонаджунтою помещен в «Чистилище» не случайно. Судя по тому, какое количество поэтов и других художников попало именно во вторую кантику, можно думать, что в годы, когда создавалось «Чистилище», вопросы не только поэтики, но и поэтической техники занимали Данте очень сильно: на них он отдыхал от тяжелых политических дум. Казелла, музыкант, и Одеризи, художник, античные поэты Виргилий и Стаций, прямые предшественники — Гвидо Гвиницелли и Бонаджунта, Арно Даньель, провансальский трубадур, и Сорделло, трубадур ломбардский — все либо собратья по служению музам, либо близкие друзья, работающие в смежных областях искусства. И тут же постоянные сопоставления различных поэтических направлений: характеристика «нотариуса», то есть Якопо да Лентино, сицилийца, и Гвиттоне как представителей отсталой манеры, афористическое изображение смены манер двух Гвидо и — скромно возвещенное наличие поэта самой последней манеры, который готовится «спугнуть из гнезда» своих предшественников, чтобы принести торжество сладостному новому стилю.

И едва ли случайно, что непосредственно перед картинами земного рая так много и так настойчиво говорится о поэзии и поэтах. Душа Стация, взлетающая к раю, душа Гвидо Гвиницелли, очищающаяся в огне чистилища от последних остатков плотского греха, принципиальная беседа с Бонаджунтою, дружеский разговор с Арно Даньелем, кончающийся провансальскими стихами, — все это фигурирует в тех песнях «Чистилища» (XXI—XXVII), которые предшествуют появлению Матильды и смене Виргилия Беатриче.

В «Раю», рядом с Беатриче, под ее ласковым попечением, под ее суровой указкой, Данте будет занят больше философскими и богословскими вопросами. С лучезарным солнцем поэзии он простился в чистилище, на пороге земного рая: все было проверено и все оказалось, как нужно. «Сладостный новый стиль» оправдал себя и в эпосе.

ЧИСТИЛИЩЕ

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

ля лучших вод подъемля парус ныне,
Мой гений вновь стремит свою ладью,
Блуждавшую в столь яростной пучине,

- 1 И я второе царство воспою,
Где души обретают очищенье
И к вечному восходят бытию.
- 7 Пусть мертвое воскреснет песнопенье,
Святые Музы, — язываю к вам;
Пусть Каллиопа, мне в сопровожденье,
- 10 Поднявшись вновь, ударит по струнам.
Как встарь, когда Сорок сразила лира
И нанесла им беспощадный срам.
- 13 Отрадный цвет восточного сапфира,
Накопленный в воздушной вышине,
Прозрачной вплоть до первой тверди мира,
- 15 Опять мне оти упоил вполне,
Чуть я расстался с темью без рассвета,
Глаза и грудь отяготившей мне.
- 19 Маяк любви, прекрасная планета,
Зажгла восток улыбкою лучей,
И близких Рыб затмила ясность эта.
- 22 Я вправо, к остью, поднял взгляд очей,
И он пленился четырьмя звездами,
Чей отсвет первых озарял людей.

- 25 Казалось, твердь ликует их огнями;
О северная сирия страна,
Где их сверканье не горит над нами!
- 28 Покинув оком эти пламена,
Я обратился к остью полуночи,
Где Колесница не была видна;
- 31 И некий старец мне предстал пред очи,
Исполненный почтенности такой,
Какой для сына полон облик отчий.
- 34 Цвет бороды был исчерна седой,
И ей волна волос уподоблялась,
Ложась на грудь раздвоенной грядой.
- 37 Его лицо так ярко украшалось
Священным светом четырех светил,
Что это блещет солнце — мне казалось.
- 40 «Кто вы, и кто темницу вам открыл,
Чтобы к слепому выйти водопаду? —
Колебля оперенье, он спросил. —
- 43 Кто вывел вас? Где взяли вы лампаду,
Чтоб выбраться из глубины земли
Сквозь черноту, разлитую по Аду?
- 46 Вы ль над законом бездны возмогли,
Иль новое решилось в горней сени,
Что падшие к скале моей пришли?»
- 49 Мой вождь, внимая величавой тени,
И голосом, и взглядом, и рукой
Мне преклонил и веки, и колени.
- 52 Потом сказал: «Я здесь не сам собой.
Жена сошла с небес, ко мне взвывая,
Чтоб я помог идущему со мной.

- 66 Но раз ты хочешь точно знать, какая
У нас судьба, то это мне закон,
Который я уважу, исполняя.
- 68 Последний вечер не изведал он;
Но был к нему так близок, безрассудный,
Что срок ему недолгий был сужден.
- 61 Как я сказал, к нему я в этот трудный
Был послан час; и только через тьму
Мог вывести его стезею чудной.
- 64 Весь грешный люд я показал ему;
И души показать ему желаю,
Врученные надзору твоему.
- 67 Как мы блуждали, я не излагаю;
Мне сила свыше помогла, и вот
Тебя я вижу и тебе внимаю.
- 70 Ты благосклонно встретить его приход:
Он восхотел свободы, столь бесценной,
Как знают все, кто жизнь ей отдает.
- 73 Ты это знал, приняв, как дар блаженный,
Смерть в Утике, где ризу бытия
Совлек, чтоб в грозный день ей стать нетленной.
- 76 Запретов не ломал ни он, ни я:
Он — жив, меня Минос нигде не тронет,
И круг мой — тот, где Марция твоя
- 79 На дне очей мольбу к тебе хоронит,
О чистый дух, считать ее своей.
Пусть мысль о ней и к нам тебя преклонит!
- 82 Дай нам войти в твои семь царств, чтоб ей
Тебя я славил, ежели пристала
Речь о тебе средь горестных теней».

- 85 «Мне Марция настолько взор пленияла,
Пока я был в том мире, — он сказал, —
Что для нее я делал всё, бывало.
- 88 Теперь меж нас бежит зловещий вал;
Я, изведенный силою чудесной,
Блюдя устав, к ней безучастен стал.
- 91 Но если ты посол жены небесной,
Достаточно и слова твоего,
Без всякой льстивой речи, здесь невместной.
- 94 Ступай и тростью опояшь его
И сам ему омой лицо, стирая
Всю грязь, чтоб не осталось ничего.
- 97 Нельзя, глазами мглистыми взирая,
Итти навстречу первому из слуг,
Принадлежащих к светлым сонмам Рая.
- 100 Весь этот островок обвив вокруг,
Внизу, где море бьет в него волною,
Растет тростник вдоль илистых излук.
- 103 Растения, обильные листвою
Иль жесткие, не могут там расти,
Затем что неуступчивы прибою.
- 106 Вернитесь не по этому пути;
Восходит солнце и покажет ясно,
Как вам удобней на гору взойти».
- 109 Так он исчез; я встал с колен и, страстно
Прильнув к тому, кто был моим вождем,
Его глаза я спрашивал безгласно.
- 112 Он начал: «Сын, ступай за мной; идем
В ту сторону; мы здесь на косогоре
И по уклону книзу повернем».

- 115 Уже заря одолевала в споре
Нестойкий мрак, и, устремляя взгляд,
Я различал трепещущее море.
- 118 Мы шли, куда нас вел безлюдный скат,
Как тот, кто вновь дорогу обретает
И, лишь по ней шагая, будет рад.
- 121 Дойдя дотуда, где роса вступает
В боренье с солнцем, потому что там,
На ветерке, нескоро исчезает, —
- 124 Раскрыв ладони, к влажным муравам
Нагнулся мой учитель знаменитый,
И я, поняв, к нему приблизил сам
- 127 Слезами орошенные ланиты;
И он вернул мне цвет, — уже навек,
Могло казаться, темным Адом скрытый.
- 130 Затем мы вышли на пустынный берег,
Не видевший, чтобы отсюда начал
Обратный путь по волнам человек.
- 133 Здесь пояс он мне свил, как тот назначил.
О удивленье! Чуть он выбирал
Смиренный стебель, как уже маячил
- 136 Сейчас же новый там, где он сорвал.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

же сближалось солнце, нам незримо,
С тем горизонтом, чей полдневный круг
Вершиной лег поверх Еусалима;

- 1 А ночь, напротив двигаясь вокруг,
Взошла из Ганга и весы держала,
Чтоб, одолев, их выронить из рук;
- 7 И на щеках Авроры, что сияла
Там, где я был, мерк бело-алый цвет,
От времени желтея обветшало.
- 10 Мы ждали там, где нас застал рассвет,
Как те, что у распутья, им чужого,
Душою движутся, а телом нет.
- 13 И вот, как в слое воздуха густого,
На западе, над самым лоном вод,
В час перед утром Марс горит багрово,
- 16 Так мне сверкнул — и снова да сверкнет! —
Свет, по волнам стремившийся так скоро,
Что не сравнится никакой полет.
- 19 Пока глаза от водного простора
Я отстранял, чтобы спросить вождя,
Свет ярче стал и явственней для взора.
- 22 По сторонам, немногого погодя,
Какой-то белый блеск разросся чудно,
Другой — под ним, отвесно нисходя.

- 25 Мой вождь молчал, но было уж нетрудно
Узнать крыла в той первой белизне,
И он, поняв, кто направляет судно,
- 28 «Склони, склони колена! — крикнул мне. —
Молись, вот ангел божий! Ты отныне
Их много встретишь в горней вышине.
- 31 Смотри, как этот, в праведной гордыне,
Ни вёсел не желает, ни ветрил,
И правит крыльями в морской пустыне!
- 34 Смотри, как он их к небу устремил,
Взвевая воздух вечным опереньем,
Не переменным, как у смертных крыл».
- 37 А тот, светлея с каждым мановеньем,
Господней птицей путь на нас держал;
Я, дальше не выдерживая зреньем,
- 40 Потупил взгляд; а он к земле пристал,
И челн его такой был маловесный,
Что даже и волну не рассекал.
- 43 Там на корме стоял пловец небесный,
Такой, что счастье — даже речь о нем;
Вмещал сто душ и больше струг чудесный.
- 46 «In exitu Israël» — так, в одном
Сливаясь хоре, их звучало пенье,
И всё, что дальше говорит псалом.
- 49 Он дал им крестное благословенье,
И все на берег кинулись гурьбой,
А он уплыл, опять в одно мгновенье.
- 52 Толпа дичилась, видя пред собой
Безвестный край, смущенная немного,
Как тот, кто повстречался с новизной.

- 55 Уже лучи во все концы отлого
Метало солнце, их стрелами сбив
С небесной середины Козерога,
- 58 Когда отряд прибывших, устремив
На нас глаза, сказал нам: «Мы не знаем,
Каким путем подняться на обрыв».
- 61 Виргилий им ответил: «С этим краем
Знакомимся мы сами в первый раз;
Мы тоже здесь как странники ступаем.
- 64 Мы прибыли ~~немного~~ раньше вас,
Другим путем, где круча так сурова,
Что вверх итти — теперь игра для нас».
- 67 Внимавшие, которым было ново,
Что у меня дыханье на устах,
Дивясь, бледнели, увидав живого.
- 70 Как на гонца с оливою в руках
Бежит народ, чтобы узнать, в чем дело,
И все друг друга давят второпях,
- 73 Так и толпа счастливых душ глядела
В мое лицо, забыв стезю высот
И чаянье прекрасного удела.
- 76 Одна ко мне продвинулась вперед,
Объятия раскрыв так благодатно,
Что я ответил тем же в свой черед.
- 79 О призрачные тени! Троекратно
Сплетал я руки, чтоб ее обнять,
И трижды приводил к груди обратно.
- 82 Смущенья ли была на мне печать,
Но тень с улыбкой стала отдаляться,
И ей вслед я двинулся опять.

- 85 Она сказала мне не приближаться;
И тут ее узнал я без труда
И попросил на миг со мной оставаться.
- 88 «Как в смертном теле,—молвил дух тогда,—
Тебя любил я, так люблю вне тленья.
Я подожду; а ты идёшь куда?»
- 91 «Казелла мой, я ради возвращенья
Сюда же,— я сказал,— предпринял путь.
Но где ты был, чтоб так терять мгновенья?»
- 94 И он: «Обидой не было отнюдь,
Что он, беря, кого ему угодно,
Мне долго к прочим не давал примкнуть;
- 97 Его желанье с высшей правдой сходно.
Теперь уже три месяца подряд
Всех, кто ни просит, он берет свободно.
- 100 И вот, на взморье устремляя взгляд,
Где Тибр горчает, растворясь в соленом,
Я был им тоже в этом устье взят,
- 103 Куда сейчас он реет водным лоном
И где всегда в ладью сажает он
Того, кто не притянут Ахероном».
- 106 И я: «О, если ты не отлучен
От дара нежных песен, что, бывало,
Мою тревогу погружали в сон,
- 109 Не уходи, не спев одну сначала—
Моей душе, которая, в земной
Идущая личине, так усталая!»
- 112 «Любовь, в душе беседуя со мной», —
Запел он так отрадно, что отрада
И до сих пор звенит во мне струной.

- 115 Мой вождь, и я, и душ блаженных стадо
Так радостно ловили каждый звук,
Что лучшего, казалось, нам не надо.
- 118 Мы напряженно слушали, но вдруг
Величественный старец крикнул строго:
«Как, мешкотные души? Вам досуг
- 121 Вот так стоять, когда вас ждет дорога?
Спешите в гору, чтоб очистить взор
От шелухи, для лицезренья бога».
- 124 Как голуби, клюя зерно иль сор,
Толпятся, молчаливые, без счета,
Прервав свой горделивый разговор,
- 127 Но, если вдруг их испугает что-то,
Тотчас бросают корм и прочь спешат,
Затем что поважней у них забота, —
- 130 Так, видел я, неопытный отряд,
Бросая песнь, спешил к пяте обрыва,
Как человек, идущий наугад;
- 133 Была и наша поступь тороплива.

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

то время как внезапная тревога
Гнала их россыпью к подножью скал,
Где правда нас испытывает строго,

- ⁴ Я верного вождя не покидал:
Куда б я устремился, одинокий?
Кто путь бы мне к вершине указал?
- ⁷ Я чувствовал его самоупреки.
О совесть тех, кто праведен и благ,
Тебе и малый грех — укол жестокий!
- ¹⁰ Когда от спешки он избавил шаг,
Которая в движеньях неприглядна,
Мой ум, который всё не мог никак
- ¹³ Расшириться, опять раскрылся жадно,
И я глаза возвел перед стеной,
От моря к небу взнесшейся громадно.
- ¹⁶ Свет солнца, багровевшего за мной,
Ломался впереди меня, покорный
Преграде тела, для него сплошной.
- ¹⁹ Я оглянулся с дрожью неприворной,
Боясь, что брошен, у моих лишь ног
Перед собою видя землю черной.
- ²² И пестун мой: «Ты ль это думать мог³ —
Сказал, ко мне всей грудью обращенный.—
Ведь я с тобой, и ты не одинок.

- 25 Теперь уж вечер там, где погребенный,
Почиет прах, мою кидавший тень,
Неаполю Брундузием врученный.
- 28 И если я не затмеваю день,
Дивись не больше, чем кругам небесным:
Луч, не затмясь, проходит сквозь их сень.
- 31 Но стуже, зною и скорбям телесным
Подвержены и наши существа
Могуществом, в путях своих безвестным.
- 34 Поистине безумные слова —
Что постижима разумом стихия
Единого в трех лицах естества!
- 37 О род людской, с тебя довольно *quia*,
Будь все открыто для очей твоих,
То не должна бы и рождать Мария.
- 40 Ты видел жажду тщетную таких,
Которые бы жажду утолили,
Навеки мукой ставшую для них.
- 43 Средь них Платон и Аристотель были
И многие». И взор потупил он
И смолк, и горечь губы затаили.
- 46 Уже пред нами вырос горный склон,
Стеной такой обрывистой и строгой,
Что самый ловкий был бы устрашен.
- 49 Какой бы дикой ни итти дорогой
От Леричи к Турбии, худший путь
В сравненьи был бы лестницей пологой.
- 52 «Как знать, не ниже ль круча где-нибудь,--
Сказал, остановившись, мой вожатый, —
Чтоб мог бескрылый на нее шагнуть?»

55 Пока он медлил, думою объятый,
Не отрывая взоров от земли,
А я оглядывал крутые скаты,

58 Я увидал левей меня, вдали,
Чреду теней, к нам подвигавших ноги,
И словно тщетно, — так все тихо шли.

61 «Взгляни, учитель, и рассей тревоги,—
Сказал я. — Вот, кто нам подаст совет,
Когда ты сам не ведаешь дороги».

64 Взглянув, он молвил радостно в ответ:
«Пойдем туда, они идут так вяло.
Мой милый сын, вот путеводный свет».

67 Толпа от нас настолько отстояла
И после нашей тысячи шагов,
Что бросить камень — только бы достало,

70 Как вдруг они, всем множеством рядов
Теснясь к скале, свой ход остановили,
Как тот, кто шел и стал, дивясь без слов.

73 «Почивший в правде, — молвил им Виргилий,—
Сонм избранных, и мир да примет вас,
Который, верю, все вы заслужили,

76 Скажите, есть ли тут тропа для нас,
Чтоб мы могли подняться круче склона;
Для умудренных ценен каждый час».

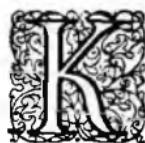
79 Как выступают овцы из загона,
Одна, две, три, и головы, и взгляд
Склоняя робко до земного лона,

82 И все гурьбой за первою спешат,
А стоит стать ей, — смирно, ряд за рядом,
Стоят, не зная, почему стоят;

- 85 Так шедшие перед блаженным стадом
К нам приближались, с думой на челе,
С достойным видом и смиренным взглядом.
- 88 Но видя, что пред ними на земле
Свет разорвался и что тень сплошная
Ложится вправо от меня к скале,
- 91 Ближайшие смущились, отступая;
И весь шагавший позади народ
Отхлынул тоже, почему — не зная.
- 94 «Не спрошенный, отвечу наперед,
Что это — человеческое тело;
Поэтому и свет к земле нейдет.
- 97 Не удивляйтесь, но поверьте смело:
Иная воля, свыше нисходя,
Ему осилить этот склон велела».
- 100 На эти речи моего вождя:
«Идите с нами», — было их ответом;
И показали, руку отводя.
- 103 «Кто б ни был ты,—сказал один при этом,—
Вглядись в меня, пока мы так идем!
Тебе знаком я по земным приметам?»
- 106 И я свой взгляд остановил на нем;
Он русый был, красивый, взором светел,
Но бровь была рассечена рубцом.
- 109 Я искренно неведеньем ответил.
«Смотри!» — сказал он, и смертельный след
Я против сердца у него заметил.
- 112 И он сказал с улыбкой: «Я Манфред,
Родимый внук Гостанцы величавой;
Вернувшись в мир, прошу, снеси привет

- 115 Мое́й прекрасной дочери, чьей славой
Сицилия горда и Арагон,
И ей скажи не верить лжи лукавой.
- 118 Когда я дважды насмерть был пронзён,
Себя я предал, с плачем сокрушенья,
Тому, которым и злодей прощен.
- 121 Мои ужасны были прегрешенья;
Но милость божья рада всех обнять,
Кто обратится к ней, ища спасенья.
- 124 Умей страницу эту прочитать
Козенцкий пастырь, Климентом избранный
На то, чтобы меня, как зверя, гнать,
- 127 Мои останки были бы сохраны
У моста Беневенто, как в те дни,
Когда над ними холм воздвигся бранный.
- 130 Теперь в изгнанье брошены они,
Под дождь и ветер, там, где Верде льется,
Куда он снес их, погасив огни.
- 133 Предвечная любовь не отвернется
И с тех, кто ими проклят, снимет гнет,
Пока хоть листик у надежды бьется.
- 136 И все́ ж, кто в распре с церковью умрет,
Хотя в грехах успел бы повиниться,
Тот у подножья этой кручи ждет,
- 139 Доколе тридцать раз не завершится
Срок отщепенства, если этот срок
Молитвами благих не сократится.
- 142 Ты ви́дишь сам, как ты бы мне помог,
Мое́й Гостанце возвестив, какая
Моя судьба, какой на мне зарок:
- 145 От тех, кто там, вспомога здесь большая».

П Е С Н Ъ Ч Е Т В Е Р Т А Я

огда одну из наших сил душевных
Боль или радость поглотит сполна,
То, отрешась от прочих чувств все-
дневных,

- 4 Душа лишь этой силе отдана;
И тем опровержимо заблужденье,
Что в нас душа пылает не одна.
- 7 Поэтому, как только слух иль зренье
К чему-либо всю душу обратит,
Забудется и времени теченье;
- 10 За ним одна из наших сил следит,
А душу привлекла к себе другая;
И эта связана, а та парит.
- 13 Дивясь Манфреду и ему внимая,
Я в этом убедился без труда,
Затем что солнце было выше края
- 16 На добрых пятьдесят долей, когда
Все эти души, там, где было надо,
Вскричали дружно: «Вам теперь сюда».
- 19 Подчас крестьянин в изгороди сада
Пошире щель заложит шипняком,
Когда темнеют гроздья винограда,
- 22 Чем оказался ход, куда вдвоем
Мой вождь и я за ним проникли с воли,
Оставив тех итти своим путем.

- 25 К Сан-Лео всходят и нисходят к Ноли,
И пеший след к Бисмантове ведет;
А эту кручу крылья побороли, —
- 28 Я разумею окрыленный взлет
Великой жажды, вслед вождю, который
Дарил мне свет и чаянье высот.
- 31 Путь шел в утесе, тяжкий и нескорый;
Мы подымались между сжатых скал,
Для ног и рук ища себе опоры.
- 34 Когда мы вышли, как на плоский вал,
На верхний край стремнины оголенной,
«Куда итти, учитель?» — я сказал.
- 37 И он: «Иди стезею неуклонной
Всё в гору вслед за мной, покуда нам
Не встретится водитель умудренный».
- 40 К вершине было не взnestись очам,
А склон был много круче полуоси,
Секущей четверть круга пополам.
- 43 Устав, я начал, медля на откосе:
«О мой отец, постой и оглянись,
Ведь я один останусь на утесе!»
- 46 А он: «Мой сын, дотуда дотянись!»
И указал мне на уступ над нами,
Который кругом опоясал высь.
- 49 И я, подстегнутый его словами,
Напрягся, чтобы взлезть хоть как-нибудь,
Пока на кромку не ступил ногами.
- 52 И здесь мы оба сели отдохнуть,
Лицом к востоку; путник ослабелый
С отрадой смотрит на пройденный путь.

- 55 Я глянул вниз, на берег опустелый,
Затем на небо, и не верил глаз,
Что солнце слева посыает стрелы.
- 58 Поэт заметил, как меня потряс
Нежданный вид, что колесница света
Загородила Аквилон от нас.
- 61 «Будь Диоскуры, — молвил он на это, —
В соседстве с зеркалом, светящим так,
Что все кругом в его лучи одето,
- 64 Ты видел бы, что рдяный Зодиак
Еще тесней вблизи Медведиц кружит,
Пока он держит свой старинный шаг.
- 67 Причину же твой разум обнаружит,
Когда себе представит, что Сион
Горе, где мы, противоточем служит;
- 70 И там, и здесь — отдельный небосклон,
Но горизонт один; и та дорога,
Где несчастливый правил Фаэтон,
- 73 Должна лежать вдоль звездного чертога
Здесь — с этой стороны, а там — с другой,
Когда ты в этом разберешься строго».
- 76 «Впервые, — я сказал, — учитель мой,
Я вижу с ясностью столь совершенной
Казавшееся мне покрытым тьмой, —
- 79 Что средний круг вращателя вселенной,
Или экватор, как его зовут,
Между зимой и солнцем неизменный,
- 82 По сказанной причине виден тут
К полночи, а еврейскому народу
Был виден к югу. Но, когда не в труд,

- 85 Поведай, сколько нам осталось ходу;
Так высока скалистая стена,
Что выше зренья всходит к небосводу».
- 88 И он: «Гора так мудро сложена,
Что поначалу подыматься трудно;
Чем дальше вверх, тем мягче крутизна.
- 91 Поэтому, когда легко и чудно
Твои шаги начнут тебя нести,
Как по теченью нас уносит судно,
- 94 Тогда ты будешь у конца пути.
Там склынут и усталость, и забота.
Вот всё, о чем я властен речь вести».
- 97 Чуть он умолк, вблизи промолвил кто-то:
«Пока дойдешь, не раз, да и не два,
Почувствуешь, что и присесть охота».
- 100 Мы, обернувшись на его слова,
Увидели левый валун огромный,
Который не заметили сперва.
- 103 Мы подошли; за ним в тени укромной
Расположились люди; вид их был,
Как у людей, объятых ленью томной.
- 106 Один сидел как бы совсем без сил:
Руками он обвел свои колени
И голову меж ними уронил.
- 109 И я сказал при виде этой тени:
«Мой милый господин, он так ленив,
Как могут быть родные братья лени».
- 112 Он обернулся и, глаза скосив,
Поверх бедра взглянул на нас устало;
Потом сказал: «Лезь, если так ретив!»

- 115 Тут я узнал его; хотя дышала
Еще с трудом взволнованная грудь,
Мне это подойти не помешало.
- 118 Тогда он поднял голову чуть-чуть,
Сказав: «Ты разобрал, как мир устроен,
Что солнце влево может повернуть?»
- 121 Поистине улыбки был достоин
Его ленивый вид и вялый слог.
Я начал так: «Белаква, я спокоен
- 124 За твой удел; но что тебе за прок
Сидеть вот тут? Ты ждешь еще народа
Иль просто впал в обычный свой порок?»
- 127 И он мне: «Брат, что пользы от похода?
Меня не пустит к мытарствам сейчас
Господня птица, что сидит у входа,
- 130 Пока вокруг меня не меньше раз,
Чем в жизни, эта твердь свой круг опишет
Затем что поздний вздох мне душу спас;
- 133 И лишь сердца, где милость божья дышит
Могли бы мне молитвами помочь.
В других — что пользы? Небо их не слышит»
- 136 А между тем мой спутник, идя прочь,
Звал сверху: «Где ты? Солнце уж высоко
И тронуло меридиан, а ночь
- 139 Простерла шаг от берега к Моррокко».

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

ослед вождю, послушливым скитальцем,
Я шел от этих теней все вперед,
Когда одна, указывая пальцем,

- ⁴ Вскричала: «Гляньте, слева луч нейдет
От нижнего, да и по всем приметам
Он словно как живой себя ведет!»
- ⁷ Я обратил глаза при слове этом
И увидал, как изумлен их взгляд
Мной, только мной и рассеченным светом.
- ¹⁰ «Ужель настолько, чтоб смотреть назад, —
Сказал мой вождь, — они твой дух волнуют?
Не все ль равно, что люди говорят?»
- ¹³ Иди за мной, и пусть себе толкуют!
Как башня стой, которая вовек
Не дрогнет, сколько ветры ни бушуют!
- ¹⁶ Цель от себя отводит человек,
Сменяя мысли каждое мгновенье:
Дав ход одной, другую он пресек».
- ¹⁹ Что мог бы я промолвить в извиненье?
«Иду», — сказал я, краску чуя сам,
Дарующую иногда прощенье.
- ²² Меж тем повыше, идя накрест нам,
Толпа людей на склоне появилась
И пела «Miserere», по стихам.

- 25 Когда их зренье точно убедилось,
Что сила света сквозь меня не шла,
Их песнь глухим и долгим «О!» сменилась.
- 28 И тотчас двое, как бы два посла,
Сбежали к нам спросить: «Скажите, кто вы.
И участь вас какая привела?»
- 31 И мой учитель: «Мы сказать готовы,
Чтоб вы могли поведать остальным,
Что этот носит смертные покровы.
- 34 И если их смутила тень за ним,
То всё объяснено таким ответом:
Почтенный ими, он поможет им».
- 37 Я не видал, чтоб в сумраке нагретом
Горящий пар быстрей прорезал высь
Иль облака заката поздним летом,
- 40 Чем те наверх обратно поднялись;
И тут на нас помчалась вся их стая,
Как взвод несется, ускоряя рысь.
- 43 «Сюда их к нам валит толпа густая,
Чтобы тебя просить, — сказал поэт. —
Иди всё дальше, на ходу внимая».
- 46 «Душа, идущая в блаженный свет
В том образе, в котором в жизнь вступала,
Умерь свой шаг! — они кричали вслед. —
- 49 Взгляни на нас: быть может, нас ты знала
И весть прихватишь для земной страны?
О, не спёши так! Выслушай сначала!
- 52 Мы были все в свой час умерщвлены
И грешники до смертного мгновенья,
Когда, лучом небес озарены,

- 63 Покаялись, простили оскорбленья
И смерть прияли в мире с божеством,
Здесь нас томящим жаждой лицезренья».
- 68 И я: «Из вас никто мне не знаком;
Чему, скажите, были бы вы рады,
И я, по мере сил моих, во всем
- 61 Готов служить вам, ради той отрады,
К которой я, по следу этих ног,
Из мира в мир иду сквозь все преграды»
- 64 Один сказал: «К чему такой зарок?
В тебе мы верим доброму желанью,
И лишь бы выполнить его ты мог!
- 67 Я, первый здесь взывая к состраданью.
Прошу тебя: когда придешь к стране,
Разъявшей землю Карла и Романью,
- 70 И будешь в Фано, вспомни обо мне,
Чтоб за меня воздели к небу взоры,
Дабы я мог очиститься вполне.
- 73 Я сам оттуда; но удар, который
Дал выход крови, где душа жила,
Я встретил там, где властны Антеноры
- 76 И где вовеки я не чаял зла;
То сделал Эсте, чья враждебность шире
Пределов справедливости была.
- 79 Когда бы я бежать пустился к Мире,
В засаде под Орьяго очутясь,
Я до сих пор дышал бы в вашем маре.
- 82 Но я подался в камыши и грязь;
Там я упал; и видел, как в трясине
Кровь жил моих затоном разлилась».

- 85 Затем другой: «О, да взойдешь к вершине,
Надежду утоленную познав,
И да не презришь и мою отныне!»
- 88 Я был Бонконте, Монтефельтрский граф.
Забытый всеми, даже и Джованнай,
Я здесь иду среди склоненных глав».
- 91 И я: «Что значил этот случай странный,
Что с Кампальдино ты исчез тогда
И где-то спишь в могиле безымянной?»
- 94 «О! — молвил он. — Есть горная вода,
Аркьяно; ею, вниз от Камальдоли,
Изрыта Казентинская гряда.
- 97 Туда, где имя ей не нужно боле,
Я, ранен в горло, идя напрямик,
Пришел один, окровавляя поле.
- 100 Мой взор погас, и замер мой язык
На имени Марии; плоть земная
Осталась там, где я к земле поник.
- 103 Знай и поведай людям: ангел Рая
Унес меня, и ангел адских врат
Кричал: „Небесный! Жадность-то какая!
- 106 Ты вечное себе присвоить рад
И, пользуясь слезинкой, поживиться;
Но прочего меня уж не лишат!“
- 109 Ты знаешь сам, как в воздухе клубится
Пар, снова истекающий водой,
Как только он, поднявшись, охладится.
- 112 Ум сочетая с волей вечно злой
И свой природный дар пуская в дело,
Бес двинул дым и ветер над землей.

- 115 Долину он, как только солнце село,
От Пратоманьо до большой гряды
Покрыл туманом; небо почернело,
- 118 И воздух стал тяжелым от воды;
Пролился дождь, стремя по косогорам
Всё то, в чем почве не было нужды,
- 121 Потоками свергаясь в беге скром
К большой реке, переполняя дол
И всё сметая бешеным напором.
- 124 Мой хла́зный труп на берегу нашел
Аркьяно буйный; как обломок некий,
Закинул в Арно; крест из рук расплел,
- 127 Который я сложил, смыкая веки;
И, мутною обвив меня волной,
Своей добычей придавил навеки».
- 130 «Когда ты возвратишься в мир земной
И тягости забудешь путевые, —
Сказала третья тень вслед второй, —
- 133 То вспомни также обо мне, о Пии!
Я в Сиене жизнь, в Маремме смерть нашла,
Как знает тот, кому я в дни былые,
- 136 Меняясь перстнем, руку отдала».

огда кончается игра в три кости,
То проигравший снеся их берет
И мечет их один, в унылой злости;

- ⁴ Другого провожает весь народ;
Кто спереди зайдет, кто сзади тронет,
Кто сбоку за себя словцо ввернет.
- ⁷ А тот идет и только ухо клонит;
Подаст кому, — итти уже вольней,
И так он понемногу всех разгонит.
- ¹⁰ Таков был я в густой толпе теней,
Чье множество казалось превелико,
И, обещая, управлялся с ней.
- ¹³ Там аретинец был, чью жизнь так дико
Похитил Гин ди Такко, рядом был
В погоне утонувший; Федерико
- ¹⁶ Новелло, руки протянув, молил:
И с ним пизанец, некогда явивший
В незлобивом Марцукко столько сил.
- ¹⁹ Граф Орсо был средь них; был дух, твердивший
Что он враждой и завистью убит,
Его безвинно с телом разлучившей, —
- ²² Пьер де ла Бросс; брабантка пусть спешит,
Пока жива, с молитвами своими,
Не то похуже стадо ей грозит.

- 25 Когда я, наконец, расстался с ними,
Просившими, чтобы просил другой,
Дабы скорей им сделаться святыми,
- 28 Я начал так: «Я помню, светоч мой,
Ты отрицал, в стихе, тобою сплетом,
Что суд небес смягчается мольбой;
- 31 А эти люди просят лишь об этом.
Иль их надежда тщетна, или мне
Твои слова не озарились светом?»
- 34 Он отвечал: «Они ясны вполне,
И этих душ надежда не напрасна,
Когда мы трезво поглядим извне.
- 37 Вершина правосудия согласна,
Чтоб огнь любви мог уничтожить вмиг
Долг, ими здесь платимый повсечасно.
- 40 А там, где стих мой у меня возник,
Молитва не служила искупленьем,
И звук ее небес бы не достиг.
- 43 Но не смущайся тягостным сомненьем:
Спроси у той, которая прельяет
Свет между истиной и разуменьем.
- 46 Ты понял ли, не знаю: речь идет
О Беатриче. Там, на выси горной,
Она с улыбкой, радостная, ждет».
- 49 И я: «Идем же поступью проворной;
Уже и сам я меньше утомлен,
А видишь — склон оделся тенью черной».
- 52 «Сегодня мы пройдем, — ответил он, —
Как можно больше; много — не придется,
И этим ты напрасно обольщен.

- 55 Пока взойдешь, нераз еще вернется
Тот, кто сейчас уже горой закрыт,
Так что и луч вокруг тебя не рвется.
- 58 Но видишь — там какой-то дух сидит,
Совсем один, взирая к нам безгласно;
Он скажет нам, где краткий путь лежит».
- 61 Мы шли к нему. Как гордо и бесстрастно
Ты ждал, ломбардский дух, и лишь едва
Водил очами, медленно и властно!
- 64 Он про себя таил свои слова,
Нас, на него идущих, озирая
С осанкой отдыхающего льва.
- 67 Вождь подошел к нему узнать, какая
Удобнее дорога к вышине;
Но он, на эту речь не отвечая,
- 70 Спросил о нашей жизни и стране.
Чуть «Мантуя...» успел сказать Виргилий,
Как дух, в своей замкнутый глубине,
- 73 Встал, и уста его проговорили:
«О мантуанец, я же твой земляк,
Сорделло!» И они объятья слили.
- 76 Италия, раба, скорбей очаг,
В великой буре судно без кормила,
Не госпожа народов, а кабак!
- 79 Здесь доблестной душе довольно было
Лишь звук услышать милой стороны,
Чтобы она сородича почтила;
- 82 А у тебя не могут без войны
Твои живые, и они грызутся,
Одной стеной и рвом окружены.

- 85 Тебе, несчастной, стоит оглянуться
На берега твои и города:
Где мирные обители найдутся?
- 88 К чему тебе подправил повода
Юстиниан, когда седло пустует?
Безуздой меньше было бы стыда.
- 91 О вы, кому молиться долженствует,
Так чтобы Кесарь не слезал с седла,
Как вам господне слово указует,—
- 94 Вы видите, как эта лошадь зла,
Уже не укрощаемая шпорой
С тех пор, как вы взялись за удила?
- 97 И ты, Альберт немецкий, ты, который
Был должен утвердиться в стременах,
А дал ей одичать,— да грянут скорой
- 100 И правой карой звезды в небесах
На кровь твою, как ни на чью доселе,
Чтоб твой преемник ведал вечный страх!
- 103 Затем что ты и твой отец терпели,
Чтобы пустыней стал имперский сад,
А сами, сидя дома, богатели.
- 106 Приди, беспечный, кинуть только взгляд:
Мональди, Филиппески, Капpellетти,
Монтекки,— те в слезах, а те дрожат!
- 109 Приди, взгляни на знать свою, на эти
Насилия, которые мы зrim;
Увидишь — Сантафьор в каком расцвете!
- 112 Приди, взгляни, как сетует твой Рим,
Вдова, в слезах зовущая супруга:
«Я Кесарем покинута моим!»

- 116 Приди, взгляни, как любят все друг друга!
И, если нас тебе не жаль, приди
Хоть устыдиться нашего недуга!
- 118 И, если смею, о верховный Дий,
За род людской казненный казнью крестной,
Свой правый взор от нас не отводи!
- 121 Или, быть может, в глубине чудесной
Твоих судеб ты нам готовишь клад
Великой радости, для нас безвестной?
- 124 Ведь города Италии кишат
Тиранами, и в образе клеврета
Любой мужик пролезть в Марцеллы рад.
- 127 Флоренция моя, тебя всё это
Касаться не должно, ты — вдалеке,
В твоем народе каждый — муж совета!
- 130 У многих правда — в сердце, в тайнике,
Но необдуманно стрельнуть — боятся;
А у твоих она на языке.
- 133 Иные общим делом тяготятся;
А твой народ, участливый к нему,
Кричит незваный: «Я согласен взяться!»
- 136 Ликий же ныне, ибо есть чему:
Ты мирна, ты разумна, ты богата!
А что я прав, то видно по всему:
- 139 И Спарта, и Афины, где когда-то
Гражданской правды занялась заря,
Перед тобою — малые ребята;
- 142 Тончайшие уставы мастеря,
Ты в октябре примеришь их, бывало,
И сносишь к середине ноября.

145 За краткий срок ты сколько раз меняла
Законы, деньги, весь уклад и чин
И собственное тело обновляла!

148 Опомнившись хотя б на миг один,
Поймешь сама, что ты — как та больная,
Которая не спит среди перин,

151 Ворочаясь и отдыха не зная.

П Е С Н Ь С Е ДЬМА Я

трижды, и четырежды успело
Приветствие возникнуть на устах,
Пока не молвил, отступив, Сорделло:

- ⁴ «Вы кто?» — «Когда на этих высотах
Достойные спастись, еще не жили,
Октавиан похоронил мой прах.
- ⁷ Без правой веры был и я, Виргилий,
И лишь за то утратил вечный свет». ТАк на вопрос слова вождя гласили.
- ¹⁰ Как тот, кто сам не знает — явь иль бред
То дивное, что перед ним предстало,
И, сомневаясь, говорит: «Есть... Нет...», —
- ¹³ Таков был этот; изумясь сначала,
Он взор потупил и ступил вперед
Обнять его, как низшему пристало.
- ¹⁶ «О свет латинян, — молвил он, — о тот,
Кто нашу речь вознес до полной власти,
Кто город мой почтил из рода в род,
- ¹⁹ Награда мне иль милость в этом счастьи?
И, если просьбы мне разрешены,
Скажи: ты был в Аду? в которой части?»
- ²² «Сквозь все круги отверженной страны, —
Ответил вождь мой, — я сюда явился;
От неба силы были мне даны.

- 25 Не делом, а неделаньем лишился
Я Солнца, к чым лучам стремишься ты;
Его я поздно ведать научился.
- 26 Есть край внизу, где скорбь — от темноты,
А не от мук, и в сумраках бездонных
Не возгласы, а вздохи разлиты.
- 31 Там я, — среди младенцев, уязвленных
Зубами смерти в свете их зари,
Но от людской вины не отрешенных;
- 34 Там я, — средь тех, кто не облекся в три
Святые добродетели и строго
Блюл остальные, их нося внутри.
- 37 Но как дойти скорее до порога
Чистилища? Не можешь ли ты нам
Дать указанье, где лежит дорога?»
- 40 И он: «Скитаться здесь по всем местам,
Вверх и вокруг, я не стеснен нимало.
Насколько в силах, буду спутник вам.
- 43 Но видишь — время позднее настало,
А ночью вверх уже нельзя итти;
Пора наметить место для привала.
- 46 Здесь души есть направо по пути,
Которые тебе утешат очи,
И я готов тебя туда свести».
- 49 «Как так? — ответ был. — Если кто средь ночи
Пойдет наверх, ему не даст другой?
Иль просто самому не станет мочи?»
- 52 Сорделло по земле черкнул рукой,
Сказав: «Ты видишь? Стоит солнцу скрыться,
И ты замрешь пред этою чертой»;

- ⁶⁵ Причем тебе не даст наверх стремиться
Не что другое, как ночная тень;
Во тьме бессильем воля истребится.
- ⁶⁸ Но книзу, со ступени на ступень,
И вкруг горы итти легко повсюду,
Пока укрыт за горизонтом день».
- ⁶¹ Мой вождь внимал его словам, как чуду,
И отвечал: «Веди же нас туда,
Где ты сказал, что я утешен буду».
- ⁶⁴ Мы двинулись в дорогу, и тогда
В горе открылась выемка, такая,
Как здесь в горах бывает иногда.
- ⁶⁷ «Войдем туда,— сказала тень благая,—
Где горный склон как бы раскрыл врата,
И там пробудем, утра ожидая».
- ⁷⁰ Тропинка, не ровна и не крута,
Виясь, на край долины приводила,
Где меньше половины высота.
- ⁷³ Сребро и злато, червлень и белила,
Отколотый недавно изумруд,
Лазурь и дуб-светляк превосходило
- ⁷⁶ Сияние произраставших тут
Трав и цветов и верх над ними брало,
Как большие над мёньшими берут.
- ⁷⁹ Природа здесь не только расцвечала,
Но как бы некий непостижный сплав
Из сотен ароматов создавала.
- ⁸² «*Salve, Regina*» — меж цветов и трав
Толпа теней, внизу сидевших, пела,
Незримое убежище избрав.

- 85 «Покуда солнце всё еще не село, —
Наш мантуанский спутник нам сказал, —
Здесь обождать мы с вами можем смело.
- 88 Вы разглядите, став на этот вал,
Отчетливей их лица и движенья,
Чем если бы их сонм вас окружал.
- 91 Сидящий выше, с видом сокрушенья
О том, что он призваньем пренебрег,
И губ не раскрывающий для пенья —
- 94 Был кесарем Рудольфом, и он мог
Помочь Италии воскреснуть вскоре,
А ныне этот час опять далек.
- 97 Тот, кто его ободрить хочет в горе,
Царил в земле, где воды вдоль дубрав
Молдава в Лабу льет, а Лаба в мэре.
- 100 То Оттокар; он, из пелен не встав,
Был доблестней, чем бороду наживший
Его сынок, беспутный Венцеслав.
- 103 А тот курносый, в разговор вступивший
С таким вот благодушным добряком,
Пал, как беглец, честь лилий омрачивший.
- 106 И как он в грудь колотит кулаком!
А этот, щеку на руке лелея
Как на постели, вздохи шлет тайком.
- 109 Отец и тесть французского злодея,
Они о мерзости его скорбят,
И боль язвит их, в сердце пламенея.
- 112 А этот кряжистый, поющий в лад
С тем носачом, смотрящим величаво,
Был опоясан всем, что люди чтят.

- 115 И если бы в руках была держава
У юноши, сидящего за ним,
Из чаши в чашу перешла бы слава,
- 118 Котсрай нехватило остальным:
Хоть воцарились Яков с Федериком,
Всё то, что лучше, не досталось им.
- 121 Нечасто доблесть, данная владыкам,
Восходит в ветви; тот ее дарит,
Кто может все в могуществе великим.
- 124 Нёсач изведал так же этот стыд,
Как с ним поющий Педро знаменитый:
Прованс и Пулья стонут от обид.
- 127 Он выше был, чем отпрыск, им отвитый,
Как и Гостанца мужем пославней,
Чем были Беатриче с Маргаритой.
- 130 А вот смиреннейший из королей,
Английский Генрих, севший одиноко;
Счастливее был рост его ветвей.
- 133 Там, ниже всех, где дол лежит глубоко,
Маркиз Гульельмо подымает взгляд;
Алессандрия за него жестоко
- 136 Казнила Канавез и Монферрат».

ПЕСНЬ ВОСЬМАЯ

тот самый час, когда томят печали
Отплывших вдаль и нежит мысль о том,
Как милые их утром провожали,

- 1 А новый странник на пути своем
Пронзен любовью, дальний звон внимая,
Подобный плачу над умершим днем,
- 7 Я начал, слух невольно отрешая,
Следить, как средь теней встает одна,
К вниманью мановеньем приглашая.
- 10 Сложив и вскинув кисти рук, она
Стремила взор к востоку и, казалось,
Шептала богу: «Я одним полна».
- 13 «Te lucis ante» — с уст ее раздалось
Так набожно, и так был нежен звук,
Что о себе самом позабывалось.
- 16 И, набожно и нежно, весь их круг
С ней до конца исполнил песнопенье,
Взор воздымая до верховных дуг.
- 19 Здесь в истину вонзи, читатель, зренье;
Покровы так прозрачны, что сквозь них
Уже совсем легко проникновенье.
- 22 Я видел: сонм властителей земных,
С покорно вознесенным очами,
Как в ожиданье, побледнев, затих.

- 26 И видел я: два ангела, над нами
Спускаясь вниз, держали два клинка,
Пылающих, с неострыми концами.
- 28 И, зеленее свежего листка,
Одежда их, в ветру зеленых крыльй,
Вилась вслед, волниста и легка.
- 31 Один слетел чуть выше, чем мы были,
Другой — на обращенный к нам откос,
И так они сидевших окаймили.
- 34 Я различал их русый цвет волос,
Но взгляд темнел, на лицах их почия,
И яркости чрезмерной я не снес.
- 37 «Они сошли из лона, где Мария,—
Сказал Сорделло,— чтобы дол стеречь,
Затем что близко появление змия».
- 40 И я, не зная, как себя беречь,
Взглянул вокруг и поспешил укрыться,
Оледенелый, возле верных плеч.
- 43 И вновь Сорделло: «Нам пора спуститься
И славным теням о себе сказать;
Им будет радость с вами очутиться».
- 46 Я, в три шага, ступил уже на гладь;
И видел, как одна из душ взирала
Всё на меня, как будто чтоб узнать.
- 49 Уже и воздух покернел немало,
Но для моих и для ее очей
Он всё же вскрыл то, что таил сначала.
- 52 Она ко мне подвинулась, я — к ней.
Как я был счастлив, Нино благородный,
Тебя узреть не между злыx теней!

- 55 Приветствий дань была посредной;
И он затем: «К прибрежью под горой
Давно ли ты приплыл пустыней водной?»
- 58 «О, — я сказал, — я вышел пред зарей
Из скорбных мест и жизнь влачу земную,
Хоть, идя так, забочусь о другой».
- 61 Из уст моих услышав речь такую,
Он и Сорделло подались назад,
Дивясь тому, о чем я повествую.
- 64 Один к Виргилию направил взгляд,
Другой — к сидевшим, крикнув: «Встань, Курадо!
Взгляни, как бог щедротами богат!»
- 67 Затем ко мне: «Ты, избранное чадо,
К которому так милостив был тот,
О чьих путях и мудрствовать не надо, —
- 70 Скажи в том мире, за простором вод,
Чтоб мне моя Джованна пособила
Там, где невинных верный отклик ждет.
- 73 Должно быть, мать ее меня забыла,
Свой белый плат носив недолгий час,
А в нем бы ей, несчастной, лучше было.
- 76 Ее пример являет напоказ,
Что пламень в женском сердце вечно хочет
Глаз и касанья, чтобы он не гас.
- 79 И не такое ей надгробье прочит
Ехидна, в бой ведущая Милан,
Какое создал бы галлурский кочет».
- 82 Так вел он речь, и взор его и стан
Несли печать горячего порыва,
Которым дух пристойно обуян.

- 85 Мои глаза стремились в твердь пытливо,
Туда, где звезды обращают ход,
Как сердце колеса, неторопливо.
- 88 И вожды: «О сын мой, что твой взор влечет?»
И я ему: «Три этих ярких света,
Зажегшие вокруг остья небосвод».
- 91 И он: «Те, что ты видел до рассвета,
Склонились, все четыре, в должный срок;
На смену им взошло трехзвездье это».
- 94 Сорделло вдруг его к себе привлек,
Сказав: «Вот он! Взгляни на супостата!»
И указал, чтоб тот увидеть мог.
- 97 Там, где стена расселины разъята,
Была змея, похожая на ту,
Что Еве горький плод дала когда-то.
- 100 В цветах и травах бороздя черту,
Она порой свивалась, чтобы спину
Лизнуть, как зверь наводит красоту.
- 103 Не видев сам, я речь о том откину,
Как тот и этот горний ястреб взмыл;
Я их полет застал наполовину.
- 106 Едва заслыша взмах зеленых крыл,
Змей ускользнул, и каждый ангел снова
Взлетел туда же, где он прежде был.
- 109 А тот, кто подошел к нам после зова
Судьи, всё это время напролет
Следил за мной и не промолвил слова.
- 112 «Твой путеводный светоч да найдет, —
Он начал, — нужный воск в твоей же воле,
Пока не ступишь на финифть высот!

- 115 Когда ты ведаешь хоть в малой доле
Про Вальдимагру и про те края,
Подай мне весть о дедовском престоле.
- 118 Куррадо Маласпина звался я;
Но Старый — тот другой, он был мне дедом;
Любовь к родным светлеет здесь моя».
- 121 «О! — я сказал, — мне только по беседам
Знаком ваш край; но разве угол есть
Во всей Европе, где б он не был ведом?
- 124 Ваш дом стяжал заслуженную честь,
Почет владыкам и почет державе,
И даже кто там не был, слышал весть.
- 127 И, как стремлюсь к вершине, так я вправе
Сказать: ваш род, за что ему хвала,
Кошель и меч в старинной держит славе.
- 130 В нем доблесть от привычки возросла,
И, хоть с пути дурным главой всё сбито,
Он знает цель и сторонится зла».
- 133 И тот: «Иди; поведаю открыто,
Что солнце не успеет лечь семь раз
Там, где Овен расположил колыта,
- 136 Как это мненье лестное о нас
Тебе в средину головы вклинился
Гвоздями, крепче, чем чужой рассказ,
- 139 Раз приговор не может не свершиться».

П Е С Н Ъ Д Е В Я Т А Я

аложница Тифона, в ризах снежных,
Уже взошла на утренний помост,
Освобождаясь от объятий нежных;

- 4 В ее челе сияли камни звезд,
Как тот холодный зверь, который, с нами
Вступая в битву, извивает хвост;
- 7 А ночь, всходя, уже двумя шагами
Означила в высотах свой подъем,
И даже третий поникал крылами,
- 10 Когда, с Адамом в существе своем,
Я на траву склонился, засыпая,
Там, где мы все сидели впятером.
- 13 В тот час, когда поет, зарю встречая,
Касатка, и напев ее тосклив,
Как будто скорбь ей памятна былая,
- 16 И разум наш, себя оправив
От дум и сбросив тленные покровы,
Бывает как бы веще прозорлив,
- 19 Мне снилось — надо мной орел суровый
Навис, одетый в золотистый цвет,
Распластанный и ринуться готовый,
- 22 И будто бы я там, где Ганимед,
Своих покинув, дивно возвеличен,
Восхищен был в заоблачный совет.

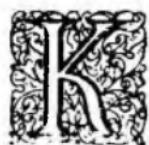
- 25 Мне думалось: «Быть может, он привычен
Разить лишь тут, где он настиг меня,
А иначе к добыче безразличен».
- 28 Меж тем, кругами землю осеня,
Он грозовым перуном опустился
И взмыл со мной до самого огня:
- 31 И тут я вместе с ним воспламенился;
И призрачный пожар меня палил
С такою силой, что мой сон разбился:
- 34 Не меньше вздрогнул некогда Ахилл,
Всдя окрест очнувшиеся веки
И сам не зная, где он их раскрыл,
- 37 Когда он от Хироновой опеки
Был матерью на Скир перенесен,
Хотя и там его настигли греки, —
- 40 Чем вздрогнул я, когда покинул сон
Мое лицо; я побледнел и хладом
Пронизан был, как тот, кто устрашен.
- 43 Один Виргилий был со мною рядом,
И третий час сияла солнцем высь,
И море расстипалось перед взглядом.
- 46 Мой господин промолвил: «Не страшись!
Оставь сомненья, мы уже у цели;
Не робостью, но силой облекись!
- 49 Мы, наконец, Чистилище узрели:
Вот и кругом идущая скала,
А вот и самый вход, подобный щели.
- 52 Когда заря была уже светла,
А ты дремал душой, в цветах почия
Среди долины, женщина пришла

- 65 И так она сказала: „Я Лючия;
Чтобы тому, кто спит, помочь верней,
Его сама хочу перенести я“.
- 66 И от Сорделло и других теней
Гебя взяла и, так как солнце встало,
Пошла наверх, и я вослед за ней.
- 67 И, здесь тебя оставив, указала
Прекрасными очами этот вход;
И тотчас ни ее, ни сна не стало».
- 68 Как тот, кто от сомненья перейдет
К познанью правды и, ее оплотом
Оборонясь, решимость обретет,
- 69 Так ожил я; и, видя, что заботам
Моим конец, вождь на крутой откос
Пошел вперед, и я за ним — к высотам.
- 70 Ты усмотрел, читатель, как вознес
Я свой предмет; и поневоле надо,
Чтоб вместе с ним и я в искусстве рос.
- 71 Мы подошли, и, где сперва для взгляда
В скале чернела только пустота,
Как если трещину дает ограда,
- 72 Я увидал перед собой врата,
И три больших ступени, разных цветом,
И вратника, сомкнувшего уста.
- 73 Сидел он, как я различил при этом,
Над самой верхней, чтобы вход стеречь,
Таков лицом, что я был ранен светом.
- 74 В его руке был обнаженный меч,
Где отраженья солнца так дробились,
Что я глаза старался оберечь.

- 85 «Скажите с места: вы зачем явились? —
Так начал он. — Кто вам дойти помог?
Смотрите, как бы вы не поплатились!»
- 88 «Жена с небес, а ей знаком зарок, —
Сказал мой вождь, — явив нам эти сени,
Промолвила: „Идите, вот порог“.
- 91 «Не презрите благих ее велений! —
Нас благосклонный вратарь пригласил. —
Придите же подняться на ступени».
- 94 Из этих трех уступов первый был
Столь гладкий и блестящий мрамор белый,
Что он мое подобье отразил;
- 97 Второй — шершавый камень обгорелый,
Растресканный и вдоль, и поперек,
И цветом словно пурпур почерневший;
- 100 А третий, тот, который сверху лег, —
Кусок порфира, ограненный строго,
Огнисто-алый, как кровавый ток.
- 103 На нем стопы покоил вестник бога;
Сидел он, обращенный к ступеням,
На выступе алмазного порога.
- 106 Ведя меня, как я хотел и сам,
По плитам вверх, мне молвил мой вожатый:
«Проси смиренно, чтоб он отпер нам».
- 109 И я, благоговением объятый,
К святым стопам, моля открыть, упал,
Себя рукой ударя в грудь трикраты.
- 112 Семь Р на лбу моем он начертал
Концом меча и: «Смой, чтобы он сгинул,
Когда войдешь, след этих ран», — сказал.

- 115 Как если б кто сухую землю вскинул
Иль разбросал золу, совсем такой
Был цвет его одежд. Из них он вынул
- 118 Ключи — серебряный и золотой;
И, белый с желтым взяв поочередно,
Он сделал с дверью чаемое мной.
- 121 «Как только тот иль этот ключ свободно
Не ходит в скважине и slab нажим, —
Сказал он нам, — то и пытать бесплодно.
- 124 Один ценней; но, чтоб владеть другим,
Умом и знаньем нужно изощриться,
И узел без него неразрешим.
- 127 Мне дал их Петр, веля мне ошибиться
Скорей впустив, чем отослав назад,
Тех, кто пришел у ног моих склониться».
- 130 Потом, толкая створ священных врат:
«Войдите, но запомните сначала,
Что изгнан тот, кто обращает взгляд».
- 133 В тот миг, когда святая дверь вращала
В своих глубоких гнездах стержни стрел
Из мощного и звонкого металла,
- 136 Не так боролся и не так гудел
Тарпей, лишаясь доброго Метелла,
Которого утратив — оскудел.
- 139 Я поднял взор, когда она взгримела,
И услыхал, как сквозь отрадный гуд
Далекое «Te Deum» долетело.
- 142 И точно то же получалось тут,
Что слышали мы все неоднократно,
Когда стоят и под орган поют,
- 145 И пение то внятно, то невнятно.

ПЕСНЬ ДЕСЯТАЯ

огда мы очутились за порогом,
Заброшенным из-за любви дурной,
Ведущей душа во кривым дэрогам,

- 4 Дверь, загремев, захлопнулась за мной;
И, оглянись я на дверные своды,
Что б я сказал, подавленный виной?
- 7 Мы поднимались в трещине породы,
Где та и эта двигалась стена,
Как ходят мерно плещущие воды.
- 10 Мой вождь сказал: «Здесь выучка нужна,
Так, чтобы знать, какая в самом деле
Окажется надежней сторона».
- 13 Вперед мы подвигались еле-еле,
И скучный месяц, канув глубоко,
Улегся раньше на своей постеле,
- 16 Чем мы прошли игольное ушко.
Мы вышли там, где горный склон от края
Повсюду отступил недалеко,
- 19 Я — утомясь, тот и другой — не зная,
Куда итти; тропа над бездной шла,
Безлюднее, чем колея степная.
- 22 От кромки, где срывается скала,
И до стены, вздымающейся высоко,
Она в три роста шириной была.

- 25 Докуда крылья простирало око,
Налево и направо, весь извив
Дороги этой шел равно широко.
- 23 Еще вперед и шагу не ступив,
Я, озинаясь, убедился ясно,
Что весь белевший надо мной обрыв
- 31 Был мрамор, изваянный так прекрасно,
Что подражать не только Поликлет,
Но и природа стала бы напрасно.
- 34 Тот ангел, что земле принес обет
Столь слезно чаемого примиренья
И с неба вековечный снял завет,
- 87 Являлся нам в правдивости движенья
Так живо, что ни в чем не походил
На молчаливые изображенья.
- 40 Он, я бы клялся, «Ave!» говорил
Склонившейся жене благословенной,
Чей ключ любовь в высотах отворил.
- 43 В ее чертах ответ ее смиренный,
«Ecce ancilla Dei», был ясней,
Чем в мягком воске образ впечатленный
- 46 «В такой недвижности не цепеней!» —
Сказал учитель мой, ко мне стоявший
Той стороной, где сердце у людей.
- 49 Я, отрывая взгляд мой созерцавший,
Увидел за Марией, в стороне,
Где находился мне повелевавший,
- 62 Другой рассказ, иссеченный в стене;
Я стал напротив, обойдя поэта,
Чтобы глазам он был открыт вполне.

- 65 Изображало изваянье это,
Как на волах святой ковчег везут,
Ужасный тем, кто не блюдет запрета.
- 68 И на семь хоров разделенный люд
Мои два чувства вовлекал в раздоры;
Слух скажет: «Нет», а зренье: «Да, поют».
- 61 Как и о дыме ладанном, который
Там был изображен, глаз и ноздря
О «да» и «нет» вели друг с другом споры.
- 64 А впереди священного ларя
Смиренный Псалмопевец, пляс творящий,
И больше был, и меньше был царя.
- 67 Мелхола, изваянная смотрящей
Напротив из окна больших палат,
Имела облик гневной и скорбящей.
- 70 Я двинулся, чтобы насытить взгляд
Другою повестью, которой вправо,
Вслед за Мелхолой, продолжался ряд.
- 73 Там возвещалась истинная слава
Того владыки римлян, чьи дела
Григорий обессмертил величаво.
- 76 Вдовица, ухватясь за удила,
Молила императора Траяна
И слезы, сокрушенная, лила.
- 79 От всадников тесна была поляна,
И в золоте колеблемых знамен
Орлы парили, кесарю охрана.
- 82 Окружена людьми со всех сторон,
Несчастная звала с тоской во взоре:
«Мой сын убит, он должен быть отмщен.»

- 65 И кесарь ей: «Повремени, я вскоре
Вернусь». — «А вдруг, — вдовица говорит,
Как всякий тот, кого торопит горе, —
- 66 Ты не вернешься?» Он же ей: «Отмстит
Преемник мой». А та: «Не справданье —
Когда другой добро за нас творит».
- 67 И он: «Утешься! Чья мое призванье,
Я не уйду, не сотворив суда.
Так требуют мой долг и состраданье».
- 68 Кто нового не видел никогда,
Тот создал чудо этой речи зrimой,
Немыслимой для смертного труда.
- 69 Пока мой взор вливал, неутомимый,
Смирение всех этих душ людских,
Всё, что изваял мастер несравнимый, —
- 70 «Оттуда к нам, но шаг их очень тих, —
Шепнул поэт, — идет толпа густая;
Путь к высоте узнаем мы у них».
- 71 Мои глаза застыли, созерцая,
Но, жадные до всякой новизны,
К нему метнулись, мига не теряя.
- 72 Читатель, да не будут смущены
Твоей души благие помышленья
Тем, как господь взывает долг с вины.
- 73 Подумай не о тягости мученья,
А о конце, о том, что крайний час
Для худших мук — час грозного решенья.
- 74 Я начал так: «То, что идет на нас,
И на людей по виду непохоже,
А что идет — не различает глаз».

- 115 И он в ответ: «Едва ль есть кара строже,
И ею так придавлены они,
Что я и сам сперва не понял тоже.
- 118 Но присмотрись и зрењем расчлени,
Чтоб движется под этими камнями:
Как бьют они самих себя, взгляни!»
- 121 О христиане, гордые сердцами,
Несчастные, чьи тусклые умы
Уводят вас попятными путями!
- 124 Вам невдомек, что только черви мы,
В которых зреет мотылек нетленный,
На божий суд взлетающий из тьмы!
- 127 Чего возносится ваш дух надменный,
Коль сами вы не разнитесь ничуть
От плоти червяка несовершенной?
- 130 Как если истукан какой-нибудь,
Чтоб крыше иль настилу дать опору,
Колени, скрючясь, упирает в грудь,
- 133 И от обманной боли больно взору,
Который смотрит; так, склоняясь вперед,
И эти люди обходили гору.
- 136 Кто легче нес, а кто тяжеле гнет,
И так, согбенный, двигался по краю;
Но с виду терпеливейший, и тот
- 139 Как бы взывал в слезах: «Изнемогаю!»

ПЕСНЬ ОДИННАДЦАТАЯ

наш отец, на небесах царящий,
Не замкнутый, но первенцам своим
Благоволенье прежде всех дарящий,

- 4 Пред мощью и пред именем твоим
Да склонится вся тварь, как песнью славы
Мы твой сладчайший дух благодарим!
- 7 Да снидет к нам покой твоей державы,
Затем что сам найти дорогу к ней
Бессилен разум, самый величавый!
- 10 Как, волею пожертвсвав своей,
К тебе взывают ангелы „Осанна“,
Так на земле да будет у людей!
- 13 Да ниспошлется нам дневная манна,
Без коей по суровому пути
Отходит вспять идущий неустанно!
- 16 Как то, что нам далось перенести,
Прощаем мы, так наши прегрешенья
И ты, не по заслугам, нам прости!
- 19 И нашей силы, слабой для боренья,
В борьбу с врагом исконным не вводи,
Но охрани от козней искушенья!
- 22 От них, великий боже, огради
Не нас, укрытых сенью безопасной,
А тех, кто там остался позади».

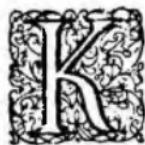
- 25 Так, о себе и нас в мольбе всечасной,
Шли тени эти и несли свой гнет,
Как сонное удушие ужасный,
- 28 Неравно бедствуя и всё вперед
По первой кромке медленно шагая,
Пока с них тьма мирская не спадет.
- 31 И если там о нас печаль такая,
Чтоб здесь должны сказать и сделать те,
В ком с добрым корнем воля есть благая,
- 34 Чтоб эти души, в легкой чистоте,
Смыв принесенные отсюда пятна,
Могли подняться к звездной высоте?
- 37 «Скажите, — и да снайдут благодатно
К вам суд и милость, чтоб, раскрыв крыла,
Вы вознеслись отсюда безвозвратно:
- 40 Где здесь тропа, которая бы шла
К вершине? Если же их две иль боле,
То где не так обрывиста скала?
- 43 Идущего со мной в немалой доле
Адамово наследие гнетет,
И он, при всходе, медлен поневоле».
- 46 Ответ на эту речь, с которой тот,
Кто был мой спутник, обратился к теням,
Неясно было, от кого идет,
- 49 Но он гласил: «Есть путь к отрадным сеням:
Идите с нами вправо; там, в скале,
И человек взберется по ступеням.
- 52 Когда бы камень не давил к земле
Моей строптивой шеи так сурово,
Что я лицом склонился к пыльной мгле,

- 65 На этого безвестного живого
Я бы взглянул — узнать, кто он такой,
И вот об этой ноше молвить слово.
- 68 Я был латинянин; родитель мой —
Тосканский граф Гульельм Альдобрандески;
Могло к вам имя и дойти молвой.
- 61 Рожден от мощных предков, в древнем блеске
Их славных дел, и позабыв, что мать
У всех одна, заносчивый и резкий,
- 64 Я стал людей так дерзко презирать,
Что сам погиб, как это Сьена знает
И знает в Кампаньятико вся чадь.
- 67 Меня, Омберто, гордость удручет
Не одного; она моих родных
Сгубила всех, и каждый так страдает.
- 70 И я несу мой груз, согben и тих,
Пока угодно богу, исполняя
Средь мертвых то, что презрел средь живых».
- 73 Я опустил лицо мое, внимая;
Один из них, — не тот, кто речь держал, —
Извившись из-под каменного края,
- 76 Меня увидел и, узнав, позвал,
С натугою стремясь взглядеться ближе
В меня, который, лоб склонив, шагал.
- 79 И я: «Да ты же Одеризи, ты же
Честь Губбьо, тот, кем горды мастера
„Иллюминур“, как говорят в Париже!»
- 82 «Нет, братец, в красках веселей игра
У Франко из Болоньи,— он ответил.—
Ему и честь, моя прошла пора.

- 85 А будь я жив, во мне бы он не встретил
Хвалителя, наверно, и поднесь;
Быть первым я всегда усердно метил.
- 88 Здесь платят пеню за такую спесь:
Не воззови я к милости Владыки,
Пока грешил, — я не был бы и здесь:
- 91 О тщетных сил людских обман великий,
Сколь малый срок вершина зелена,
Когда на смену век идет не дикий!
- 94 Кисть Чимабуэ славилась одна,
А ныне Джотто чествуют без лести,
И живопись того затемнена.
- 97 За Гвидо новый Гвидо высшей чести
Достигнул в слове; может быть, рожден
И тот, кто из гнезда спугнет их вместе.
- 100 Мирской молвы многоголосый звон —
Как вихрь, то слева мчащийся, то справа;
Меняя путь, меняет имя он.
- 103 Славней ли будешь, сбросив величаво
Свой старый прах, чем если б ты поблек,
Когда еще твердил „ням-ням“ и „вава“,
- 106 Спустя тысячелетье, — меньший срок
Пред вековечным, чем мгновенье ока
Пред тем, как звездный движется чертог?
- 109 По всей Тоскане прогремел широко
Тот, кто вот там бредет, не торопясь;
Теперь о нем и в Сиене нет намека,
- 112 Где он был вождь, когда надорвалась
Злость флорентинцев, гордая в те лета,
Потом, как шлюха, — втоптанная в грязь.

- 115 Известность ваша — травяного цвета:
Был и пропал, загублен тем как раз,
Кто стебель извлекал к сиянию света».
- 118 И я ему: «Правдивый твой рассказ
Смирил мне сердце, сбив нарост желаний;
Но ты о ком упомянул сейчас?»
- 121 И он в ответ: «То Провенцан Сальвани;
И здесь он потому, что захотел
Держать один всю Съену в крепкой длани.
- 124 Так он идет и свой несет удел,
С тех пор как умер; вот оброк смиренный,
Платимый каждым, кто был слишком смел».
- 127 И я: «Но если дух, в одежде тленной
Не каявшийся до исхода лет,
Обязан ждать внизу горы блаженной, —
- 130 Когда о нем молитвы доброй нет, —
Пока срок жизни вновь не повторился,
Го как же этот — миновал запрет?»
- 133 «Когда он в полной славе находился, —
Ответил дух, — то он, без лишних слов,
На съенском Кампо сесть не постыдился,
- 136 И там, чтоб друга вырвать из оков,
В которых тот томился, Карлом взятый,
Он каждой жилой был дрожать готов.
- 139 Мои слова, я знаю, темноваты;
И в том, что скоро ты поймешь их сам,
Твои соседи будут виноваты.
- 142 За это он и не остался там».

ПЕСНЬ ДВЕНАДЦАТАЯ

ак вол с волом идет под игом плужным,
Я шел близ этой сгорбленной души,
Пока считал мой добрый пестун нужным;

- 4 Но чуть он мне: «Оставь его, спеши;
Здесь, чтобы легче подвигалась лодка,
Все паруса и весла хороши», —
- 7 Я, как велит свободная походка,
Расправил стан и стройность вновь обрел,
Хоть мысль, смиряясь, поникала кротко.
- 10 Я двинулся и радостно пошел
Вослед учителю, и путь пологий
Обоим нам был явно не тяжел,
- 13 Когда он молвил: «Посмотри под ноги!
Тебе увидеть ложе стоп твоих
Полезно, чтоб не чувствовать дороги».
- 16 Как для того, чтоб не забыли их,
Над мертвыми в пол вделанные плиты
Являют, кто чем был среди живых,
- 19 Так что бывают и слезой политы,
Когда воспоминание кольнет,
Хоть от него лишь добрым нет защиты,
- 22 Так точно здесь, но лучше тех работ
И по искусству много превосходней,
Украшен путь, который вокруг идет.

- 25 Я видел — тот, кто создан благородней,
Чем все творенья, молний быстрей
Свергался с неба в бездны преисподней.
- 28 Я видел, как перуном Бриарей
Пронзен с небес, и хладная громада
Прижала землю тяжестью своей.
- 31 Я видел, как Тимбре́й, Марс и Паллада,
В доспехах, вокруг отца, от страшных тел
Гигантов падших не отводят взгляда.
- 34 Я видел, как Немврод уныло сел
И посреди трудов своих напрасных
На сеннаарских гордецов глядел.
- 37 О Ниобея, сколько мук ужасных
Таил твой облик, изваяньем став,
Меж семерых и семерых безгласных!
- 40 О царь Саул, на свой же меч упав,
Как ты, казалось, обагрял Гелвую,
Где больше нет росы, дождя и трав!
- 43 О дерзкая Арахна, как живую
Тебя я видел, полуспауком,
И ткань раздранный видел роковую!
- 46 О Ровоам, ты в облике таком
Уже не грозен, страхом обуянный
И в бегстве колесницею влеком!
- 49 Являл и дальше камень изваянный,
Как мать свою принудил Алкмеон
Проклясть убор, ей на погибель данный.
- 52 Являл, как меч во храме занесен
Двумя сынами на Сеннахирима
И как, сраженный, там остался он.

- 65 Являл, как мшенье грозное творимо
И Тамириса Киру говорит:
«Ты жаждал крови, пей ненасытимс!»
- 58 Являл, как ассирийский стан бежит,
Узнав, что Олоферн простерт, безглавый,
А также и останков жалкий вид.
- 61 Я видел Трою пепелищем славы;
О Илион, как страшно здесь творец
Являл разгром и смерть твоей державы!
- 64 Чья кисть повторит или чей свинец,
Чаруя разум самый прихотливый,
Тех черт и теней дивный образец?
- 67 Казался мертвый мертв, живые живы;
Увидеть явь отчетливей нельзя,
Чем то, что попирал я, молчаливый.
- 70 Кичись же, шествуй, веждами грозя,
Потомство Евы, не давая взору,
Склоняясь, увидеть, как дурна стезя!
- 73 Уже мы дальше обогнули гору,
И солнце дальше унеслось в пути
Чем мой плененный дух считал в ту пору,
- 76 Как вдруг привыкший надо мной блести
Сказал: «Вскинь голову! — ко мне взвывая. —
Так отрешась, уже нельзя итти.
- 79 Взгляни: подходит ангел, нас встречая;
А из прислужниц дня идет назад,
Свой отслужив черед, уже шестая.
- 82 Укрась почтеньем действия и взгляд,
Чтоб с нами речь была ему приятна.
Такого дня тебе не возвратят!»

- 85 Меня учили столь неоднократно
Не тратить времени, что без труда
И это слово я воспринял внятно.
- 88 Прекрасный дух, представший нам тогда,
Шел в белых ризах, и глаза светили,
Как трепетная на заре звезда.
- 91 С широким взмахом рук и взмахом крыльев,
«Идите, — он сказал, — ступени тут,
И вы теперь взойдете без усилий.
- 94 На этот зов немногие идут:
О род людской, чтобы взлетать рожденный,
Тебя к земле и ветерки гнетут!»
- 97 Он обмахнул у кручи иссеченной
Мое чело тем и другим крылом
И обещал мне путь незатрудненный.
- 100 Как если вправо мы на холм идем,
Где церковь смотрит на юдоль порядка
Над самым Рубаконтовым мостом,
- 103 И в склоне над площадкою площадка
Устроены еще с тех давних лет,
Когда блюлась тетрадь и чтилась кадка, —
- 106 Так здесь к другому кругу тесный след
Ведет наверх в почти отвесном скате;
Но восходящий стенами задет.
- 109 Едва туда свернули мы, «Beati
Pauperes spiritu» раздался вдруг
Напев неизреченной благодати.
- 112 О, как несходен доступ в новый круг
Здесь и в Аду! Под звуки песнопений
Вступают тут, а там — под вопли муки.

- 115 Я попирал священные ступени.
И мне казался легче этот всход,
Чем ровный путь, которым идут тени.
- 118 И я: «Скажи, учитель, что за гнет
С меня ниспал? И силы вновь берутся,
И тело от ходьбы не устает».
- 121 И он: «Когда все Р, что остаются
На лбу твоем, хотя тусклей и те,
Совсем, как это первое, сотрутся,
- 124 Твои стопы, в стремленья к высоте,
Не только поспешат неутомимо,
Но будут радоваться быстроте».
- 127 Тогда, как тот, кому неощутимо
Что-либо прицепилось к волосам,
Заметя взгляды проходящих мимо,
- 130 Наощупь проверяет это сам,
И шарит, и находит, и руками
Свершает недоступное глазам, —
- 133 Так я, широко поводя перстами,
Из врезанных рукою ключаря
Всего шесть букв нашупал над бровями;
- 136 Вождь улыбнулся, на меня смотря.

ПЕСНЬ ТРИНАДЦАТАЯ

ы были на последней из ступеней,
Там, где вторично срезан горный склон,
Ведущий ввысь стезею очищений;

- 4 Здесь точно так же кромкой обведен
Обрыв горы, и с первой сходна эта,
Но только выгиб круче закруглен.
- 7 Тропа в черты и тени не одета;
Стена откоса и уступ под ней —
Сплошного серокаменного цвета.
- 10 «Ждать для того, чтобы расспросить людей —
Сказал Виргилий, — это путь нескорый,
А выбор надо совершить быстрей».
- 13 Затем, на солнце устремляя взоры,
Недвижным стержнем сделал правый бок,
А левый повернул вокруг опоры.
- 16 «О милый свет, средь новых мне дорог
К тебе зову, — сказал он. — Помоги нам,
Как должно, чтобы здесь ты нам помог.
- 19 Тепло и день ты льешь земным долинам;
И, если нас не иначе ведут,
Вождя мы видим лишь в тебе едином»
- 22 То, что как милю исчисляют тут,
Мы там прошли, не ощущая дали,
Настолько воля ускоряла труд.

- 25 А нам навстречу духи пролетали,
Хоть слышно, но невидимо для глаз,
И всех на вечерю любви сзывали.
- 28 Так первый голос, где-то возле нас,
«*Vinum non habent!*» — молвил, пролетая,
И вновь за нами повторил нераз.
- 31 И прежде, чем он скрылся, замирая
За далью, новый голос: «Я Орест!» —
Опять воскликнул, мимо проплывая.
- 34 Я знал, что мы среди безлюдных мест,
Но чуть спросил: «Чья это речь?» — как третий:
«Врагов любите!» — возгласил окрест.
- 37 И добрый мой наставник: «Выси эти
Бичуют грех завистливых; и вот,
Сама любовь свивает вервья плети.
- 40 Узда должна звучать наоборот;
Быть может, на пути к стезе прощенья
Тебе до слуха этот звук дойдет.
- 43 Но устреми сквозь воздух силу зренья.
И ты увидишь — люди там сидят,
Спиною опираясь о каменья».
- 46 И я увидел, расширяя взгляд,
Людей, одетых в мантии простые;
Был цвета камня этот их наряд.
- 49 Приблизясь, я услышал зов к Марии:
«Моли о нас!» Так призван был с мольбой
И Михаил, и Петр, и все святые.
- 52 Навряд ли ходит по земле такой
Жестокосердый, кто бы не смутился
Тем, что предстало вскоре предо мной;

- 55 Когда я с ними рядом очутился
И видеть мог подробно их дела,
Я тяжкой скорбью сквозь глаза излился.
- 58 Их тело власяница облекла,
Они плечом друг друга подпирают,
А вместе подпирает всех скала.
- 61 Так нищие слепцы на хлеб собирают
У церкви, в дни прощения грехов,
И друг на друга голову склоняют,
- 64 Чтоб всякий пожалеть их был готов,
Подвигнутый не только звуком слова,
Но видом, вопиющим громче слов.
- 67 И как незримо солнце для слепого,
Так и от этих душ, сидящих там,
Небесный свет себя замкнул сурово:
- 70 У всех железной нитью по краям
Зашиты веки, как для прирученья
Их зашивают диким ястребам.
- 73 Я не хотел чинить им огорченья,
Пройдя невидимым и видя их,
И оглянулся, жаждя наставленья.
- 78 Вождь понял смысл немых речей моих
И так сказал, не требуя вопроса:
«Спроси, в словах коротких и живых!»
- 79 Виргилий шел по выступу откоса
Тем краем, где нетрудно, оступаясь,
Упасть с неогражденного утеса.
- 82 С другого края, к скалам прислоняясь,
Сидели тени, и по лицам влага
Сквозь страшный шов у них волной лилась.

- 85 Я начал так, не продолжая шага:
«О вы, чей взор увидит свет высот
И кто другого не желает блага,
- 88 Да растворится пенистый налет,
Мрачащий вашу совесть, и, сияя,
Над нею память вновь да потечет!
- 91 И если есть меж вами мне родная
Латинская душа, я был бы рад
И мог бы ей быть в помощь, это знай».
- 94 «У нас одна отчизна — вечный град.
Ты разумел — душа, что обитала
Пришeliцей в Италии, мой брат».
- 97 Немного дальше эта речь звучала,
Чем стали я и мудрый мой певец;
В ту сторону подвинувшись сначала,
- 100 Я меж других увидел, наконец,
Того, кто ждал. Как я его заметил?
Он поднял подбородок, как слепец.
- 103 «Дух, — я сказал, — чей жребий станет светел!
Откуда ты иль как зовут тебя,
Когда ты тот, кто мне сейчас ответил?»
- 106 И тень: «Из Съены я, и здесь, скорбя,
Как эти все, что жизнь свою пятнали,
Зову, чтоб Вечный нам явил себя.
- 109 Не мудрая, хотя меня и звали
Сапия, меньше радовалась я
Своим удачам, чем чужой печали.
- 112 Сам посуди, правдива ль речь моя
И был ли кто безумен в большей доле,
Уже склоняясь к закату бытия.

- 115 Моих сограждан враг теснил у Колле,
А я молила нашего Творца
О том, что сталося по его же воле.
- 118 Их одслели, не было бойца,
Что б не бежал; я на разгром глядела
И радости не ведала конца;
- 121 Настолько, что, лицо подъемля смело,
Вскричала: „Бог теперь не страшен мне!“ —
Как черный дрозд, чуть только потеплело.
- 124 У края дней я, в скорбной тишине,
Прибегла к богу; но мой долг ужасный
Еще на мне бы тяготел вполне,
- 127 Когда б не вышло так, что сердцем ясный
Пьер Петтинань мне помог, творя,
По доброте, молитвы о несчастной.
- 130 Но кто же ты, который, нам даря
Свое вниманье, ходишь словно зрячий,
Как я сужу, и дышишь, говоря?»
- 133 И я: «Мой взор замкнется не иначе,
Чем ваш, но ненадолго, ибо он
Кривился редко при чужой удаче.
- 138 Гораздо большим ужасом смущен
Мой дух пред мукой нижнего обрыва;
Той ношей я заране пригнетен».
- 139 «Раз ты там не был, — словно слыша диво,
Сказала тень, — кто дал тебе взойти?»
И я: «Он здесь и внемлет молчаливо.
- 142 Еще я жив; лишь волю взвести,
Избранная душа, и я земные,
Тебе служа, готов топтать пути».

145 «О, — тень в ответ, — слова твои такие,
Что, несомненно, богом ты любим;
Так помолись иной раз о Сапии.

148 Прошу тебя всем, сердцу дорогим:
Быть может, ты пройдешь землей Тосканы,
Так обо мне скажи моим родным.

151 В том городе все люди обуяны
Любовью к Таламонэ, но успех
Обманет их, как поиски Дианы,

154 И адмиралам будет хуже всех».

ПЕСНЬ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

то это кружит здесь, как странник некий,
Хоть смертью он еще не окрылен,
И подымает и смыкает веки?»

- 4 «Не знаю, кто; он кем-то приведен;
Спроси, ты ближе; только не сурово,
А ласково, чтобы ответил он».
- 7 Так, наклонясь один к плечу другого,
Шептались двое, от меня правей;
Потом, подняв лицо, чтоб молвить слово,
- 10 Один сказал: «Дух, во плоти своей
Идущий к небу из земного края,
Скажи нам и смущение разлей:
- 13 Откуда ты и кто ты, что такая
Тебе награда дивная дана,
Редчайшая, чем всякая иная?»
- 16 И я: «В Тоскане речка есть одна;
Сбегая с Фальтероны, вьется смело
И сотой милей не утолена.
- 19 С тех берегов принес я это тело;
Сказать мое вам имя — смысла нет,
Оно еще не много прозвенело».
- 22 И вопрошавший: «Если в твой ответ
Суждение мое проникнуть властно,
Ты говоришь об Арно». А сосед

- 25 Ему сказал: «Должно быть, не напрасно
Названья этой речки он избег,
Как будто до того оно ужасно».
- 28 И тот: «Что думал этот человек,
Не ведаю; но по заслугам надо,
Чтоб это имя сгинуло навек!
- 31 Вдоль всей реки, оттуда, где громада
Хребта, с которым разлучен Пелор,
Едва ль не толще остального ряда,
- 34 Дотуда, где опять в морской простор
Спешит вернуться то, что небо сушит,
А реки снова устремляют с гор,
- 37 Всё доброе, как змея, каждый душит;
Места ли эти под наитьем зла,
~~И~~ дурной обычай правду рушит,
- 40 Но жалкая долина привела
Людей к такой утрате их природы,
Как если бы Цирцея их пасла.
- 43 Сперва среди дрянной свиной породы,
Что только желудей не жрет пока,
Она струит свои скучные воды;
- 46 Затем к дворняжкам держит путь река,
Задорным без какого-либо права,
И нос от них воротит свысока.
- 49 Спадая вниз и ширясь величаво,
Уже не псов находит, а волков
Проклятая несчастная канава.
- 52 И наконец, меж темных омутов,
Она к таким лисицам попадает,
Что и хитрец пред ними бестолков.

- 55 К чему молчать? Пусть всякий мне внимает
И этому полезно знать вперед
О том, что мне правдивый дух внушает.
- 58 Уже я вижу, как твой внук идет
Охотой на волков и как их травит
На побережьях этих злобных вод.
- 61 Живое мясо на продажу ставит;
Как старый скот, ведет их на зарез;
Безглавит многих и себя бесславит.
- 64 Сыт кровью, покидает скорбный лес,
Таким, чтоб он в былой красе и силе
Еще тысячелетье не воскрес».
- 67 Как тот, кому несчастье возвестили,
В смятении меняется с лица,
Откуда бы невзгоды ни грозили
- 70 Так, выслушав пророчество слепца,
Второй, я увидал, поник в печали,
Когда слова воспринял до конца.
- 73 Речь этого и вид того рождали
Во мне желанье знать, как их зовут;
Мои слова как просьба прозвучали.
- 76 И тот же дух ответил мне и тут:
«Ты о себе мне не сказал ни звука,
А сам меня зовешь на этот труд!
- 79 Но раз ты взыскан богом, в чем порука
То, что ты здесь, отвечу, не тая.
Узнай: я Гвидо, прозванный Дель Дука.
- 82 Так завистью пылала кровь моя,
Что, если было хорошо другому,
Ты видел бы, как зеленею я.

- 85 И вот своих семян я жну солому.
О род людской, зачем тебя манит
Лишь то, куда нет доступа второму?
- 88 А вот Риньер, которым знаменит
Дом Кальболи, где в нисходящем ряде ·
Никто его достоинств не хранит.
- 91 И не его лишь кровь теперь в разладе, --
Меж По и Рено, морем и горой, —
С тем, что служило правде и отраде;
- 94 В пределах этих порослью густой
Теснятся ядовитые растенья,
И вырвать их нет силы никакой.
- 97 Где Лицио, где Гвидо ди Карпенья?
Пьер Траверсаро и Манаради где?
Увы, романцы, мерзость вырожденья!
- 100 Болонью Фабро не спасет в беде,
И не сыскать Фаэнце Бернардина,
Могучий ствол на скромной борозде!
- 103 Тосканец, слезы льет моя кручина,
Когда я Гвидо Прата вспомяну
И доблестного д'Аццо, Уголина;
- 106 Тиньозо, шумной браты старшину,
И Траверсари, живших в блеске славы,
И Анастаджи, громких встарину;
- 109 Дам, рыцарей, и войны, и забавы,
Во имя благородства и любви,
Там, где теперь такие злые нравы!
- 112 О Бреттиноро, больше не живи!
Ушел твой славный род, и с ним в опале
Все, у кого пылала честь в крови.

- 115 Нет, к счастью, сыновей в Баньякавале;
А Коньо — стыд, и Кастрокаро — стыд,
Плодящим графов, хуже, чем вначале.
- 118 Когда их демон будет в прах зарыт,
Всё доброе, что сделают Пагани,
Минувшей славы им не возвратит.
- 121 О Уголин де'Фантолин, заране
Твой дом себя от поношенья спас:
Никто не омрачит его преданий!
- 124 Но ты или, тосканец; мне сейчас
Милей беседы — дать слезам излиться;
Так душу мне измучил мой рассказ!»
- 127 Мы знали — шаг наш должен доноситься
До этих душ; и, раз молчат они,
Мы на дорогу можем положиться.
- 130 И вдруг на нас, когда мы шли одни,
Нагрянул голос, мчавшийся вдоль кручи
Быстрей перуна в грозовые дни:
- 133 «Меня убьет, кто встретит!» — и, летучий,
Затих вдали, как затихает гром,
Прорвавшийся сквозь оболочку тучи.
- 136 Едва наш слух успел забыть о нем,
Раздался новый, словно повторенный
Удар грозы, бушующей кругом:
- 139 «Я тень Аглавры, в камень превращенной!»
И я, назад, а не вперед ступив,
К наставнику прижался, устрашенный.
- 142 Уже был воздух снова молчалив.
«Вот жесткая узда, — сказал Виргилий, —
Чтобы греховный сдерживать порыв.

446 Но вас влечет наживка, без усилий
На удочку вас ловит супостат,
И проку нет в поводьях и вабиле.

448 Вокруг вас, взывая, небеса кружат,
Где всё, что зrimо, вечно и прекрасно,
А вы на землю устремили взгляд;

451 И вас карает Тот, кому всё ясно».

ПЕСНЬ ПЯТНАДЦАТАЯ

акую долю, дневный путь свершая,
Когда к исходу близок третий час,
Являет сфера, как дитя живая,

- 4 Такую долю и теперь как раз
Осталось солнцу опуститься косо;
Там вечер был, и полночь здесь у нас.
- 7 Лучи нам били в середину носа,
Затем что мы к закатной стороне
Держали путь по выступу утеса,
- 10 Как вдруг я ощущил, что в очи мне
Ударил новый блеск, струясь продольно,
И удивился этой новизне.
- 13 Тогда ладони я поднес невольно
К моим бровям, держа их козырьком,
Чтобы от света не было так больно.
- 16 Как от воды иль зеркала углом
Отходит луч в противном направленьи,
Причем с паденьем сходствует подъем.
- 19 И от отвеса, в равном отдаленьи,
Уклон такой же точно он дает,
Что подтверждается при наблюденьи,
- 22 Так мне казалось, что в лице мне бьет
Сиянье отражаемого света,
И взор мой сделал быстрый поворот.

- 25 «Скажи, отец возлюбленный, что это
Так неотступно мне в глаза разит,
Всё надвигаясь?» — я спросил поэта.
- 28 «Не диво, что тебя еще слепит
Семья небес, — сказал он. — К нам, в сияньи,
Идет посол — сказать, что путь открыт.
- 31 Но скоро в тяжком для тебя сверканьи
Твои глаза отраду обретут,
Насколько услаждаться в состояньи».
- 34 Когда мы подошли: «Ступени тут, —
Сказал, ликуя, вестник благодати, —
И здесь подъем гораздо меньше крут».
- 37 Уже мы подымались, и «Beati
Misericordes!» пелось нам вслед
И «Радуйся, громящий вражьи рати!»
- 40 Мы шли все выше, я и мой поэт,
Совсем одни; и я хотел, шагая,
Услышать наставительный ответ.
- 43 И так ему промолвил, вопрошая:
«Что тот слепой романец разумел,
О „доступе другим“ упоминая?»
- 45 И вождь: «Познав, какой грозит удел
Позарившимся на чужие крохи,
Он вас от слез предостеречь хотел.
- 48 Богатства, вас влекущие, тем плохи,
Что, чем вас больше, тем скучнее часть,
И зависть мехом раздувает вздохи.
- 52 А если бы вы устремляли страсть
К верховной сфере, беспокойство ваше
Должно бы неминуемо отпасть.

- 55 Ведь там — чем больше говорящих „наше“
Тем большей долей каждый наделен,
И тем любовь горит светлей и краше».
- 58 «Теперь я даже меньше утолен, —
Ответил я ему, — чем был сначала,
И большими сомнениями смущен.
- 61 Ведь если достоянье общим стало
И совладельцев много, почему
Они богаче, чем когда их мало?»
- 64 И он в ответ: «Ты снова дал уму
Отвлечься в сторону земного дела
И вместо света почерпашь тьму.
- 67 Как луч бежит на световое тело,
Так нескончаемая благодать
Спешит к любви из горнего предела,
- 70 Даря ей то, что та способна взять;
И чем сильнее пыл, в душе зажженный,
Тем большей славой ей дано сиять.
- 73 Чем больше сонм, к блаженству приобщенный,
Тем больше в нем благой любви горит,
Как в зеркалах взаимно отраженной.
- 76 Когда моим ответом ты не сыт,
То Беатриче все твои томленья,
И это, и другие, утолит.
- 79 Стремись быстрей достигнуть исцеленья
Пяти рубцов, как истребились два,
Изглаженные силой сокрушенья».
- 82 «Ты мне даруешь...» — начал я едва,
Как следующий круг возник пред нами,
И жадный взор мой отесnil слова.

- ⁸⁵ И вдруг я словно был восхищен снами,
Как если бы восторг меня увлек,
И я увидел собрище во храме;
- ⁸⁸ И женщина, переступив порог,
С заботой материнской говорила:
«Зачем ты это сделал нам, сынок?»
- ⁹¹ Отцу и мне так беспокойно было
Тебя искать!» Так молвила она,
И первое видение уплыло.
- ⁹⁴ И вот другая, болью пронзена,
Которую родит негодованье,
Льет токи слез, и речь ее слышна:
- ⁹⁷ «Раз ты властитель града, чье название
Среди богов поселяло разлад
И где блистает всяческое знанье,
- ¹⁰⁰ Отмсти рукам бесстыдным, Писистрат,
Обнявшим нашу дочь!» Но был спокоен
К ней обращенный властелином взгляд,
- ¹⁰³ И он сказал, нимало не расстроен:
«Чего ж тогда достоин наш злодей,
Раз тот, кто любит нас, суда достоин?»
- ¹⁰⁶ Потом я видел яростных людей,
Которые, столпившись, побивали
Камнями юношу, крича: «Бей! Бей!»
- ¹⁰⁹ А тот, давимый гибелью, чем дале,
Тем всеё бессильней поникал к земле,
Но очи к небу двери отверзали,
- ¹¹² И он молил, чтоб грешных в этом зле
Господь всевышний гневом не коснулся,
И зрелась кротость на его челе.

- 115 Как только дух мой изнутри вернулся
Ко внешней правде в должную чреду,
Я от неложных грез моих очнулся.
- 118 Вождь, увидав, что я себя веду,
Как тот, кого внезапно разбудили,
Сказал мне: «Что с тобой? Ты, как в чаду,
- 121 Прошел со мною больше полумилю,
Прикрыв глаза и шатко семеня,
Как будто хмель иль сон тебя клонили».
- 124 И я: «Отец мой, выслушай меня,
И я тебе скажу, что мне предстало,
Суставы ног моих окостеня».
- 127 И он: «Хотя бы сто личин скрывало
Твои черты, я бы до дна проник
В рассудок твой сквозь это покрывало.
- 130 Тебе был сон, чтоб сердце ни на миг
Не отвращало влагу примиренья,
Которую предвечный льет родник.
- 133 Я „Что с тобой?“ спросил не от смятенья,
Как тот, чьи взоры застилает мрак,
Сказал бы рухнувшему без движенья;
- 136 А я спросил, чтоб укрепить твой шаг:
Ленивых надобно будить, а сами
Они не расшевелятся никак».
- 139 Мы шли сквозь вечер, меря даль глазами,
Насколько солнце позволяло им,
Сиявшее закатными лучами;
- 142 А нам навстречу — нараставший дым
Скоплялся, темный и подобный ночи,
И негде было скрыться перед ним;
- 145 Он чистый воздух нам затмил и очи.

ПЕСНЬ ШЕСТЬНАДЦАТАЯ

о мраке Ада и в ночи, лишенной
Своих планет и слоем облаков
Под небом скучным плотно затемненной,

- 4 Мне взоров не давил такой покров,
Как этот дым, который все сгущался,
Причем и ворс нещадно был суров.
- 7 Глаз, не стерпев, невольно закрывался;
И спутник мой придвигнулся слегка,
Чтоб я рукой его плеча касался.
- 10 И как слепец, держась за вожака,
Идет, боясь отстать и опасаясь
Ушиба иль смертельного толчка,
- 13 Так, мглой густой и горькой пробираясь,
Я шел и новых не встречал помех,
А вождь твердил: «Держись, не отрываясь!»
- 16 И голоса я слышал, и во всех
Была мольба о мире и прощеньи
Пред агнцем божиим, снявшим с мира грех.
- 19 Там «Agnus Dei» пелось во вступленьи;
И речи соблюдались, и напев
Одни и те же, в полном единенъи.
- 22 «Учитель, это духи?» — осмелев,
Спросил я. Он в ответ: «Мы рядом с ними,
И здесь они распутывают гнев».

- ²⁵ «А кто же ты, идущий в нашем дыме
И вопрошающий про нас, как те,
Кто мерит год календами земными?»
- ²⁸ Так чей-то голос молвил в темноте.
«Ответь, — сказал учитель, — и при этом
Дознайся, здесь ли выход к высоте».
- ³¹ И я: «О ты, что, осиянный светом,
Взойдешь к Творцу, ты будешь удивлен,
Когда пройдешь со мной, моим ответом».
- ³⁴ «Пройду, насколько я итти волен;
И, если дым преградой стал меж нами,
Нам связью будет слух», — ответил он.
- ³⁷ Я начал так: «Повитый пеленами,
Срываемыми смертью, вверх иду,
Подземными измучен глубинами;
- ⁴⁰ И раз угодно божьему суду,
Чтоб я увидел горние палаты,
Чему давно примера не найду,
- ⁴³ Скажи мне, кем ты был до дня расплаты
И верно ли ведет стезя моя,
И твой язык да будет наш вожатый».
- ⁴⁶ «Я был ломбардец, Марко звался я;
Изведал свет и к доблести стремился,
Куда стрела не метит уж ничья.
- ⁴⁹ А с правильной дороги ты не сбился». —
Так он сказал, добавив: «Я прошу,
Чтоб обо мне, взойдя, ты помолился».
- ⁵² И я: «Твое желанье я свершу;
Но у меня сомнение родилось,
И я никак его не разрешу.

- ⁶⁸ Возникшее, оно усугубилось
От слов твоих, мне подтвердивших то,
С чем здесь и там оно соединилось.
- ⁶⁹ Как ты сказал, теперь уже никто
Добра не носит даже и личину:
Зло и внутри, и сверху разлито.
- ⁷⁰ Но укажи мне, где искать причину:
Внизу иль в небесах? Когда пойму,
Я и другим поведать не премину».
- ⁷¹ Он издал вздох, замерший в скорбном «У!»,
И начал так, в своей о нас заботе:
«Брат, мир — слепец, и ты сродни ему.
- ⁷² Вы для всего причиной признаете
Одно лишь небо, словно все дела
Оно вершит в своем круговороте.
- ⁷³ Будь это так, то в вас бы не была
Свободной воля, правды бы не стало
В награде за добро, в отмщении зла.
- ⁷⁴ Вы для всего причиной признаете
Одно лишь небо, словно все дела
Оно вершит в своем круговороте.
- ⁷⁵ Влеченья от небес берут начало, —
Не все; но скажем даже — все сполна, —
Вам дан же свет, чтоб воля различала
- ⁷⁶ Добро и зло, и ежели она
Осилит с небом первый бой опасный,
То, с доброй пищей, победить должна.
- ⁷⁷ Вы лучшей власти, вольные, подвластны
И высшей силе, влившей разум в вас;
А небеса к нему и непричастны.
- ⁷⁸ И если мир шатается сейчас,
Причиной — вы, для тех, кто разумеет;
Что это так, покажет мой рассказ.

- 86 Из рук того, кто искони лелеет
Ее в себе, рождаясь, как дитя,
Душа еще и мыслить не умеет,
- 88 Развится, то смеясь, а то грустя,
И, радостного мастера созданье,
К тому, что манит, тотчас же летя.
- 91 Ничтожных благ вкусив очарованье,
Она бежит к ним, если ей препон
Не создают ни вождь, ни обузданье.
- 94 На то и нужен, как узда, закон;
На то и нужен царь, чей взор открыто
Хоть к башне в вечном граде устремлен.
- 97 Законы есть, но кто же им защита?
Никто; ваш пастырь жвачку хоть жует,
Но не раздвоены его копыта;
- 100 И паства, видя, что вожатый льнет
К благам, будящим в ней самой влеченье,
Ест, что и он, и лучшего не ждет.
- 103 Ты видишь, что дурное управленье
Виной тому, что мир такой плохой,
А не природы вашей извращенье.
- 106 Рим, давший миру наилучший строй,
Имел два солнца, так что видно было,
Где божий путь лежит и где мирской.
- 109 Потом одно другое погасило;
Меч слился с посохом, и вышло так,
Что это их, конечно, развратило
- 112 И что взаимный страх у них иссяк.
Взгляни на колос, чтоб не сомневаться;
По семени распознается злак.

- 115 В стране, где По и Адиче струятся,
Привыкли честь и мужество цвести;
В дни Федерика стал уклад ломаться;
- 118 И там теперь открыты все пути
Для тех, кто раньше к людям честной жизни
Стыдился бы и близко подойти.
- 121 Есть, правда, новым летам к укоризне,
Три старика, которые досель
Томятся жаждой по иной отчизне:
- 124 Герардо славный; Гвидо да Кастель,
„Простой ломбардец“, милый и французу;
Куррадо да Палаццо. Неужель
- 127 Не видишь ты, что церковь, взяв обузу
Мирских забот, под бременем двух дел
Упала в грязь, на срам себе и грузу?»
- 130 «О Марко мой, я всё уразумел, —
Сказал я. — Вижу, почему левиты
Не получили ничего в удел.
- 133 Но кто такой Герардо знаменитый,
Который в диком веке, ты сказал,
Остался миру как пример забытый?»
- 136 «Ты странно говоришь, — он отвечал. —
Ужели ты, в Тоскане обитая,
Про доброго Герардо не слыхал?
- 139 Так прозвище ему. Вот разве Гайя,
Родная дочь, снабдит его другим.
Храни вас бог! А я дошел до края.
- 142 Уже заря белеется сквозь дым, —
Там ангел ждет, — и надо, чтоб от света
Я отошел, покуда я незрим».
- 145 И повернул, не слушая ответа.

ПЕСНЬ СЕМНАДЦАТАЯ

итатель, если ты в горах, бывало,
Бродил в тумане, глядя, словно крот
Которому плева глаза застлала,

- 4 Припомни миг, когда опять начнет
Редеть густой и влажный пар, — как хило
Шар солнца сквозь него сиянье льет;
- 7 И ты поймешь, каким вначале было,
Когда я вновь его увидел там,
К закату нисходившее светило.
- 10 Так, примеряясь к дружеским шагам
Учителя, я шел редевшей тучей
К уже умершим под горой лучам.
- 13 Воображенье, чей порыв могучий
Подчас таков, что, кто им увлечен,
Не слышит рядом сотни труб гремучей,
- 16 В чем твой источник, раз не в чувстве он?
Тебя рождает некий свет небесный,
Сам или высшей волей источен.
- 19 Жестокость той, которая телесный
Сменила облик, певчей птицей став,
В моем уме вдавила след чудесный;
- 22 И тут мой дух, всего себя собрав
В самом себе, все прочее отринул,
С тем, что вовне, общение прервав.

- ²⁵ Затем в мое воображенье хлынул
Распятый, гордый обликом, злодей,
Чью душу гнев и в смерти не покинул.
- ²⁸ Там был с Эсфирию верною своей
Великий Артаксеркс и благородный
Речами и делами Мардохей.
- ³¹ Когда же этот образ, с явью сходный,
Распался наподобье пузыря,
Лишившегося оболочки водной, —
- ³⁴ В слезах предстала дева, говоря:
«Зачем, царица, горестной кончины
Ты захотела, гневом возгоря?»
- ³⁷ Ты умерла, чтоб не терять Лавины, —
И потеряла! Я подъемлю гнет
Твоей, о мать, не чьей иной судьбины».
- ⁴⁰ Как греза сна, когда ее прервет
Волна в глаза ударившего света,
Трепещет миг, потом совсем умрет, —
- ⁴³ Так было сметено виденье это
В лицо мое ударившим лучом,
Намного ярче, чем сиянье лета.
- ⁴⁶ Пока, очнувшись, я глядел кругом,
Я услыхал слова: «Здесь восхожденье»,
И я уже не думал о другом,
- ⁴⁹ И волю охватило то стремленье
Скорей взглянуть, кто это говорил,
Которому предел — лишь утоленье.
- ⁵² Но как на солнце посмотреть нет сил,
И лик его в чрезмерном блеске тает,
Так точно здесь мой взгляд бессилен был.

- 55 «То божий дух, и нас он наставляет
Без нашей просьбы и от наших глаз
Своим же светом сам себя скрывает.
- 58 Как мы себя, так он лелеет нас;
Мы, чуя просьбу и нужду другого,
Уже готовим, злобствуя, отказ.
- 61 Направим шаг на звук такого зова;
Идем наверх, пока не умер день;
Нельзя всходить средь сумрака ночного».
- 64 Так молвил вождь, и мы вступили в тень
Высокой лестницы, свернув налево;
И я, взойдя на первую ступень,
- 67 Лицом почуял как бы взмах обвева;
«Beati, — чей-то голос возгласил, —
Pacifici, в ком нет дурного гнева!»
- 70 Уже к таким высотам уходил
Пред наступавшей ночью луч заката,
Что кое-где зажглись огни светил.
- 73 «О мощь моя, ты вся ушла куда-то!» —
Сказал я про себя, заметя вдруг,
Что сила ног томлением объята.
- 76 Мы были там, где, выйдя в новый круг,
Кончалась лестница, и здесь, у края,
Остановились, как доплыvший струг.
- 79 Я начал вслушиваться, ожидая,
Не огласится ль звуком тишина;
Потом, лицо к поэту обращая:
- 82 «Скажи, какая, — я сказал, — вина
Здесь очищается, отец мой милый?
Твой скован шаг, но речь твоя вольна».

- 85 «Любви к добру, неполной и унылой,—
Ответил он,— крепчает здесь полет;
Здесь вялое весло бьет с новой силой.
- 88 Пусть разум твой к словам моим прильнет,
И будет мой урок немногословный
Тебе на отдыхе, как добрый плод.
- 91 Мой сын, вся тварь, как и Творец верховный,—
Так начал он,— ты это должен знать,
Полна любви, природной иль духовной.
- 94 Природная не может погрешать;
Вторая может целью ошибиться,
Не в меру скучной иль чрезмерной стать.
- 97 Пока она к высокому стремится,
А в низком за предел не перешла,
Дурным усладам нет причин родиться;
- 100 Но где она идет стезею зла
Иль блага жаждет слишком или мало,
Там тварь завет Творца не соблюла.
- 103 Отсюда ясно, что любовь — начало
Как всякого похвального плода,
Так и всего, за что карать пристало.
- 106 А так как взор любви склонен всегда
К тому всех прежде, кем она носима,
То неприязнь к себе вещам чужда.
- 109 И так как сущее неотделимо
От Первой сущности, она никак
Не может оказаться нелюбима.
- 112 Раз это верно, остается так:
Зло, как предмет любви, есть зло чужое,
И в вашем иле вид ее трояк.

- 115 Иной надеется подняться вдвое,
Поправ соседа, — этот должен пасть,
И лишь тогда он будет жить в покое;
- 118 Иной боится славу, милость, власть
Утратить, если близкий вознесется,
И ненависть томит его, как страсть;
- 121 Иной же от обиды так зажжется,
Что голоден, пока не отомстит,
И мыслями к чужой невзгоде рвется.
- 124 И этой вот любви троякий вид
Оплакан там внизу; но есть другая,
Та, что ко благу непутем спешит,
- 127 Все смутно жаждут блага, сознавая,
Что мир души лишь в нем осуществим,
И все к нему стремятся, уповая.
- 130 Но если вас влечет к общенью с ним
Лишь вялая любовь, то покаянных
Казнит вот этот круг, где мы стоим.
- 133 Еще есть благо, полное обманых,
Пустых отрад, в котором нет того,
В чем плод и корень благ, для счастья данных.
- 136 Любовь, чресчур алкавшая его,
В трех верхних кругах предается плачу;
Но в чем ее тройное естество,
- 139 Я умолчу, чтоб ты решил задачу».

ПЕСНЬ ВОСЕМНАДЦАТАЯ

кончил речь наставник мой высокий
И мне глядел в глаза, чтобы узнать,
Вполне ли я постиг его уроки;

- 4 Я, новой жаждой мучимый опять,
Вовне молчал, внутри твердил: «Не дело
Ему, быть может, слишком докучать».
- 7 Он, как отец, поняв, какое тлело
Во мне желанье, начал разговор,
Чтоб я решился высказаться смело.
- 10 И я: «Твой свет так оживил мне взор,
Учитель, что ему наглядным стало
Всё то, что перед ним ты распростер;
- 13 Но, мой отец, еще я знаю мало,
Что есть любовь, в которой всех благих
И грешных дел ты полагал начало».
- 16 «Направь ко мне,— сказал он,— взгляд своих
Духовных глаз, и вскроешь заблужденье
Слепцов, которые ведут других.
- 19 В душе к любви заложено стремленье,
И всё, что нравится, ее влечет,
Едва ее поманит наслажденье.
- 22 У вас внутри воспринятым живет
Наружный образ, к вам запав — таится
И душу на себя взглянуть зовет;

- 25 И если им, взглянув, она пленится,
То это плен — любовь; природный он,
И наслажденьем может лишь скрепиться.
- 28 И вот, как пламень кверху устремлен,
И первое из свойств его — взлетанье
К среде, где он прочнее сохранен, —
- 31 Так душу пленную стремит желанье,
Духовный взлет, стихая лишь тогда,
Когда она вступает в обладанье.
- 34 Ты видишь сам, как истина чужда
Приверженцам той мысли сумасбродней,
Что, мол, любовь оправдана всегда.
- 37 Пусть даже чист состав ее природный;
Но если я и чистый воск возьму,
То отпечаток может быть негодный».
- 40 «Твои слова послушному уму
Раскрыли суть любви; но остается
Недоуменье, — молвил я ему. —
- 43 Ведь если нам любовь извне дается
И для души другой дороги нет,
Ей отвечать за выбор не придется».
- 46 «Скажу, что видит разум, — он в ответ. —
А дальше — дело веры; уповая,
Жди Беатриче, и обрящешь свет.
- 49 Творящее начало, пребывая
Врозь с веществом в пределах вещества,
Полно особой силы, каковая
- 52 В бездействии незрима, хоть жива,
А зrima лишь посредством проявления;
Так жизнь растенья выдает листва.

- 55 Откуда в вас зачатки постиженья,
Сокрыто от людей завесой мглы,
Как и откуда первые влеченья,
- 68 Подобные потребности пчелы
Брать мед; и нет хвалы, коль взвесить строго,
Для этой первой воли, ни хулы.
- 61 Нэ вслед за ней других теснится много,
И вам дана способность править суд
И делать выбор, стоя у порога.
- 64 Вот почему у вас ответ несут,
Когда любви благой или презренной
Дадут или отпор, или приют.
- 67 И те, чья мысль была проникновенной,
Познав, что вам свобода врождена,
Нравоученье вынесли вселенной.
- 70 Итак, пусть даже вам извне дана
Любовь, которая внутри пылает,
Душа всегда изгнать ее вольна.
- 73 Вот то, что Беатриче называет
Свободной волей; если б речь зашла,
Тебе об этом помнить подобает».
- 76 Луна почти в полночный час всплыла
И, понуждая звезды разредиться,
В обличье раскаленного котла
- 79 Шла против неба, там, где солнце мчится,
Когда оно за Римом для очей
Меж сардами и корсами садится.
- 82 И тень, чьей славой Пьетола славней
Всей мантуанской области пространной,
Сложила бремя тяготы моей.

- 85 А я, приняв столь ясный и желанный
Ответ на каждый заданный вопрос,
Стоял, как бы дремотой обуянный.
- 88 Но эту дрему тотчас же унес
Внезапный крик, и показались тени,
За нами обегавшие утес.
- 91 Как некогда Асоп или Исмений
Видали по ночам толпу и гон
Фивян во время Вакховых радений,
- 94 Так здесь несутся, огибая склон, —
Я смутно видел, — в вечном непокое
Те, кто благой любовью уязвлен.
- 97 Мгновенно это скопище большое,
Спеша бегом, настигло нас, и так,
Всех впереди, в слезах кричали двое:
- 100 «Мария в горы устремила шаг,
И Цезарь поспешил, колнув Марсилию,
В Испанию, где ждал в Илерде враг».
- 103 «Скорей, скорей, нельзя любвеобилью
Быть вялым! — сзади общий крик летел. —
Нисходит милость к добруму усилию».
- 106 «О вы, в которых острый пыл вскипел
Взамен того, как хладно и лениво
Вы меддили в свершеньи добрых дел!
- 109 Вот он, живой, — я говорю нелживо, —
Идет наверх и только солнца ждет;
Скажите нам, где щель в стене обрыва».
- 112 Так встретил вождь стремившийся народ;
Одна душа сказала, пробегая:
«Иди за нами и увидишь вход.

- 115 Потребность двигаться у нас такая,
Что ноги нас неудержимо мчат;
Прости, наш долг за грубость не считая.
- 118 Я жил в стенах Сан-Дзено как аббат,
И нами добрый Барбаросса правил,
О ком в Милане скорбно говорят.
- 121 Одну стопу уже во гроб поставил
Тот, кто оплачет этот божий дом,
Который он, имея власть, оставил,
- 124 Назначив сына, зачатого злом,
С душой еще уродливей, чем тело,
Не по уставу паstryствовать в нем».
- 127 Толпа настолько пробежать успела,
Что я не знаю, смолк он или нет;
Но эту речь душа запечатлела.
- 130 И тот, кто был мне помощь и совет,
Сказал: «Смотри, как двое там, зубами
Вцепясь в унынье, мчатся им вослед».
- 133 «Не раньше, — крик их слышался за нами, —
Чем истребились те, что по дну шли,
Открылся Иордан пред их сынами.
- 136 А те, что утомленья не снесли,
Когда Эней на подвиг ополчился,
Себя бесславной жизни обрекли».
- 139 Когда их сонм настолько удалился,
Что видеть я его уже не мог,
Во мне какой-то помысел родился,
- 142 Который много всяких новых влек,
И я, клонясь от одного к другому,
Закрыв глаза, вливался в их поток,
- 145 И размышление претворилось в дрему.

ПЕСНЬ ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

огда разлитый в воздухе безбурноу
Зной дня слабей, чем хладная луна,
Осиленный землей или Сатурном,

- 4 А геомантам, пред зарей, видна
Fortuna major там, где торопливо
Восточная светлеет сторона,
- 7 В мой сон вступила женщина: гугнива,
С культиами вместо рук, лицом желта,
Она хромала и глядела криво.
- 10 Я на нее смотрел; как теплота
Живит издрогнувшее за ночь тело,
Так и мой взгляд ей развязал уста,
- 13 Помог ей тотчас выпрямиться смело
И гиблое лицо свое облечь
В такие краски, как любовь велела.
- 16 Как только у нее явилась речь,
Она запела так, что я от плена
С трудом бы мог вниманье уберечь.
- 19 «Я, — призрак пел, — я нежная сирена,
Мутящая рассудок моряков,
И голос мой для них всему замена.
- 22 Улисса совратил мой сладкий зов
С его пути; и тот, кто мной пленился,
Уходит редко из моих оков».

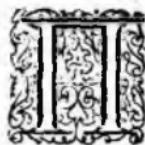
- 25 Скорей, чем рот ее успел закрыться,
Святая и усердная жена
Возникла возле, чтобы той смутиться.
- 28 «Виргилий, о Виргилий, кто она?» —
Ее был возглас; он же, стоя рядом,
Взирал, как эта чистая гневна.
- 31 Она ее схватила с грозным взглядом
И, ткань порвав, открыла ей живот;
Меня он разбудил несносным смрадом.
- 34 «Я трижды звал, потом оставил счет, —
Сказал мой вождь, чуть я повел очами. —
Вставай, пора итти! Отыщем вход».
- 37 Я встал; уже наполнились лучами
По всей горе священные круги;
Мы шли с недавним солнцем за плечами.
- 40 Я следом направлял мои шаги,
Изогнуты под грузом размышлений,
Как половина мостовой дуги.
- 43 Вдруг раздалось: «Придите, здесь ступени», —
И ласка в этом голосе была,
Какой не слышно в нашей смертной сени.
- 46 Раскрыв, подобно лебедю, крыла,
Так говоривший нас наверх направил,
Туда, где в камне лестница вела.
- 49 Он, обмахнув нас перьями, прибавил,
Что те, «qui lugent», счастье обрели,
И утешенье, ждащее их, славил.
- 52 «Ты что склонился чуть не до земли?» —
Так начал говорить мне мой вожатый,
Когда мы выше ангела взошли.

- ⁶⁵ И я: «Иду, сомненьями объятый;
Я видел сон и жаждал бы ясней
Понять язык его замысловатый».
- ⁵⁸ И он: «Ты видел ведьму древних дней,
Ту самую, о ком скорбят над нами;
Ты видел, как разделываться с ней.
- ⁶¹ С тебя довольно; землю бей стопами!
Взор обрати к вабилу, что кружит
Предвечный царь огромными кругами!»
- ⁶⁴ Как сокол долго под ноги глядит,
Потом, услышав оклик, встрепенется
И тянеться туда, где будет сыт,
- ⁶⁷ Так сделал я; и так, покуда вьется
Тропа наверх посереди двух скал,
Входил к уступу, где обход начнется.
- ⁷⁰ Вступая в пятый круг, я увидал
Народ, который, двинуться не смея,
Лицом к земле поверженный, рыдал.
- ⁷³ «*Adhaesit pavimento anima mea!*» —
Услышал я повсюду скорбный звук,
Едва слова сквозь вздохи разумея.
- ⁷⁶ «Избранныки, чье облегченье мук —
И в правде, и в надежде, укажите,
Как нам подняться в следующий круг!»
- ⁷⁹ «Когда вы здесь меж нами не лежите,
То, чтобы путь туда найти верней,
Кнаруже правое плечо держите».
- ⁸² Так молвил вождь, и так среди теней
Ему ответили; а кто ответил,
Мой слух мне указал всего точней.

- 85 Я взор наставника глазами встретил;
И он позволил, сделав бодрый знак,
То, что в просящем облике заметил.
- 88 Тогда, во всем свободный, я мой шаг
Направил ближе к месту, где скорбело
Созданье это, и промолвил так:
- 91 «Дух, льющий слезы, чтобы в них созрело
То, без чего возврата к богу нет,
Скажи, прервав твое святое дело:
- 94 Кем был ты; почему у вас хребет
Вверх обращен; и чем могу хоть мало
Тебе помочь, живым покинув свет?»
- 97 «Зачем нас небо так ничком прижало,
Ты будешь знать; но раньше *sclas quod
Fui successor Petri*, — тень сказала. —
- 100 Меж Кьявери и Съестри воды льет
Большой поток, и с ним одноименный
Высокий титул отличил мой род.
- 103 Я свыше месяца влажил, согбенный,
Блюдя от грязи, мантию Петра;
Пред ней — как пух, все тяжести вселенной.
- 106 Увы, я поздно стал на путь добра!
Но я познал, уже как пастырь Рима,
Что жизнь земная — лживая мара.
- 109 Душа, я видел, как и встарь томима,
А выше стать в той жизни я не мог, —
И этой восхотел неудержимо.
- 112 До той поры я жалок и далек
От бога был, неизмеримо жадный,
И казнь, как видишь, на себя навлек.

- 115 Здесь явлен образ жадности наглядный
Вот в этих душах, что окрест лежат;
На всей горе нет муки столь нещадной.
- 118 Как там подняться не хотел наш взгляд
К высотам, устремляемый к земному,
Так здесь возмездьем он к земле прижат.
- 121 Как жадность там порыв любви к благому
Гасила в нас и не влекла к делам,
Так здесь возмездье, хоть и по-иному,
- 124 Стопы и руки связывает нам,
И мы простерты будем без движенья,
Пока угодно правым небесам».
- 127 Став на колени из благоговенья,
Я начал речь, но и по слуху он
Заметил этот признак уваженья
- 130 И молвил: «Почему ты так склонен?»
И я в ответ: «Таков ваш сан великий,
Что совестью я, стоя, уязвлен».
- 133 «Брат, встань! — ответил этот дух безликий.—
Ошибся ты: со всеми и с тобой
Я сослужитель одного Владыки.
- 136 Тому, кто звук Евангелья святой,
Гласящий „Neque nubent“, разумеет,
Понятно будет сказанное мной.
- 139 Теперь иди; мне скорбь моя довлеет;
Ты мне мешаешь слезы лить, стена,
В которых то, что говорил ты, зреет.
- 142 Есть добрая Аладжа у меня,
Племянница, — и только бы дурного
В ней не поселяла моя родня!
- 145 Там у меня нет никого другого».

ПЕСНЬ ДВАДЦАТАЯ

ред лучшей волей силы воли хрупки;
Ему в угоду, в неугоду мне,
Я погруженной не насытил губки.

- ⁴ Я двинулся; и вождь мой, в тишине,
Свободными местами шел под кручей,
Как вдоль бойниц проходят по стене;
- ⁷ Те, у кого из глаз слезой горючей
Сочится зло, заполнившее свет,
Лежат кнаружи слишком плотной кучей.
- ¹⁰ Будь проклята, волчица древних лет,
В чьем ненасытном голоде всё тонет
И яростней которой зверя нет!
- ¹³ О небеса, чей ход иными понят,
Как полновластный над судьбой земли.
Идет ли тот, кто эту тварь изгонит?
- ¹⁶ Мы скучным шагом медленно брели,
Внимая теням, скорбно и устало
Рыдавшим и томившимся в пыли;
- ¹⁹ Как вдруг вблизи «Мария!» прозвучало,
И так тоска казалась тяжела,
Как если бы то женщина рожала;
- ²² И далее: «Как ты бедна была,
Являет тот приют, где пеленицей
Ты свой священный отпрыск повила»

- 25 Потом я слышал: «Праведный Фабриций,
Ты бедностью безгрешной посрамил
Порок, обогащаемый сторицей».
- 28 Смысл этой речи так был сердцу мил,
Что я пошел вперед, узнать желая,
Кто из лежавших это говорил.
- 31 Еще он славил щедрость Николая,
Который спас невест от нищеты,
Младые годы к чести направляя.
- 34 «Дух, вспомянувший столько доброты! —
Сказал я. — Кем ты был? И неужели
Хваленья здесь возносишь только ты?
- 37 Я буду помнить о твоем уделе,
Когда вернусь короткий путь кончать,
Которым жизнь летит к последней цели».
- 40 И он: «Скажу про все, хотя мне ждать
Оттуда нечего; но без сравненья
В тебе, до смерти, светит благодать.
- 43 Я корнем был зловредного растенья,
Наведшего на божью землю мрак,
Такой, что в ней неплодье запустенья.
- 46 Когда бы Гвант, Лиль, Бруджа и Дуак
Могли, то месть была б уже совершенной;
И я молюсь, чтобы случилось так.
- 49 Я был Гугон, Капетом нареченный,
И не один Филипп и Людовик
Над Францией владычил, мной рожденный.
- 52 Родитель мой в Париже был мясник;
Когда старинных королей не стало,
Последний же из племени владык

- 65 Облекся в серое, уже сжимала
Моя рука бразды державных сил,
И мне земель, да и друзей достало,
- 68 Чтоб диадемой вдовой осенил
Мой сиянью свою главу и длинной смене
Помазанных начало положил.
- 61 Пока мой род в провансском пышном вене
Не склонил стыда, он мог сойти
Ничтожным, но безвредным тем не мене.
- 64 А тут он начал хитрости плести
И грабить; и забрал, во искупленье,
Нормандию, Гасконью и Понти.
- 67 Карл сел в Италии; во искупленье,
Зарезал Куррадина; а Фому
Вернул на небеса, во искупленье.
- 70 Я вижу время, близок срок ему,
И новый Карл его поход повторит,
Для вящей славы роду своему!
- 73 Один, без войска, многих он поборет
Копьем Иуды; им он так разит,
Что брюхо у Флоренции распорет.
- 76 Не землю он, а только грех и стыд
Приобретет, тем горший в час расплаты,
Что этот груз его не тяготит.
- 79 Другой, я вижу, пленник, в море взятый,
Дочь продает, гонясь за барышом,
Как делают с рабынями пираты.
- 82 О жадность, до чего же мы дойдем,
Раз кровь мою так привлекло стяжанье,
Что собственная плоть ей нипочем?

- 85 Но я страшнее вижу злодеянье:
Христос в своем наместнике пленен,
И торжествуют лилии в Аланье.
- 88 Я вижу — вновь людьми поруган он,
И желчь и уксус пьет, как древле было,
И средь живых разбойников казнен.
- 91 Я вижу, это всё не утолило
Новейшего Пилата; осмелев,
Он в храм вторгает хищные ветрила.
- 94 Когда ж, господь, возвеселись, узрев
Твой суд, которым, в глубине безвестной,
Ты умягчаешь твой сокрытый гнев?
- 97 А возглас мой к невесте неневестной
Святого духа, вызвавший в тебе
Твои вопросы, это наш совместный
- 100 Припев к любой творимой здесь мольбе,
Покамест длится день; поздней заката
Мы об обратной говорим судьбе.
- 103 Тогда мы повторяем, как когда-то
Братоубийцей стал Пигмалион,
Предателем и вором, в жажде злата;
- 106 И как Мидас в беду был вовлечен,
В своем желанья жадном утоляем,
Которым сделался для всех смешон.
- 109 Безумного Ахана вспоминаем,
Добычу скрывшего, и словно злим,
Как гневом Иисуса он терзаем.
- 112 Потом Сапфиру с мужем мы виним,
Мы рады синякам Гелиодора,
И вся гора позором круговым

- 115 Напутствует убийцу Полидора;
Последний клич: „Как ты находишь, Красс,
Вкус золота? Что ты знаток, нет спора!“
- 118 Кто громко говорит, а кто, подчас,
Чуть внятно, по тому, насколь сурово
Потребность речи уязвляет нас.
- 121 Не я один о добрых молвили слово,
Как здесь бывает днем; но невдали
Не слышно было никого другого».
- 124 Мы от него немало отошли
И, напрягая силы до предела,
Спешили по дороге, как могли.
- 127 И вдруг гора, как будто пасть хотела,
Затрепетала; стужа обдала
Мне, словно перед казнию, всё тело.
- 130 Не так тряслась Делосская скала,
Пока гнезда там не свила Латона
И небу двух очей не родила.
- 133 Раздался крик по всем уступам склона,
Такой, что, обратясь, мой проводник
Сказал: «Тебе твой спутник оборона».
- 136 «*Gloria in excelsis*» — был тот крик,
Один у всех, как я его значенье
По возгласам ближайших к нам постиг.
- 139 Мы замерли, внимая восхваленье,
Как слушали те пастухи в былом;
Но прекратился трус, и смолкло пенье.
- 142 Мы вновь пошли своим святым путем,
Среди теней, попрежнему безгласно
Поверженных в рыдании своем.

- 145 Еще вовек неведенье так страшно
Рассудок мой к познанью не влекло,
Насколько я способен вспомнить ясно.
- 148 Как здесь я им терзался тяжело;
Я, торопясь, не смел задать вопроса,
Раздумье же помочь мне не могло;
- 151 Так, в робких мыслях, шел я вдоль утеса.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

ерзаемый огнем природной жажды,
Который утоляет лишь вода,
Самаритянке данная однажды,

- 4 Я, следуя вождю, не без труда
Загроможденным кругом торопился,
Скорбя при виде правого суда.
- 7 И вдруг, как, по словам Луки, явился
Христос в дороге двум ученикам,
Когда его могильный склеп раскрылся,
- 10 Так здесь явился дух, вдогонку нам,
Шагавшим над простертymi толпами;
Его мы не заметили; он сам
- 13 Возвзвал к нам: «Братья, мир господень с вами!»
Мы тотчас обернулись, и поэт
Ему ответил знаком и словами:
- 16 «Да примет с миром в праведный совет
Тебя неложный суд, от горней сени
Меня отторгший до скончанья лет!»
- 19 «Как! Если вы не призванные тени, —
Сказал он, с нами торопясь вперед, —
Кто вас возвел на божии ступени?»
- 22 И мой наставник: «Кто, как этот вот,
Отмечен ангелом, несущим стражу,
Тот воцаренья с праведными ждет.

- 25 Но так как та, что вечно тянет пряжу,
Его кудель ссучила ие вполне,
Рукой Клотоб намотанную клажу,
- 28 Его душа, сестра тебе и мне,
Не обладая нашей мощью взгляда,
Итти одна не может к вышине.
- 31 И вот я призван был из бездны Ада
Его вести, и поведу его,
Пока могу руководить, как надо.
- 34 Но, может быть, ты знаешь: отчего
Встряслась гора и, вплоть до основанья,
Вскричали словно все до одного?»
- 37 Спросив, он мне попал в ушко желанья
Так метко, что и жажды смягчена
Была одной отрадой ожиданья.
- 40 Тот начал так: «Гора отрешена
Ото всего, в чем нарушенье чина
И в чем бы оказалась новизна.
- 43 Здесь перемен нет даже и помина:
Небесного в небесное возврат
И только — их возможная причина.
- 46 Ни дождь, ни иней, ни роса, ни град,
Ни снег не выпадают выше грани
Трех ступеней у загражденных врат.
- 49 Нет туч, густых иль редких, нет блистаний,
И дочь Фавманта в небе не пестра,
Та, что внизу живет среди скитаний:
- 52 Сухих паров не ведает гора
Над сказанными мною ступенями,
Подножием наместника Петра.

- 55 Внизу трясет, быть может, временами,
Но здесь ни разу эта вышина
Не сотряслась подземными ветрами.
- 58 Дрожит она, когда из душ одна
Себя познает чистой, так что встанет
Иль вверх пойдет; тогда и песнь слышна.
- 61 Знак очищенья — если воля взманит
Переменить обитель, и счастлив,
Кто, этой волей схваченный, воспряннет.
- 64 Душа и раньше хочет; но строптив
Внущенный божьей правдой, против воли,
Позыв страдать, как был грешить позыв.
- 67 И я, простертый в этой скорбной боли
Пятьсот и больше лет, изведал вдруг
Свободное желанье лучшей доли.
- 70 Вот отчего всё дрогнуло вокруг,
И духи песнью славили гремящей
Того, кто да избавит их от мук».
- 73 Так он сказал; и так как пить тем слаще,
Чем жгучей жажду нам пришлось терпеть,
Скажу ль, как мне был в помощь говорящий?
- 76 И мудрый вождь: «Теперь явижу сеть,
Вас взявшую, и как разъять тенета,
Чтоб зыблет гору и велит вам петь.
- 79 Но кем ты был — узнать моя забота,
И почему века, за годом год.
Ты здесь лежал — не дашь ли мне отчета?»
- 82 «В те дни, когда всесильный царь высот
Помог, чтоб добрый Тит отмстил за раны,
Кровь из которых продал Искарьот, —

- 85 Ответил дух, — я оглашал те страны
Прочнейшим и славнейшим из имен,
К спасению тогда еще незваный.
- 88 Моих дыханий был так сладок звон,
Что мною, толосатом, Рим пленился,
И в Риме я был миртом осенен.
- 91 В земных народах Стаций не забылся.
Воспеты мной и Фивы, и Ахилл,
Но под второю ношней я свалился.
- 94 В меня, как семя, искру заронил
Божественный огонь, меня жививший,
Который тысячи воспламенил;
- 97 Я говорю об Энеиде, бывшей
И матерью, и мамкою моей,
И всё, что труд мой весит, мне внушившей.
- 100 За то, чтоб жить, когда среди людей
Был жив Виргилий, я бы рад в изгнанья
Провесть хоть солнце свыше должных дней.
- 103 Виргилий на меня взглянул в молчанья,
И вид его сказал: «Будь молчалив!»
Но ведь не всё возможно при желанья.
- 106 Улыбку и слезу родит порыв
Душевной страсти, трудно одолимый
Усилем воли, если кто правдив.
- 109 Я не сдержал улыбки еле зrimой;
Дух замолчал, чтоб мне в глаза взглянуть,
Где ярче виден помысл таймый.
- 112 «Да завершишь добром свой тяжкий путь! —
Сказал он мне. — Но что в себе хоронит
Твой смех, успевший только что мелькнуть?»

- 115 И вот меня две силы розно клонят.
Здесь я к молчанью, там я понужден
К ответу; я вздыхаю, и я понят
- 118 Учителем. «Я вижу — ты смущен.
Ответь ему, а то его тревожит
Неведенье», — так мне промолвил он.
- 121 И я: «Моей улыбке ты, быть может,
Дивишься, древний дух. Так будь готов,
Что удивленье речь моя умножит.
- 124 Тот, кто ведет мой взор чредой кругов,
И есть Виргилий, мощи той основа,
С какой ты пел про смертных и ботов.
- 127 К моей улыбке не было иного,
Поверь мне, повода, чем миг назад
О нем тобою сказанное слово».
- 130 Уже упав к его ногам, он рад
Их был обнять; но вождь мой, отстраняя:
«Оставь! Ты тень и видишь тень, мой брат»
- 133 «Смотри, как зноино, — молвил тот, вставая, —
Моя любовь меня к тебе влекла,
Когда, ничтожность нашу забывая,
- 136 Я тени принимаю за тела»:

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

же был ангел далеко за нами,
Тот ангел, что послал нас в круг шестой,
Еще рубец смахнув с меня крылами;

- 4 И тех, кто правды восхотел святой,
Назвал блаженными, и прозвучало
Лиши «*sicutum*» — и только — в речи той;
- 7 И я, чье тело снова легче стало,
Спешил наверх без всякого труда
Восслед теням, не медлившим нимало, —
- 10 Когда Виргилий начал так: «Всегда
Огонь благой любви зажжет другую,
Блеснув хоть в виде робкого следа.
- 13 С тех пор, как в адский Лимб, где я тоскую,
К нам некогда спустился Ювенал,
Открывший мне твою любовь живую,
- 16 К тебе я сердцем благословней стал,
Чем можно быть, кого-либо не зная,
И короток мне путь средь этих скал:
- 19 Но обясни, как другу мне прощая,
Что смелость послабляет удила,
И впредь со мной, как с другом, рассуждая:
- 22 Как это у тебя в груди могла
Жить сккупость рядом с мудростью, чья сила
Усердием умножена была?»

- 25 Такая речь улыбку пробудила
У Стация; потом он начал так:
«В твоих словах мне всё их лаской мило.
- 28 Поистине, нередко **внешний** знак
Приводит ложным видом в заблужденье,
Тогда как суть погружена во мрак.
- 31 В твоем вопросе выразилось мненье,
Что я был скончан; подумать так ты мог,
Узнав о том, где я терпел мученье.
- 34 Так знай, что я от склонности далек
Был даже слишком — и недаром бремя
Нес много тысяч лун за мой порок.
- 37 И не исторгни я дурное семя,
Внимая восклицанью твоему,
Как бы клеймящему земное племя:
- 40 „Заветный голод к золоту, к чему
Не направляешь ты сердца людские?“ —
Я с дракой грузы двигал бы во тьму.
- 43 Поняв, что крылья чересчур большие
У слишком щедрых рук, и этот грех
В себе я осудил, и остальные.
- 46 Как много стриженых воскреснет, тех,
Кто, и живя, и в смертный миг, не чает,
Что их вина не легче прочих всех!
- 49 И знай, что грех, который отражает
Наоборот какой-либо иной,
Свою с ним зелень вместе иссушает.
- 52 И если здесь я заодно с толпой,
Клянущей склонность, жаждал очищенья,
То как виновный встреченою виной».

- 65 «Но ведь когда ты грозные сраженья
Двойной печали Иокасты пел, —
Сказал воспевший мирные селенья, —
- 58 То, как я там Клиб уразумел,
Тобой как-будто вера не водила,
Та, без которой мало добрых дел.
- 61 Раз так, огонь какого же светила
Иль светоча тебя разомрачил,
Чтоб устремить за рыбарем ветрила?»
- 64 И тот: «Сначала ты мне путь открыл
К Парнассу, пить пещерных струй прохладу,
Потом меня пред богом озарил.
- 67 Ты был, как тот, кто за собой лампаду
Несет в ночи и не себе дает,
Но вслед идущим помошь и отраду,
- 70 Когда сказал: „Век обновленья ждет:
Мир первых дней и празда — у порога,
И новый отрок близится с высот“.
- 73 Ты дал мне петь, ты дал мне верить в бога!
Но, чтоб все части сделались ясны,
Я свой набросок расцвечу немного.
- 76 Уже был мир до самой глубины
Проникнут правой верой, насажденной
Посланниками неземной страны;
- 79 И так твой возглас, выше приведенный,
Созвучен был словам учителей,
Что к ним я стал ходить, как друг исконный.
- 82 Я видел в них таких святых людей,
Что в дни Домициановых гонений
Их слезы не бывали без моей.

- 85 Пока я жил под кровом смертной сени,
Я помогал им, и их строгий чин
Меня отторг от всех других учений.
- 88 И, не доведши греческих дружин,
В стихах, к фиванским рекам, я крестился,
Но утаил, что я христианин,
- 91 И показным язычеством прикрылся.
За этот грех там, где четвертый круг,
Четыре с лишним века я кружился.
- 94 Но ты, моим глазам раскрывший вдруг
Всё доброе, о чём мы говорили,
Скажи, пока нам вверх итти досуг,
- 97 Где старый наш Теренций, где Цецилий,
Плавт и Варрон? Что знаешь ты про них:
Где обитают и осуждены ли?»
- 100 «Они, как Персий, я и ряд других,—
Ответил вождь мой,— там, где грек, вспоенный
Каменами щедрее остальных:
- 103 То — первый круг тюрьмы неозаренной,
Где речь нередко о горе звучит.
Семьей кормилиц наших населенной.
- 106 Там с нами Антифонт и Еврипид,
Там встретишь Симонида, Агафона
И многих, кто меж греков знаменит.
- 109 Там из tobой воспетых — Антигона,
Аргея, Деифила, и скорбям
Верна Исмена, как во время оно;
- 112 Там дочь Тиресия, Фетида там,
И Дейдамия с сестрами своими,
И Лангию открывшая царям».

- 115 Уже беседа смолкла между ними,
И кругозор их был опять широк,
Не сжатый больше стенами крутymi,
- 118 И четверо служанок дня свой срок
Исполнило, и пятая вздымала,
Над дышлом стоя, кверху жгучий рог,
- 121 Когда мой вождь: «По мне бы надлежало
Кнаруже правым двигаться плечом,
Как мы всходили с самого начала».
- 124 Здесь нам обычай стал поводырем;
И так как был согласен дух высокий,
Мы этим и направились путем.
- 127 Они пошли вперед; я, одинокий,
Вослед; и слушал разговор певцов,
Дававший мне поэзии уроки.
- 130 Но вскоре сладостные звуки слов
Прервало древо, заградив дорогу,
Пленительное запахом плодов.
- 133 Как ель все ужে кверху понемногу,
Так это — книзу, так что взлезть нельзя
Хотя бы даже к нижнему отрогу.
- 136 С той стороны, где замкнута стезя,
Со скал спадала блещущая влага,
Струями по листам его скользя.
- 139 Поэты стали в расстояньи шага;
И некий голос, средь листвы незрим,
Воскликнул: «Вам запретно это благо!»
- 142 И вновь: «Мария не устам своим,
За вас просящим, послужить желала,
А лишь тому, чтоб вышел пир честным.

- 145 У римлянок напитка не бывало
Иного, чем вода; и Даниил
Презрел еду, и мудрость в нем мужала.
- 148 Начальный век, как золото, светил,
И голод желудями услаждался,
И нектар жажде каждый ключ струил.
- 151 Акридами и медом насыщался
Среди пустынь креститель Иоанн;
А как велик и славен он остался,
- 154 Тому залог в Евангелии дан».

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

устремлял глаза в густые чащи
Зеленых листьев, как иной ловец,
Из-за пичужек жизнь свою губящий,

- 4 Но тот, кто был мне больше, чем отец,
Промолвил: «Сын, пора итти; нам надо
Полезней тратить время под конец».
- 7 Мой взгляд — и шаг ничуть не позже взгляда—
Вслед мудрецам я обратил тотчас,
И мне в пути их речь была отрада.
- 10 Вдруг плач и пенье донеслись до нас, —
«Labia mea, Domine», — рождая
И наслажденье, и печаль зараз.
- 13 «Отец, что это?» — молвил я, внимая.
И он: «Быть может, тени там идут,
Земного долга узел разрешая».
- 16 Как странники задумчиво бредут
И, на пути настигнув проходящих,
Оглядят незнакомцев и не ждут,
- 19 Так, обгоняя нас, не столь спешащих,
Оглядывала нас со стороны
Толпа теней, смиренных и молчащих.
- 22 Глаза их были впалы и темны,
Бескровны лица и так скучно тело,
Что кости были с кожей срашены.

- 25 Не думаю, чтоб ссохся так всецело
Сам Эрисихтон, даже досягнув,
Голодный, до страшнейшего предела.
- 28 «Вот те, — подумал я, на них взглянув, —
Которые в Ерусалиме жили
В дни Мариам, вонзившей в сына клюв».
- 31 Как перстни без камней, глазницы были;
Кто ищет «ото» на лице людском,
Здесь букву М прочел бы без усилий.
- 34 Кто, если он с причиной незнаком,
Поверил бы, что тени чахнут тоже,
Прельщаляемые влагой и плодом?
- 37 Я удивлялся, как, ни с чем не схоже,
Их страждущая плоть изморена,
Их худобе и шелудивой коже;
- 40 И вот из глуби черепа одна
В меня впилась глазами и вскричала:
«Откуда эта милость мне дана?»
- 43 Ее лица я не узнал сначала,
Но в голосе я сразу угадал
То, что в обличье навсегда пропало.
- 46 От этой искры ярко засиял
Знакомый образ, встав из тьмы бесследной,
И я черты Форезе увидал.
- 49 «О, не гнушайся этой кожей бледной, —
Так он просил, — и струпною корой,
И этой плотью, мясом слишком бедной!»
- 52 Скажи мне правду о себе, открай,
Кто эти души, два твоих собрата;
Не откажись поговорить со мной!»

- 65 «Твой мертвый лик оплакал я когда-то, —
Сказал я, — но сейчас он так изрыт,
Что сердце вновь не меньшей болью сжато.
- 68 Молю, скажи мне, чтò вас так мертвят;
Я так дивлюсь, что мне не до ответа;
Кто полн другим, тот плохо говорит».
- 61 И он: «По воле вечного совета
То древо, позади нас, в брызгах вод,
Томительною силою одето.
- 64 Поющий здесь и плачущий народ,
За то, что угождал чрезмерно чреву,
В алчбе и в жажде к святости идет.
- 67 Охоту есть и пить внушают зеву
Пахучие плоды и водопад,
Который растекается по древу.
- 70 И так не раз, пока они кружат,
Свое терзанье обновляют тени,
Или верней — отраду из отрад:
- 73 Ведь та же воля шлет их к древной сени,
Что слала и Христа 'воззвать „Или!“,
Когда спасла нас кровь его мучений».
- 76 И я ему: «С тех пор, как плен земли
Твоя душа на лучший мир сменила,
Еще пять лет, Форезе, не прошли.
- 79 И если раньше исчерпалась сила
В тебе грешить, чем тяжкий твой порок
Благая боль пред богом облегчила,
- 82 То как же ты сюда подняться мог?
Я ждал тебя застать на нижней грани,
Там, где выплачивают срок за срок».

- 85 И он мне: «Сладкую полынь страданий
Испить так рано был я приведен
Моею Неллой. Скорбь ее рыданий,
- 88 Ее мольбы и сокрушенный стон
Меня оттуда извлекли до срока,
Минуя все круги, на этот склон.
- 91 Тем драгоценней для господня ока
Моя вдовица, милая жена,
Что в доблести всё больше одинока;
- 94 Сардинская Барбаджа — та скромна
И женской честью может похвальяться
Пред той Барбаджей, где живет она.
- 97 О милый брат, к чему распространяться?
Уже я вижу тот грядущий час,
Которого недолго дожидаться,
- 100 Когда с амвона огласят указ,
Чтоб воспретить бесстыжим флорентинкам
Разгуливать с сосцами напоказ.
- 103 Каким дикаркам или сарацинкам
Духовный или светский нужен бич,
Чтоб с голой грудью не ходить по рынкам?
- 106 Когда б могли беспутницы постичь,
Что быстрый бег небес припас их краю,
Уже им рты раскрыл бы скорбный клич;
- 109 Беда, — когда я верно предрекаю, —
Их ждет скорей, чем станет бородат
Иной, кто спит сейчас под „баю-баю“.
- 112 Но не таись передо мною, брат!
Не только я, но все, кто с нами рядом,
Глядят туда, где свет тобой разъят».

- 115 Я молвил: «Если ты окинешь взглядом,
Как ты со мной и я с тобой живал,
Воспоминанье будет горьким ядом.
- 118 От жизни той меня мой вождь воззвал,
На-днях, когда над нами округленной
Была (и я на солнце указал)
- 121 Сестра того. Меня он в тьме бездонной
Провел средь истых мертвых, и за ним
Я движусь, истой плотью облеченный.
- 124 Так я поднялся, им руководим,
Всю эту гору огибая кружно,
Где правят тех, кто в мире был кривым.
- 127 Он говорит, что мы дойдем содружно
До высоты, где Беатриче ждет;
А там ему меня покинуть нужно.
- 130 Так говорит Виргилий, этот вот
(Я указал); другой — та тень святая,
Которой ради дрогнул ваш оплот,
- 133 Из этих царств ее освобождая».

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

од не мешал речам, и речи — ходу;
И мы вперед спешили, как спешит
Корабль под ветром в добрую погоду.

- ⁴ А тени, дважды мертвые на вид,
Провалы глаз уставив на живого,
Являли ясно, как он их дивит.
- ⁷ Я, продолжая начатое слово,
Сказал: «Она, быть может, к вышине
Идет медлительней из-за другого.
- ¹⁰ Но где Пиккарда, — скажешь ли ты мне?
А здесь — кого бы вспомнить полагалось
Из тех, кто мне дивится в тишине?»
- ¹³ «Моя сестра, чьей красоте равнялась
Ее лишь благость, радостным венцом
На высотах Олимпа увенчалась».
- ¹⁶ Так он сказал сначала; и потом:
«Ничье прозванье здесь не под запретом;
Ведь каждый облик выдоен постом.
- ¹⁹ Вот Бонаджунта Лукский, — и при этом
Он пальцем указал; — а тот, щедрей,
Чем прочие, расшитый темным цветом,
- ²² Святую церковь звал женой своей;
Он был из Тура; искупает гладом
Больсенских, сваренных в вине, угрей».

- 25 Еще он назвал многих, шедших рядом;
И не был недоволен ни один:
Я никого не видел с мрачным взглядом.
- 28 Там грыз впустую пильский Убальдин
И Бонифаций, посохом Равенны
Премногих пасший длинный ряд годин.
- 31 Там был мессер Маркезе; в век свой бренный
Он мог в Форли, не иссыхая, пить,
Но жаждой мучился ежемгновенной.
- 34 Как тот, кто смотрит, чтобы оценить,
Я, посмотрев, избрал поэта Лукки,
Который явно жаждал говорить.
- 37 Сквозь шопот, имя словно бы Джентукки
Я чуял там, где сам он чуял зной
Ниспосланной ему язвящей муки.
- 40 «Дух, если хочешь говорить со мной, —
Сказал я, — сделай так, чтоб речь звучала
И нам обоим принесла покой».
- 43 «Есть женщина, еще без покрывала, —
Сказал он. — С ней отрадным ты найдешь
Мой город, хоть его бранят немало.
- 46 Ты это предсказанье унесешь
И, если понял шопот мой превратно,
Потом увидишь, что оно не ложь.
- 49 Но ты ли тот, кто миру спел так внятно
Песнь, чье начало я произношу:
„Вы, жены, те, кому любовь понятна“?»
- 52 И я: «Когда любовью я дышу,
То я внимателен; ей только надо
Мне подсказать слова, и я пишу».

- 55 И он: «Я вижу, в чем для нас преграда,
Чем я, Гвиттон, Нотарий далеки
От нового пленильного лада.
- 68 Я вижу, как послушно на листки
Наносят ваши перья смысл внущенный,
Что нам, конечно, было не с руки.
- 61 Вот всё, на взгляд хоть самый изощренный,
Чем разнятся и тот, и этот лад».
И он умолк, казалось — утоленный.
- 64 Как в воздухе сгрудившийся отряд
Проворных птиц, зимующих вдоль Нила,
Порой спешит, вытягиваясь в ряд,
- 67 Так вся толпа вдруг лица отвратила
И быстрым шагом дальше понеслась,
От худобы и воли легкокрыла.
- 70 И словно тот, кто, бегом утомясь,
Из спутников рад пропустить любого,
Чтоб отдохнуться, медленно пройдясь,
- 73 Так здесь, отстав от сонмища святого,
Форезе шел со мной, нетороплив,
И молвил: «Скоро ль встретимся мы снова?»
- 76 И я: «Не знаю, сколько буду жив;
Пусть даже близок берег, но желанье
К нему летит, меня опередив.
- 79 Затем что край, мне данный в обитанье,
Что день — скучнее доблестью одет
И скорбное предвидитувяданье».
- 82 И он: «Иди. Зачинщика всех бед
Звериный хвост, — мне это въяве зrimo. —
Влачит к ущелью, где пощады нет.

- 85 Зверь мчится всё быстрей, неудержимо,
И тот уже растерзан, и на срам
Оставлен труп, простертый недвижимо.
- 88 Не много раз вращаться тем кругам
(Он вверх взглянул), чтобы ты понял ясно
То, что ясней не вымолвлю я сам.
- 91 Теперь простимся; время здесь всевластно,
А, идя равной поступью с тобой,
Я принужден терять его напрасно».
- 94 Как, отделясь от едущих гурьбой,
Наездник мчит коня насколько можно,
Чтоб, ради славы, первым встретить бой,
- 97 Так, торопясь, он зашагал тревожно;
И вновь со мной остались эти два,
Чье имя в мире было так вельмозно:
- 100 Уже его я различал едва,
И он не больше был доступен взгляду,
Чем были разуму его слова,
- 103 Когда живую, всю в плодах, громаду
Другого древа я увидел вдруг,
Крутого склона обогнув преграду.
- 106 Я видел — люди, вскинув кисти рук,
Взвывали к листвам, веющим широко,
Как просит детвора, теснясь вокруг,
- 109 А окруженный не дает до срока,
Но, чтобы зуд желания возрос,
Приманку держит на виду высоко.
- 112 Потом ушли, как пробудясь от грез.
Мы подступили, приближаясь слева,
К стволу, не внemлющему просьб и слез.

- 115 «Идите мимо! Это отпрыск дрея,
Которое растет на высотах
И от которого вкусила Ева».
- 118 Так чей-то голос говорил в листах;
И мы, теснясь, запретные пределы
Вдоль кручи обогнули второпях.
- 121 «Припомните, — он говорил, — Нефели
Проклятый род, когда он, сыт и пьян,
На бой с Тезеем ринулся, двутельный;
- 124 И как вольготно пил еврейский стан,
За что и был отвергнут Гедеоном,
Когда с холмов он шел на Мадиан».
- 127 Так, стороною, под нависшим склоном,
Мы шли и слушали про грех обжор,
Сопровожденный горестным уроном.
- 130 Потом, все трое, вышли на простор
И так прошли в раздумья, молчаливы.
За тысячу шагов, потупя взор.
- 133 «О чем бы так задуматься могли вы?» —
Нежданный голос громко прозвучал,
Так что я вздрогнул, словно зверь пугливый.
- 136 Я поднял взгляд; вовеки не блистал
Настолько ослепительно и ало
В горниле сплав стекла или металл,
- 139 Как тот блистал, чье слово нас встречало:
«Чтобы подняться на гору, здесь вход;
Идущим к миру — здесь итти пристало».
- 142 Мой взор затмился, встретив облик тот;
И я пошел вслед за мудрецами,
Как человек, когда на слух идет.

- 145 И как перед рассветными лучами
Благоухает майский ветерок,
Травою напоенный и цветами,
- 148 Так легкий ветер мне чело облек,
И я почуял перьев мановенье,
Распространявших амврозийный ток,
- 151 И услыхал: «Блажен, чье озаренье
Столь благодатно, что ему чужда
Услада уст и вкуса вожделенье,
- 154 Чтоб не алкать сверх меры никогда».

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

ас понуждал быстрей итти по всклону,
Затем что солнцем полуденный круг
Был сдан Тельцу, а ночью — Скорпиону;

- 4 И словно тот, кто не глядит вокруг,
Но направляет к цели шаг упорный,
Когда ему помедлить недосуг,
- 7 Мы, друг за другом, шли тесниной горной,
Где ступеней стесненная грязда
Была как раз для одного просторной.
- 10 Как юный аист крылья иногда
Поднимет к взлету и опустит снова,
Не смея оторваться от гнезда,
- 13 Так и во мне, уже вспылать готова,
Тотчас же угасала речь моя,
И мой вопрос не претворялся в слово.
- 16 Отец мой, видя, как колеблюсь я,
Сказал мне на ходу: «Стреляй же смело,
Раз ты свой лук напряг до острия!»
- 19 Раскрыв уста уже не оробело:
«Как можно изнуряться, — я сказал, —
Там, где питать не требуется тело?»
- 22 «Припомни то, как Мелеагр сгорал,
Когда подверглась головня сожженью,
И минет горечь, — он мне отвечал. —

- 25 И, рассудив, как всякому движенью
Движеньем вторят ваши зеркала,
Ты жесткое принудишь к размягчению.
- 28 Но, чтобы мысль твоя покой нашла,
Вот Стаций здесь; и я к нему взываю,
Чтобы твоя болячка зажила».
- 31 «Прости, что вечный строй я излагаю
В твоем присутствии, — сказал поэт. —
Но отказать тебе я не дерзаю».
- 34 Потом он начал: «Если мой ответ
Ты примешь в разуменье, сын мой милый,
То сказанному „как“ прольется свет.
- 37 Беспримесная кровь, которой жилы
Въбрать не могут в жаждущую пасть,
Как лишнее, чего доесть нет силы,
- 40 Приемлет в сердце творческую власть
Образовать собой все тело ваше,
Как в жилах кровь творит любую часть.
- 43 Очистясь вновь и в то сойдя, что краше
Не называть, впоследствии она
Сливается с чужой в природной чаше.
- 46 Здесь та и эта соединена,
Та — покоряясь, эта — созиная,
Затем что в высшем месте рождена.
- 49 Смешавшись с той и к делу приступая,
Она ее сгущает, сгусток свой,
Раз созданный, помалу оживляя.
- 52 Зиждительная сила, став душой,
Лишь тем отличной от души растенья,
Что та дошла, а этой — путь большой,

- 65 Усваивает чувства и движенья,
Как гриб морской, и нужные дает
Зачатым свойствам средства выраженья.
- 68 Так ширится, мой сын, и так растет
То, что в родящем сердце пребывало,
Где естество всю плоть предсоздает.
- 61 Но уловить, как тварь младенцем стала,
Не так легко, и здесь ты видишь тьму;
Мудрейшего, чем ты, она сбивала,
- 64 И он учил, что, судя по всему,
Душа с возможным разумом не слита,
Затем что нет вместилища ему.
- 67 Но если правде грудь твоя открыта,
Знай, что, едва зародыш завершен
И мозговая ткань вполне развита,
- 70 Прадвижитель, в веселии склонен,
Прекрасный труд природы созерцает,
И новый дух в него вдыхает он,
- 73 Который всё, что там росло, вбирает,
И вот душа, слиянная в одно,
Живет, и чувствует, и постигает.
- 76 И если то, что я сказал, темно,
Взгляни, как в соке, что из лоз сочится,
Жар солнца превращается в вино!
- 79 Когда ж у Лахезис весь лен ссучится,
Душа спешит из тела прочь, но в ней
И бренное, и вечное таится.
- 82 Безмолвствуют все свойства прежних дней;
Но память, разум, воля — те намного
В деянии становятся острой.

- 65 Она летит, не медля у порога,
Чудесно к одному из берегов;
Ей только здесь ясна ее дорога.
- 68 Чуть дух очерчен местом, вновь готов
Поток творящей силы излучаться,
Как прежде он питал плотской покров.
- 91 Как воздух, если в нем пары клубятся
И чуждый луч их мгла в себе дробит,
Различно начинает расцвечаться,
- 94 Так ближний воздух принимает вид,
В какой его, воздействя, приводит
Душа, которая внутри стоит.
- 97 И как сиянье повсеместно ходит
За пламенем и неразрывно с ним,
Так новый облик вслед за духом бродит
- 100 И, так как тот через него стал зрим,
Зовется тенью; ею создаются
Орудья чувствам — зренью и другим.
- 103 У нас владеют речью и смеются,
Нам свойственны и плач, и вздох, и стон,
Как здесь они, ты слышал, раздаются.
- 106 И всё, чем дух взволнован и смущен,
Сквозит в обличья тени; оттого-то
И был ты нашим видом удивлен».
- 109 Последнего достигнув поворота,
Мы обратились к правой стороне,
И нас другая заняла забота.
- 112 Здесь горный склон — в бушующем огне,
А из обрыва ветер бьет, взлетая,
И пригибает пламя вновь к стене;

- 115 Нам приходилось двигаться вдоль края,
По одному; так шел я, здесь — огня,
А там — паденья робко избегая.
- 118 «Тут надо, — вождь остерегал меня, —
Глаза держать в поводьях неустанно,
Себя всё время от беды храня».
- 121 «Summae Deus clementiae» — нежданно
Из пламени напев донесся к нам;
Мне было всё же и взглянуть желанно,
- 124 И я увидел духов, шедших там;
И то их путь, то вновь каймы полоска
Мой взор распределяли пополам.
- 127 Чуть гимн умолк, как «Virum pop cognosco!» —
Раздался крик. И снова песнь текла,
Подобием глухого отголоска.
- 130 И снова крик: «Диана не могла
В своем лесу терпеть позор Гелики,
Вкусившей яд Венеры». И была
- 133 Вновь песнь; и вновь превозносили клики
Жен и мужей, чей брак для многих впредь
Явил пример, безгрешностью великий.
- 136 Так, вероятно, восклицать и петь
Им в том огне всё время полагалось:
Таков бальзам их, такова их снедь,
- 139 Чтоб язва, наконец, зарубцевалась.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

ока мы шли, друг другу вслед, по краю
И добрый вождь твердил не раз еще:
«Будь осторожен, я предупреждаю!» —

- 4 Мне солнце было в правое плечо
И целый запад в белый превращало
Из синего, сияя горячо;
- 7 И где ложилась тень моя, там ало
Казалось пламя; и толпа была,
В нем проходя, удивлена немало!
- 10 Речь между ними обо мне зашла,
И тень, я слышал, тени говорила:
«Не таковы бесплотные тела».
- 13 Иные подались, сколь можно было,
Ко мне, стараясь, как являл их вид,
Ступать не там, где их бы не палило.
- 16 «О ты, кому почтительность велит,
Должно быть, сдерживать поспешность шага,
Ответь тому, кто жаждет и горит!
- 19 Не только мне ответ твой будет благо:
Он этим всем нужнее, чем нужна
Индийцу или эфиопу влага.
- 22 Скажи нам, почему ты — как стена
Для солнца, словно ты еще не встретил
Сетей кончины». Так из душ одна

- 25 Мне говорила; я бы ей ответил
Без промедленья, но как раз тогда
Мой взгляд иное зрелище приметил.
- 28 Навстречу этой новая чреда
Шла по пути, объятому пыланьем,
И я помедлил, чтоб взглянуть туда.
- 31 Вдруг вижу — тени, здесь и там, лобзаньем
Спешат друг к другу на ходу прильнуть
И кратким утешаются свиданьем.
- 34 Так муравьи, столкнувшись где-нибудь,
Потрутся рыльцами, чтобы дознаться,
Быть может, про добычу и про путь.
- 37 Но только миг обятья дружбы длятся,
И с первым шагом на пути своем
Одни других перекричать стремятся, —
- 40 Те, новые: «Гоморра и Содом!»,
А эти: «В телку лезет Пасифая,
Желая похоть утолить с бычком!»
- 43 Как если б журавлей летела стая —
Одна к пескам, другая на Рифей,
Та — стужи, эта — солнца избегая,
- 45 Так расстаются две чреды теней,
Чтоб снова петь в слезах обычным ладом
И восклицать про то, что им сродней.
- 49 И двинулись опять со мною рядом
Те, что меня просили дать ответ,
Готовность слушать выражая взглядом.
- 52 Я, видя вновь, что им покоя нет,
Сказал: «О души, к свету мирной славы
Обретшие ведущий верно след,

- 55 Мой прах, незрелый или величавый,
Не там остался: здесь я во плоти,
Со мной и кровь ее, и все суставы.
- 58 Я вверх иду, чтоб зренье обрести:
Там есть жена, чья милость мне дарует
Сквозь ваши страны смертное нести.
- 61 Но — и скорее да восторжествует
Желанье ваше, чтоб вас принял храм
Той высшей тверди, где любовь ликует —
- 64 Скажите мне, а я письму предам,
Кто вы и эти люди кто такие,
Которые от вас уходят там».
- 67 Так смотрит, губы растворив, немые
От изумленья, дикий житель гор,
Когда он в город попадет впервые,
- 70 Как эти на меня стремили взор.
Едва с них спало бремя удивленья, —
Высокий дух дает ему отпор, —
- 73 «Блажен, кто, наши посетив селенья, —
Вновь начал тот, кто прежде говорил, —
Для лучшей жизни черпляет наставленья!
- 76 Народ, идущий с нами врозь, грешил
Тем самым, чем когда-то Цезарь клики
„Царица“ в день триумфа заслужил.
- 79 Поэтому „Содом“ гласят их крики,
Как ты слыхал, и совесть их язвит,
И в помощь пламени их стыд великий.
- 82 Наш грех, напротив, был гермафродит;
Но мы забыли о людском законе,
Спеша насытить страсть, как скот спешит,

- 85 И потому, сходясь на этом склоне,
Себе в позор, мы поминаем ту,
Что скотенела, лежа в скотском лоне.
- 89 Ты нашей казни видишь правоту;
Назвать всех порознь мы бы не успели,
Да я на память и не перечту.
- 91 Что до меня я — Гвидо Гвиницелли;
Уже свой грех я начал искупать,
Как те, что рано сердцем восскорбели».
- 94 Как сыновья, увидевшие мать
Во времена Ликурговой печали,
Таков был я, — хоть не дерзнул восстать, —
- 97 При имени того, кого считали
Отцом и я, и лучшие меня,
Когда любовь так сладко воспевали.
- 100 И глух, и нем, и мысль в тиши храня,
Я долго шел, в лицо его взирая,
Но подступить не смел из-за огня.
- 103 Насытя взгляд, я молвил, что любая
Пред ним заслуга мне милей всего,
Словами клятвы в этом заверяя.
- 106 И он мне: «От признанья твоего
Я сохранил столь светлый след, что Лета
Бессильна смыть иль омрачить его.
- 109 Но если прямодушна клятва эта,
Скажи мне: чем я для тебя так мил,
Что речь твоя и взор полны привета?»
- 112 «Стихами вашими, — ответ мой был. —
Пока продлится то, что ныне ново,
Нетленна будет прелесть их чернил».

- 115 «Брат, — молвил он, — вот тот (и на другого
Он пальцем указал среди огней)
Получше был ковач родного слова.
- 118 В стихах любви и в прозе он сильней
Всех прочих; для одних глупцов погудка,
Что лимузинец перед ним славней.
- 121 У них к молве, не к правде ухо чутко,
И в общем мненьи каждый утвержден,
Не слушая искусства и рассудка.
- 124 Таков для многих старых был Гвиттон,
Из уст в уста единственно прославлен,
Покуда не был многими сражен.
- 127 Но раз тебе простор столь дивный явлен,
Что ты волен к обители взойти,
К той, где Христос игуменом поставлен,
- 130 Там за меня из „Отче наш“ прочти
Всё то, что нужно здешнему народу,
Который в грех уже нельзя ввести».
- 133 Затем, — быть может, чтобы дать свободу
Другим идущим, — он исчез в огне,
Подобно рыбе, уходящей в воду.
- 136 Я подошел к указанному мне,
Сказав, что вряд ли я чье имя в мире
Так приютил бы в тайной глубине.
- 139 Он начал так, шагая в знойном вире:
«Tan m'abellis vostre cortes deman,
Qu'ieu no me puest ni voill a vos cobrir.
- 142 Ieu sui Arnaut, que plor e vau cantan;
Consiros vei la passada folor,
E vei jausen lo joi qu'esser, denan.

- 146 Ara vos prec, per aquella valor
Que vos guida al som de l' escalina,
Sovenha vos a temps de ma dolor!»
- 148 И скрылся там, где скверну жжет пучина.

ПЕРЕВОД СТИХОВ 140—147

- 140 «Столь дорог мне учиный ваш привет,
Что сердце вам я рад открыть всех шире.
- 142 Здесь плачет и поет, огнем одет,
Арнальд, который видит в прошлом тьму,
Но впереди, ликуя, видит свет.
- 145 Он просит вас, затем что одному
Вам невозбранна горная вершина,
Не забывать, как тягостно ему!»

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

ак, чтобы ударить первыми лучами
В те страны, где его творец угас,
Меж тем как Эбро льется под Весамы.

- 4 А волны в Ганге жжет полдневный час,
Стояло солнце; меркнул день, сгорая,
Когда господень ангел встретил нас.
- 7 «*Beati mundo corde!*» воспевая
Звучней, чем песни на земле звучны,
Он высился вне пламени, у края.
- 10 «Святые души, вы пройти должны
Укус огня; вступайте в пламень жгучий
И слушайте напев с той стороны!»
- 13 Так он сказал, встречая нас над кручей;
И я, его услышав, стал как тот,
Кто надо рвом ждет смерти неминучей.
- 16 Я, руки сжав и наклонясь вперед,
Смотрел в огонь, и в памяти ожили
Тела людей, которых пламя жжет.
- 19 Тогда ко мне поэты обратили
Свой взгляд. «Мой сын, переступи порог:
Здесь мука, но не смерть,— сказал Виргилий.—
- 22 Ты вспомни, вспомни!.. Если я помог
Тебе спуститься вглубь на Герионе,
Мне ль не помочь, когда к нам ближе бог?

- 25 И знай, что если б в этом жгучем лоне
Ты хоть тысячелетие провел,
Ты не был бы и на волос в уроне.
- 28 И если б ты проверить предпочел,
Что я не обманул тебя нимало,
Стань у огня и поднеси подол.
- 31 Отбось, отбось всеё, что твой дух сковало!
Взгляни — и шествуй смелою стопой!»
А я не шел, как совесть ни взыграла.
- 34 При виде черствой косности такой
Он, чуть смущенный, молвил: «Сын, ведь это
Стена меж Беатриче и тобой».
- 37 Как очи, угасавшие для света,
На имя Фисбы приоткрыл Пирам
Под тутом, ставшим кровяного цвета,
- 40 Так, умягчен и больше не упрям,
Я взор к нему направил молчаливый,
Услышав имя, милое мечтам.
- 43 А он, кивнув, сказал: «Ну как, ленивый?
Чего мы ждем?» И улыбнулся мне,
Как мальчику, прельстившемуся сливой.
- 46 И он передо мной исчез в огне,
Прося, чтоб Стаций третьим шел, доныне
Деливший нас в пути по кругизне.
- 49 Вступив, я был бы рад остыть в пучине
Кипящего стекла, настолько злей
Был непомерный зной посередине.
- 52 Мой добрый вождь, чтобы я шел смелей,
Вел речь о Беатриче, повторяя:
«Я словно вижу взор ее очей».

- 65 Нас голос вел, сквозь пламя призываю;
И, двигаясь туда, где он звенел,
Мы вышли там, где есть тропа крутая.
- 68 Он посреди такого света пел
«Venite, benedicti Patris mei!»,
Что яркости мой взгляд не одолел.
- 61 «Уходит солнце, скоро ночь. Быстрее
Идите в гору, — он потом сказал. —
Пока закатный край не стал чернее».
- 64 Тропа шла прямо вверх среди двух скал
И так, что свет последних излучений
Я пред собой у солнца отнимал;
- 67 Преодолев немногие ступени,
Мы ощутили солнечный заход
Там, сзади нас, по угасанью тени.
- 70 И прежде, чем огромный небосвод
Так потемнел, что всё в нем стало схоже
И щедрой ночи наступил черед,
- 73 Для нас ступени превратились в ложе,
Затем что горный мрак от нас унес
И мощь к подъему, и желанье тоже.
- 76 Как,мямля жвачку,тихнет стадо коз,
Которое, пока не стало сыто,
Спешило вскачь с утеса на утес,
- 79 И ждет в тени, пока жара разлита,
А пастырь, опервшись на посошок,
Стоит вблизи, чтоб им была защита;
- 82 И как овчар, от хижины далек,
С гуртом своим проводит ночь в покое,
Следя, чтоб зверь добычу не увлек;

- 85 Так в эту пору были мы все трое,
Я — за козу, они — за сторожей,
Замкнутые в ущелье крутое.
- 88 Простор был скрыт громадами камней,
Но над тесниной звезды мне сияли,
Светлее, чем обычно, и крупней.
- 91 Так, полон дум и глядя в эти дали,
Я был охвачен сном; а часто сон
Вещает то, о чем и не гадали.
- 94 Должно быть, в час, когда на горный склон
С востока Цитеря засияла,
Чей свет как бы любовью напоен,
- 97 Мне снилось — на лугу цветы сбирала
Прекрасная и юная жена,
И так она, сбирая, напевала:
- 100 «Чтоб всякий ведал, как я названа,
Я — Лия, и, прекрасными руками
Плетя венок, я здесь брожу одна.
- 103 Для зеркала я уберусь цветами;
Сестра моя Рахиль с его стекла
Не сводит глаз и недвижима днями.
- 106 Ей красота ее очей мила,
Как мне — сплетенный мной убор цветочный;
Ей любо созерцанье, мне — дела».
- 109 Но вот уже перед зарей восточной,
Которая скитальцам тем милей,
Чем ближе к дому их привал полночный,
- 112 Везде бежала тьма, и сон мой с ней;
Тогда я встал с одра отдохновенья.
Увидя вставшими учителей.

- 115 «Тот сладкий плод, который поколенья
Тревожно ищут по стольким ветвям,
Сегодня утолит твои томленья».
- 118 Со мною говоря, к таким словам
Прибег Виргилий; вряд ли чья щедрота
Была безмерней по своим дарам.
- 121 За мигом миг во мне росла охота
Быть наверху, и словно перья крыл
Я с каждым шагом ширил для полета.
- 124 Когда под нами весь уклон проплыл
И мы достигли высоты конечной,
Ко мне глаза Виргилий устремил,
- 127 Сказав: «И временный огонь, и вечный
Ты видел, сын, и ты достиг земли,
Где смутен взгляд мой, прежде безупречный.
- 130 Тебя мой ум и знания вели;
Теперь своим руководясь советом:
Все кручи, все теснинды мы прошли.
- 133 Вот солнце лоб твой озаряет светом;
Вот лес, цветы и травяной ковер,
Самовозросшие в пространстве этом.
- 136 Пока не снизошел счастливый взор
Той, что в слезах тогда пришла за мною,
Сиди, броди — тебе во всем простор.
- 139 Отныне уст я больше не открою;
Свободен, прям и здрав твой дух; во всем
Судя ты сам; я над самим тобою
- 142 Тебя венчаю митрой и венцом».

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

великой жажде обойти дозором
Господень лес, тенистый и живой,
Где новый день смягчался перед взором,

- 4 Я медленно от кручи круговой
Пошел нагорьем, и земля дышала
Со всех сторон цветами и травой.
- 7 Ласкающее веянье, нимало
Не изменяясь, мне мое чело
Как будто нежным ветром обдавало
- 10 И трепетную сень вершин гнело
В ту сторону, куда гора святая
Бросает тень, как только рассвело, —
- 13 Но всё же не настолько их сгибая,
Чтобы умолкли птички, оробев
И все свои искусства прерывая:
- 16 Они, ликуя посреди дерев,
Встречали песнью веянье востока
В листве, гудевшей их стихам припев,
- 19 Тот самый, что в ветвях растет широко,
Над взморьем Къясси наполняя бор,
Когда Эол освободит Сирокко.
- 22 Я между тем так далеко простер
Мой путь сквозь древний лес; что понемногу
Со всех сторон замкнулся кругозор.

- 25 И вдруг поток мне преградил дорогу,
Который мелким трепетом волны
Клонил налево травы по отлогу.
- 28 Чистейшие из вод земной страны
Наполнены как будто мутью сорной
Пред этою, сквозной до глубины,
- 31 Хотя она струится черной-черной
Под вековечной тенью, для лучей
И солнечных, и лунных необорной.
- 34 Остановясь, я перешел ручей
Глазами, чтобы видеть, как растенья
Разнообразны в свежести своей.
- 37 И вот передо мной, как те явленья,
Когда нежданно в нас устранила
Любая дума силой удивленья,
- 40 Явилась женщина, и шла одна,
И пела, отбиная цвет от цвета,
Которых там пестрела пелена.
- 43 «О женщина, чья красота согрета
Лучом любви, коль внешний вид не ложь,
Но сердца достоверная примета, —
- 46 Быть может, ты поближе подойдешь, —
Сказал я ей, — и станешь над стремниной,
Чтоб я расслышать мог, что ты поешь?
- 49 Ты кажешься мне юной Прозерпиной,
Когда расстаться близился черед
Церере — с ней, ей — с вешнею долиной».
- 52 Как чтобы в пляске сделать поворот,
Она, скользя сомкнутыми ступнями
И мелким шагом двигаясь вперед,

- 55 Меж алыми и желтыми цветами
К моей оборотилась стороне
С девически склоненными глазами;
- 58 И мой призыв был утолен вполне,
Когда она так близко подступила,
Что смысл напева долетал ко мне.
- 61 Придя туда, где побережье было
Уже омыто дивною рекой,
Открытый взор она мне подарила:
- 64 Едва ли мог струиться блеск такой
Из-под ресниц Венеры, уязвленной
Негаданно сыновнею рукой.
- 67 Среди травы, волнами орошенной,
Она, смеясь, готовила венок,
Без семени на высоте рожденный.
- 70 На три шага нас разделял поток;
Но Геллеспонт, где Ксеркс познал невзгоду,
Людской гордыне навсегда урок,
- 73 Леандру был милее в непогоду,
Когда он плыл из Абидоса в Сест,
Чем мне — вот этот, не разъявший воду.
- 76 «Вы внове здесь; мой смех средь этих мест,
Где людям был приют от всех несчастий, —
Так начала она, взглянув окрест, —
- 79 Мог удивить вас и смутить отчасти;
Но ум ваш озарится светом дня,
Вникая в псалмопенье „Delectasti“.
- 82 Ты, впереди, который звал меня,
Спроси, что хочешь; я на всё готова
Подать ответ, всё точно изъясня».

- 85 «Вода и шум лесной, — сказал я снова, —
Колеблют то, что моему уму
Внушило разноречашее слово».
- 88 На что она: «Сомненью твоему
Я их причину до конца раскрою
И сжавшую тебя рассею тьму.
- 91 Творец всех благ, довольный лишь собою,
Ввел человека добрым, для добра,
Сюда, в преддверье к вечному покою.
- 94 Виной людей пресеклась та пора,
И превратились в боль и в плач по старом
Безгрешный смех и сладкая игра.
- 97 Чтоб смуты, порождаемые паром,
Который от воды и от земли
Идет, по мере силы, вслед за жаром,
- 100 Тревожить человека не могли,
Гора вздыбилась так, что их не знает
Над уровнем ворот, где вы вошли.
- 103 Но так как с первой твердью круг свершает
Весь воздух, если воздуху вразрез
Какой-либо заслон не возникает,
- 106 То здесь, в чистейшей высоте небес,
Его круговорот деревья клонит
И наполняет шумом частый лес.
- 109 Растение, которое он тронет,
Вверяет ветру долю сил своих,
А тот, кружка, ее вдали уронит;
- 112 Так в дальних землях, если свойства их
Иль их небес пригодны, возникая,
Восходит много отпрысков живых.

- 115 И ты не удивишься, это зная,
Что там побеги иногда растут,
Без видимого семени вставая.
- 118 И знай про этот дивный лес, что тут
Земля богата всяческою силой
И есть плоды, которых там не рвут.
- 121 И этот вот поток рожден не жилой,
В которой охладелый пар скоплен
И вдаль течет, то буйный, то унылый;
- 124 Его источник прочен и силен
И черпает от господних извслений
Всё, что он льет, открытый с двух сторон.
- 127 Струя сюда — он память согрешений
Снимает у людей; струя туда —
Дарует память всех благих свершений.
- 130 Здесь — Лета; там — Эвноя; но всегда
И здесь, и там сперва отведать надо,
Чтоб оказалась действенной вода.
- 133 В струях Эвнои — высшая услада:
Хоть, может быть, ты жажду утолил
Услышанным, но я была бы рада,
- 136 Чтоб ты в подарок вывод получил;
Тебе он не обещан, но едва ли
От этого он станет меньше мил.
- 139 Те, что в стихах когда-то воспевали
Былых людей и золотой их век,
Быть может, здесь в парнасских снах витали:
- 142 Здесь был невинен первый человек,
Здесь вечный май, в плодах, как поздним летом,
И нектар — это воды здешних рек».

145 Я обратил лицо к моим поэтам
И здесь улыбку их упомяну,
Мелькнувшую при утвержденьи этом;

148 Потом взглянул на дивную жену.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

ак бы любовной негою объята,
Окончив речь, она запела так:
«Beati, quogum tecta sunt recessata!»

- 4 Как нимфы направляли легкий шаг,
Совсем одни, сквозь тень лесов, желая:
Та — видеть солнце, та — уйти во мрак,
- 7 Она пошла вверх по реке, ступая
Вдоль берега; я — также, к ней плечом
И поступь с мелкой поступью ровняя.
- 10 Мы, ста шагов не насчитав вдвоем,
Дошли туда, где русло загибало,
И я к востоку повернул лицом.
- 13 Здесь мы пройти успели столь же мало,
Когда она, всем телом обратясь:
«Мой брат, смотри и слушай!» — мне сказала.
- 16 И вдруг лесная глубина зажглась
Блистаньем неожиданного света,
Как молнией внезапно озарясь;
- 19 Но молния, сверкнув, исчезнет где-то,
А этот свет, возникнув, возрастал,
Так что я в мыслях говорил: «Что это?»
- 22 Каким-то нежным звуком зазвучал
Лучистый воздух; скорбно и сурово
Я дерзновенье Евы осуждал:

- 25 Земля и твердь блюли господне слово,
А женщина, одна, чуть создана,
Не захотела потерпеть покрова;
- 28 Пребудь под ним покорною она,
Была бы радость несказанных сеней
И раньше мной, и дольше вкушена.
- 31 Пока я шел средь стольких предварений
Всевечной неги, мыслю оробев
И жаждая все больших упоений,
- 34 Пред нами воздух под листвой дерев
Стал словно пламень, осияв дубраву,
И сладкий звук переходил в напев.
- 37 Сонм дев священных, если вам во славу
Я ведал голод, стужу, скучный сон,
Себе награды я прошу по правзу.
- 40 Пусть для меня прольется Геликон,
И да внушил мне Урания с хором
Стихи о том, чем самый ум смущен.
- 43 Вдали, за искажающим простором,
Который от меня их отделял,
Семь золотых дерев являлись взорам;
- 46 Когда ж я к ним настолько близок стал,
Что мнящийся предмет, для чувств обманный,
Отдельных свойств за далью не терял,
- 49 То дар, уму для различенья данный,
Светильники признал в седьмице той,
А пенье голосов признал «Осанной».
- 52 Светлей пылал верхами чудный строй,
Чем полночью в просторах тверди ясной
Пылает полный месяц над землей.

- 55 Я в изумленьи бросил взгляд напрасный
Виргилию, и мне ответил он
Таким же взглядом, как и я безгласный.
- 58 Мой взор был снова к дивам обращен,
Всё надвигавшимся в строю широком
Медлительнее новобрачных жен.
- 61 «Ты что ж, — сказала женщина с упреком,—
Любовию горишь к живым огням,
А что за ними — не окинешь оком?»
- 64 И я увидел: вслед, как вслед вождям,
Чреда людей, вся в белом, выступала,
И белизны такой не ведать нам.
- 67 Вода налево от меня сверкала
И возвращала мне мой левый бок,
Едва я озирался, — как зерцало.
- 70 Когда я был настолько недалек,
Что мы всего лишь речкой разделялись,
Я шаг прервал и лучше видеть мог.
- 73 А огоньки всё ближе надвигались,
И, словно кисти проведены,
За ними волны, крася воздух, стлались;
- 76 Все семь полос, отчетливо видны,
Напоминали яркими цветами
Лук солнца или перевязь луны.
- 79 Длину всех этих стягов я глазами
Не озирал; меж крайними просвет
Измерился бы десятью шагами.
- 82 Под чудной сенью шло двенадцать чет
Маститых старцев, двигаясь степенно,
И каждого венчал лилейный цвет.

- 85 Все воспевали песнь: «Благословенна
Ты в дочерях Адама, и светла
Краса твоя и навсегда нетленна!»
- 88 Когда чреда избранная прошла
И свежую траву освободила,
Которою та сторона цвела, —
- 91 Как вслед светилам вставшие светила,
Четыре зверя взор мой различил.
Их лбы листва зеленая обвила;
- 94 У каждого — шесть оперенных крыл;
Крыла — полны очей; я лишь означу,
Что так смотрел бы Аргус, если б жил.
- 97 Чтоб начертать их облик, я не трачу
Стихов, читатель; непосильно мне
При щедрости исполнить всю задачу.
- 100 Прочти Езекииля; он вполне
Их описал, от северного края
Идущих в ветре, в туче и в огне.
- 103 Как на его листах, совсем такая
Наружность их; в одной лишь из статей
Я с Иоанном — крылья исчисляя.
- 106 Двуколая, меж четырех зверей
Победная повозка возвышалась,
И впряженный Грифон шел перед ней.
- 109 Он крылья так держал, что отделялась
Срединная от трех и трех полос,
И ни одна разъятьем не ломалась.
- 112 К вершинам крыл я тщетно взглядел вознес;
Он был золототел, где он был птицей,
А в остальном — как смесь лилей и роз.

- 115 Не то, что б Август равной колесницей
Не тешил Рима, или Сципион,—
Сам выезд Солнца был бедней сторицей,
- 118 Тот выезд Солнца, что упал, спален,
Когда Земля взмолилася в печали
И Дий творил свой праведный закон.
- 121 У правой ступицы, кружка, плясали
Три женщины; и так одна ала,
Что в пламени ее б не распознали.
- 124 Другая словно создана была
Из плоти, даже кости, изумрудной;
И третья — как недавний снег бела.
- 127 То белая вела их в пляске чудной.
То алая, чья песнь у всех зараз
То легкой поступь делала, то трудной.
- 130 А слева — четверо вели свой пляс,
Одеты в пурпур, повинуясь ладу
Одной из них, имевшей третий глаз.
- 133 За этим сонмищем предстали взгляду
Два старца, сходных обликом благим
И твердым, но несходных по наряду;
- 136 Так, одного питомцем бы своим
Счел Гиппократ, природой сотворенный
На благо самым милым ей живым;
- 139 Обратною заботой поглощенный,
Второй сверкал столь режущим мечом,
Что я глядел чрез реку, устрашенный.
- 142 Прошли смиренных четверо потом;
И одинокий старец, вслед за ними,
Ступал во сне, с провидящим чelом.

- 145 Все семь от первых ризами своими
Не отличались; но взамен лилей
Венчали розы наравне с другими
- 148 Багряными цветами снег кудрей;
Далекий взор клялся бы, что их лица
Огнем пылают кверху от бровей.
- 151 Когда со мной ровнялась колесница,
Раздался гром; и, словно возбранен
Был дальше ход, святая вереница
- 154 Остановилась позади знамен.

ПЕСНЬ ТРИДЦАТЫ

огда небес верховных семизвездье.
Чьей славе чужд закат или восход
И мгла иная, чем вины возмездье,

- 4 Всем указуя должных дел черед,
Как указует нижнее деснице
Того, кто судно к пристани ведет,
- 7 Остановилось, — шедший в веренице,
Перед Грифоном, праведный собор
С отрадой обратился к колеснице;
- 10 Один, подъемля вдохновенный взор,
Спел: «*Veni, sponsa, de Libano, veni!*» —
Воззвав трикраты, и за ним весь хор.
- 12 Как сонм блаженных из могильной сели,
Спеша, восстанет на призывный звук,
Вновь обретая голос для хвалений,
- 15 Так над небесной колесницей вдруг
Возникло сто, *ad vocem tanti senis*,
Всевечной жизни вестников и слуг.
- 19 И каждый пел: «*Benedictus qui venis!*» —
И, рассыпая вверх и вокруг цветы,
Звал: «*Manibus o date lilia plenis!*»
- 22 Как иногда багрянцем залиты
В начале утра области востока,
А небеса прекрасны и чисты,

- 25 И солнца лик, поднявшись невысоко,
Настолько застлан мягкостью паров,
Что на него спокойно смотрит око, —
- 28 Так в легкой туче ангельских цветов,
Взлетавших и свергавшихся обвалом
На дивный воз и вне его краев,
- 31 В венке олив, под белым покрывалом,
Предстала женщина, облачена
В зеленый плащ и в платье огнеалом.
- 34 И дух мой, — хоть умчались времена,
Когда его ввергала в содроганье
Одним своим присутствием она,
- 37 А здесь неполным было созерцанье, —
Пред тайной силой, шедшей от нее,
Былой любви изведал обаянье.
- 40 Едва в лицо ударила мое
Та сила, чье, став отроком, я вскоре
Разящее почуял острие,
- 43 Я глянул влево, — с той мольбой во взоре,
С какой ребенок ищет мать свою
И к ней бежит в испуге или в горе, —
- 46 Сказать Виргилию: «Всю кровь мою
Пронизывает трепет несказанный:
Следы огня былого узнаю!»
- 49 Но мой Виргилий в этот миг нежданный
Исчез, Виргилий, мой отец и вождь,
Виргилий, мне для избавленья данный.
- 52 Все чудеса запретных Еве рощ
Омытого росой не оградили
От слез, пролившихся как черный дождь.

- 65 «Дант, оттого что отошел Виргилий,
Не плачь, не плачь еще; не этот меч
Тебе для плача жребии судили».
- 68 Как адмирал, чтобы людей увлечь
На кораблях воинственной станицы,
То с носа, то с кормы к ним держит речь,
- 61 Такой, над левым краем колесницы,
Чуть я взглянул при имени своем,
Здесь поневоле вписанном в страницы,
- 64 Возникшая с завешенным челом
Средь ангельского празднества — стояла,
Ко мне через реку обратясь лицом.
- 67 Хотя опущенное покрывало,
Окружено Минервиной листвой,
Ее открыто видеть не давало,
- 70 Но, с царственно взнесенной головой,
Она промолвила, храня обличье
Того, кто гнев удерживает свой:
- 73 «Взгляни на нас! Мы — та, мы — Беатриче!
Как соизволил ты взойти сюда,
Где обитают счастье и величье?»
- 76 Глаза к ручью склонил я, но когда
Себя увидел, то, не молвив слова,
К траве отвел их, не стерпев стыда.
- 79 Так мать грозна для сына молодого,
Как мне она казалась в гневе том:
Горька любовь, когда она сурова.
- 82 Она умолкла; ангелы кругом
Запели: «In te, Domine, speravi»,
На «pedes meos» завершив псалом.

- 86 Как леднеет снег в живой дубраве,
Когда, славонским ветром остужен,
Хребет Италии сжат в мерзлом сплаве,
- 88 И как он сам собою поглощен,
Едва дохнет земля, где гибнут тени,
И кажется — то воск огнем спален, —
- 91 Таков был я, без слез и сокрушений,
До песни тех, которые поют
Вослед созвучьям вековечных сеней;
- 94 Но чуть я понял, что они зовут
Простить меня, усердней, чем словами:
«О госпожа, зачем так строг твой суд!»,
- 97 Лед, сердце мне сжимавший как тискам
Стал влагой и дыханьем и, томясь,
Покинул грудь глазами и устами.
- 100 Она, всё той же стороны держась
На колеснице, вняв моленья эти,
Так, речь начав, на них отозвалась:
- 103 «Вы бодрствуете в вековечном свете;
Ни ночь, ни сон не затмевают вам
Неутомимой поступи столетий;
- 106 И мой ответ скорей тому, кто там
Сейчас стоит и слезы льет безгласно,
И скорбь да соразмерится делам.
- 109 Не только силой горных кругов, властно
Велящих семени дать должный плод,
Чему расположенье звезд причастно,
- 112 Но милостью божественных щедрот,
Чья дождевая туча так подъята,
Что до нее наш взор не досягнет,

- 115 Он в новой жизни был таков когда-то,
Что мог свои дары, с теченьем дней,
Осуществить невиданно богато.
- 118 Но тем дичай земля и тем вредней,
Когда в ней плевел сеять понемногу,
Чем больше силы почвенной у ней.
- 121 Была пора, он находил подмогу
В моем лице; я взором молодым
Вела его на верную дорогу.
- 124 Но чуть я, между первым и вторым
Из возрастов, от жизни отлетела,
Меня покинув, он ушел к другим.
- 127 Когда я к духу вознеслась от тела
И силой возросла и красотой,
Его душа к любимой охладела.
- 130 Он устремил шаги дурной стезей,
К обманным благам, ложным изначала,
Чьи обещанья — лишь посул пустой.
- 133 Напрасно я во снах к нему взвывала
И наяву, чтоб с ложного следа
Вернуть его: он не скорбел нимало.
- 136 Так глубока была его беда,
Что дать ему спасенье можно было
Лишь зреющим погибших навсегда.
- 139 И я ворота мертвых посетила,
Прояв, в тоске, чтобы ему помог
Тот, чья рука его сюда взводила.
- 142 То было бы нарушить божий рок —
Пройти сквозь Лету и вкусить губами
Такую снедь, не заплатив оброк
- 145 Раскаянья, обильного слезами».

ПЕСНЬ ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

ы, ставший у священного потока, —
Так, речь ко мне направив острием,
Хоть было уж и лезвие жестоко,

- 4 Она тотчас же начала потом, —
Скажи, скажи, права ли я! Признаний
Моя улики требуют во всем».
- 7 Я был так слаб от внутренних терзаний,
Что голос мой, поднявшийся со дна,
Угас, еще не выйдя из гортани.
- 10 Пождав: «Ты что же? — молвила она. —
Ответь мне! Память о годах печали
В тебе волной еще не сметена».
- 13 Страх и смущенье, горше, чем вначале,
Исторгли из меня такое «да»,
Что лишь глаза его бы распознали.
- 15 Как самострел ломается, когда
Натянут слишком, и полет пологий
Его стрелы не причинит вреда,
- 19 Так я не вынес бремени тревоги,
И ослабевший голос мой затих,
В слезах и вздохах, посреди дороги.
- 22 Она сказала: «На путях моих,
Руководимый помыслом о благе,
Взыскуемом превыше всех других,

- 25 Скажи, какие цепи или овраги
Ты повстречал, что мужеством иссяк
И к одоленью не нашел отваги?
- 28 Какие на челе у прочих благ
Увидел чары и слова обета,
Что им навстречу устремил свой шаг?»
- 31 Я горьким вздохом встретил слово это
И, голос мой усилием подчиня,
С трудом раздвинул губы для ответа.
- 34 Потом, в слезах: «Обманчиво маня,
Мои шаги влекла тщета земная,
Когда ваш облик скрылся от меня».
- 37 И мне она: «Таясь иль отрицая,
Ты обмануть не мог бы Судию,
Который судит, все деянья зная.
- 40 Но если кто признал вину свою
Своим же ртом, то на суде точило
Вращается навстречу лезвею.
- 43 И всё же, чтоб тебе стыднее было,
Заблудшему, и чтоб тебя опять,
Как прежде, песнь сирен не обольстила,
- 46 Брось семя слез и слушай, чтоб узнать,
Куда мой образ, ставший горстью пыли,
Твои шаги был должен направлять.
- 49 Природа и искусство не дарили
Тебе вовек прекраснее улад,
Чем облик мой, распавшийся в могиле.
- 52 Раз ты лишился высшей из отрад
С мою смертью, что же в смертной доле
Еще могло к себе привлечь твой взгляд?

- 65 Ты должен был при первом же уколе
Того, что бренно, устремить полет
Вослед за мной, не бренной, как дотоле.
- 68 Не надо было брать на крылья гнет,
Чтоб снова пострадать, — будь то девичка
Иль пречий вздор, который миг живет.
- 61 Раз, два страдает молодая птичка;
А оперившихся и зорких птиц
От стрел и сети бережет привычка».
- 64 Как малыши, глаза потупив ниц,
Стоят и слушают и, сознавая
Свою вину, не подымают лиц,
- 67 Так я стоял. «Хоть ты скорбишь, внимая,
Вскинь бороду, — она сказала мне. —
Ты больше скорби вынесешь, взирая».
- 70 Крушится легче дуб на крутизне
Под ветром, налетевшим с полуночи
Или рожденным в Ярбиной стране,
- 73 Чем поднял я на зов чело и очи;
И, бороду взамен лица назвав,
Она отраву сделала жесточе.
- 75 Когда я каждый распрямил сустав,
Глаз различил, что первенцы творенья
Дождем цветов не окропляют трав;
- 79 И я увидел, полн еще смятенья,
Что Беатриче взоры навела
На Зверя, слившего два воплощенья.
- 82 Хоть за рекой и не открыв чела, —
Она себя былую побеждала
Мощнее, чем других, когда жила.

- 85 Крапива скорби так меня сжигала,
Что, чем сильней я что-либо любил,
Тем ненавистней это мне предстало.
- 88 Такой укор мне сердце укусил,
Что я упал; что делалось со мною,
То знает та, кем я повержен был.
- 91 Обретши силы в сердце, над собою
Я увидал сплетавшую венок
И услыхал: «Держись, держись рукою!»
- 94 Меня, по горло погрузя в поток,
Она влекла и легкими стопами
Поверх воды скользила, как челнок.
- 97 Когда блаженный берег был над нами,
«Asperges me» — так нежно раздалось,
Что мне не вспомнить, не сказать словами.
- 100 Меж тем она, взметнув ладони врозь,
Склонилась надо мной и погрузила
Мне голову, так что глотнуть пришлось.
- 103 Потом, омытым влагой, поместила
Меж четверых красавиц в хоровод,
И каждая меня рукой укрыла.
- 106 «Мы нимфы—здесь, мы—звезды в тьме высот;
Лик Беатриче не был миру явлен,
Когда служить ей мы пришли вперед.
- 109 Ты будешь нами перед ней поставлен;
Но вникнешь в свет ее отрадных глаз
Среди тех трех, чей взор острой направлен».
- 112 Так мне они пропели; и тотчас
Мы перед грудью у Грифона стали,
Имея Беатриче против нас.

- 115 «Не береги очей, — они сказали. —
Вот изумруды, те, что с давних пор
Оружием любви тебя сражали».
- 118 Сто сот желаний, жарче, чем костер,
Вонзили взгляд мой в очи Беатриче,
Всё на Грифона устремлявшей взор.
- 121 Как солнце в зеркале, в таком величье
Двусущный Зверь в их глубине сиял,
То вдруг в одном, то вдруг в другом обличье
- 124 Суди, читатель, как мой ум блуждал,
Когда предмет стоял неизмененный,
А в отраженьи облик изменял.
- 127 Пока, ликующий и изумленный,
Мой дух не мог насытиться едой,
Которой алчет голод утоленный,
- 130 Отмеченные высшей красотой,
Три остальные, распевая хором,
Ко мне свой пляс приблизили святой.
- 133 «Взгляни, о Беатриче, дивным взором
На верного, — звучала песня та, —
Пришедшего по кручам и просторам!
- 136 Даруй нам милость и твои уста
Разоблачи, чтобы твоя вторая
Ему была открыта красота!»
- 139 О света вечного краса живая,
Кто так исчах и побледнел без сна
В тени Парнасса, струй его вкушая,
- 142 Чтоб мысль его и речь была властна
Изобразить, какою ты явилась,
Гармонией небес осенена,
- 145 Когда в свободном воздухе открылась?

ПЕСНЬ ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

ои глаза так алчно утоляли
Десятилетней жажды жгучий зной,
Что все другие чувства мертвы стали;

- 1 Взор здесь и там был огражден стеной
Невнятия, влекомый неуклонно
В былую сеть улыбкой неземной;
- 7 Но влево отклонился принужденно,
Когда из уст богинь, стоявших там,
Раздалось слово: «Слишком напряженно!»
- 10 Упадок зрея, свойственный глазам,
В которых солнце свеже отразилось,
Меня на время приобщил к слепцам;
- 13 Когда же с малым зрея вновь срднилось
(Я молвлю «с малым», мысля о большом,
С которым ощущенье разлучилось),
- 16 Я видел — вправо повернув плечом,
Святое войско шло стезей возвратной,
С седьмицей свеч и с солнцем пред челом.
- 19 Как, оградив себя щитами, ратный
Заходит строй, за стягом идя вспять,
Пока порядок не создаст обратный,
- 22 Так стран небесных головная рать
Вся перед нами прежде растянулась,
Чем колесница стала загибать.

- 25 Из женщин каждая к оси вернулась,
И благодатный груз повлек Грифон,
Но ни перо на нем не шелохнулось.
- 28 Та, кем я был сквозь воду проведен,
И я, и Стаций шли с руки, где круче
Колесный след в загибе закруглен.
- 31 Так, через лес, пустынnyй и дремучий
С тех пор, как змею женщина вняла,
Мы шли под голос ангельских созвучий.
- 34 Насколько трижды пролетит стрела,
Настолько удалясь, мы шаг прервали,
И Беатриче на землю сошла.
- 37 Тогда «Адам!» все тихо пророптали
И обступили древо, чьих ветвей
Ни листья, ни цветы не украшали.
- 40 Его намет, чем выше, тем мощней
И вправо расширявшийся, и влево,
Дивил бы индов высотой своей.
- 43 «Хвала тебе, Грифон, за то, что древа
Не ранишь клювом; вкус отраден в нем,
Но горькие терзанья терпит чрево», —
- 46 Вскричали прочие, обстав кругом
Могучий ствол; и Зверь Двоерожденный:
«Так семя всякой правды соблюдет».
- 49 И, к дышлу колесницы обращенный,
Он к сирому стволу его привлек,
Связуя с древом отпрыск, им взращенный.
- 62 Как наши поросли, когда поток
Большого света смешан с тем, который
Вслед за ельцом небесным ждет свой срок,

- 55 Пестро рядятся в свежие уборы,
Пока еще не под другой звездой
Коней для Солнца запрягают Оры,
- 58 Так в цвет, светлей фиалки полевой
И гуще розы, облеклось растенье,
Где прежде каждый сук был неживой.
- 61 Я не постиг нездешнее хваленье,
Которое весь сонм их возгласил,
И не дослушал до конца их пенье.
- 64 Умей я начертать, как усыпил
Сказ о Сиринге очи стражу злому,
Который бденье дорого купил,
- 67 Я, подражая образцу такому,
Живописал бы, как ввергался в сон;
Но пусть искуснейший опишет дрему.
- 70 А я скажу, как я был пробужден
И полог сна раздрали блеск мгновенный
И возглас: «Встань же! Чем ты усыплен?»
- 73 Как, цвет увидев яблони священной,
Чьим брачным пиром небеса полны
И чьи плоды бесплотным вожделенны,
- 76 Петр, Иоанн и Яков, сражены
Бесчувствием, очнулись от глагола,
Который разрушал и глубже сны,
- 79 И видели, что лишена их школа
Уже и Моисея, и Ильи,
И на учителе другая стола, —
- 82 Так я очнулся, в смутном забытьи
Увидев над собой при этом кличе
Ту, что вдоль струй вела шаги мои.

- 85 В смятеньи, я сказал: «Где Беатриче?»
И та: «Она воссела у корней
Листвы, обретшей новое величье.
- 88 Взгляни на круг приблизившихся к ней;
Другие ввысь восходят за Грифоном,
И песня их и глубже, и звучней».
- 91 Звенела ль эта речь дальнейшим звоном,
Не знаю, ибо мне была видна
Та, что мой слух заставила заслоном.
- 94 Она сидела на земле, одна,
Как если б воз, который Зверь Двучастный
Связал с растеньем, стерегла она.
- 97 Окрест нее смыкали круг прекрасный
Семь нимф, держа огней священных строй,
Над коим Австр и Аквилон не властны.
- 100 «Здесь ты недолго будешь гость лесной,
Дабы навек, став гражданином Рима,
Где римлянин — Христос, пребыть со мной.
- 103 Для пользы мира, где добро гонимо,
Смотри на колесницу и потом
Всё опиши, что взору было зrimо».
- 106 Так Беатриче; я же, весь во всем
К столам ее велений преклоненный,
Воззрел послушно взором и умом.
- 109 Не падает столь быстро устремленный
Огонь из тучи плотной, чьи пласты
Скопились в сфере самой отдаленной,
- 112 Как птица Дия пала с высоты
Вдоль дерева, кору его терзая,
А не одну лишь зелень и цветы,

- ¹¹⁵ И, в колесницу мощно ударяя,
Ее качнула; так, с боков хлеша,
Раскачивает судно зыбь морская.
- ¹¹⁸ Потом я видел, как, вскочить иша,
Кралась лиса к повозке величавой,
Без доброй снеди до костей тоща.
- ¹²¹ Но, услыхав, какой постыдной славой
Ее моя корила госпожа,
Она умчала остов худощавый.
- ¹²⁴ Потом, я видел, прежний путь держа,
Орел спустился к колеснице снова
И оперил ее, над ней кружа.
- ¹²⁷ Как бы из сердца, горестью больного,
С небес нисшедший голос произнес:
«О чели мой, полный бремени дурного!»
- ¹³⁰ Потом земля разверзлась меж колес,
И видел я, как вышел из провала
Дракон, хвостом пронзая снизу воз;
- ¹³³ Он, как оса, вбирающая жало,
Рванул дурным хвостом и за собой
Увлек часть днища, утоленный мало.
- ¹³⁶ Остаток, словно тучный луг — травой,
Одесся перьями, во имя цели,
Быть может, даже здравой и благой
- ¹³⁹ Подаренными, и они одели
И дышло, и колеса по бокам,
Так, что уста вздохнуть бы не успели.
- ¹⁴² Преображеный так, священный храм
Явил семь глав над опереньем птичьим:
Вдоль дышла — три, четыре — по углам.

- 145 Три первые уподоблялись бычьим,
У прочих был единый рог в челе;
В мир не являлся зверь, странней обличьем.
- 146 Уверенно, как башня на скале,
На нем блудница наглая сидела,
Кругом глазами рыща по земле;
- 151 С ней рядом стал гигант, чтобы не смела
Ничья рука похитить этот клад;
И оба целовались то и дело.
- 154 Едва она живой и жадный взгляд
Ко мне метнула, друг ее сердитый
Ее стегнул от головы до пят.
- 157 Потом, исполнен злобы ядовитой,
Он отвязал чудовище и в лес
Его повлек, где, как щитом укрытый,
- 160 С блудницей зверь невиданный исчез.

ПЕСНЬ ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

eus, venerunt gentes», — то четыре,
То три жены, та череда и та,
Сквозь слезы стали петь стихи Псалтири.

- 4 И Beатриче, скорбью повита,
Внимала им, подобная в печали,
Быть может, лишь Марии у креста.
- 7 Когда же те простор для речи дали,
Сказала, вспыхнув, как огонь во тьме,
И встав, и так слова ее звучали:
- 10 «Modicum, et non videbitis me;
Et iterum, любимые сестрицы,
Modicum, et vos videbitis me».
- 13 И, двинувшись в предшествии седьмицы,
Мне, женщине и мудрецу — за ней
Итти велела манием десницы.
- 16 И ранее, чем на стезе своей
Она десятый шаг свой опустила,
Мне хлынул в очи свет ее очей.
- 19 «Иди быстрей, — она проговорила,
Спокойное обличье храня, —
Чтобы тебе удобней слушать было».
- 22 Я подошел, по ней мой шаг равня;
Она сказала: «Брат мой, почему бы
Тебе сейчас не расспросить меня?»

- 25 Как те, кому мешает страх сугубый
Со старшими свободно речь вести,
И голос их едва идет сквозь зубы,
- 28 Так, полный звук не в силах обрести, —
«О госпожа, — ответил я, смущенный, —
То, что мне нужно, легче вам найти».
- 31 Она на это: «Пусть твой дух стесненный
Боязнь и стыд освободят от пут,
Так чтобы ты не говорил, как сонный.
- 34 Знай, что порушенный змеей сосуд
Был и не стал; но от судьи вселенной
Вино и хлеб злодея не спасут.
- 37 Еще придет преемник предреченный
Орла, чьи перья, в колесницу пав,
Ее уродом сделали и пленной.
- 40 Я говорю, провиденьем познав,
Что вот уже и звезды у порога,
Не знающие никаких застав,
- 43 Когда Пятьсот Пятнадцать, вестник бога,
Воровку и гиганта истребит
За то, что оба согрешали много.
- 46 И если эта речь моя гласит,
Как Сфинкса и Фемида, темным складом,
И смысл ее от разума сокрыт, —
- 49 События уподобятся Наядам
И трудную загадку разрешат,
Но будет мир над нивой и над стадом.
- 52 Следи; и точно, как они звучат,
Мои слова запомни для наказа
Живым, чья жизнь — лишь путь до смертных врат.

- 55 И при писаны своего рассказа
Не скрой, каким растенье ты нашел,
Ограбленное здесь уже два раза.
- 58 Кто грабит ветви иль терзает ствол,
Повинен в богохульственной крамоле:
Бог для себя святыню их возвел.
- 61 Грызнув его, пять тысяч лет и доле.
Ждала в мученьях первая душа,
Чтоб грех избыл другой, по доброй воле.
- 64 Спит разум твой, размыслить не спеша,
Что не спроста оно взнеслось так круто,
Таким наметом стебель заверша.
- 67 Не будь твое сознание замкнуто,
Как в струи Эльсы, в помыслы сует,
Не будь их прелесть — как Пирам для тута,
- 70 Ты, по наличью этих лишь примет,
Постиг бы нравственно, сколь правосудно
Господь на древо наложил запрет.
- 73 Но так как ты, — мне угадать нетрудно. —
Окаменел и потускнел умом
И свет моих речей приемлешь скучно,
- 76 Хочу, чтоб ты в себе их нес потом,
Подобно хоть не книге, а картине,
Как жезл приносят с пальмовым листом».
- 79 И я: «Как оттиск в воске или глине,
Который принял неизменный вид,
Мой разум вашу речь хранит отныне.
- 82 Но для чего в такой дали парит
Ваш долгожданный голос, и, чем боле
К нему я рвусь, тем дальше он звучит?»

- 85 «Чтоб ты постиг, — сказала, — что за школе
Ты следовал, и видел, можно ль ей
Познать сокрытое в моем глаголе;
- 88 И видел, что до божеских путей
Вам так далеко, как земному краю
До неба, мчащегося всех быстрей».
- 91 На что я молвил: «Я не вспоминаю,
Чтоб я когда-либо чуждался вас.
И в этом я себя не упрекаю».
- 94 Она же: «Если ты на этот раз
Забыл, — и улыбнулась еле здимо, —
То вспомни, как ты Лету пил сейчас;
- 97 Как судят об огне по клубам дыма,
Само твое забвенье — приговор
Виновной воле, устремленной мимо.
- 100 Но говорить с тобою с этих пор
Я буду обнаженными словами,
Чтобы их видеть мог твой грубый взор».
- 103 Всё ярче, замедленными шагами,
Вступало солнце в полудённый круг,
Который создан нашими глазами,
- 106 Когда в пути остановились вдруг, —
Как проводник, который полн сомнений,
Увидев незнакомое вокруг, —
- 109 Семь жен у выхода из бледной тени,
Какую в Альпах стелет вдоль ручья
Вязь черных веток и зеленої сени.
- 112 Там растекались, — мог бы думать я, —
Тигр и Евфрат из одного истока,
Лениво разлучаясь, как друзья.

- 115 «О светоч смертных, блещущий высоко,
Что это за раздвоенный поток,
Сам от себя стремящийся далеко?»
- 118 На что сказали так: «Тебе урок
Подаст Мательда». И, путем ответа
Как бы желая отвести упрек,
- 121 Прекрасная сказала: «И про это,
И про иное с ним я речь вела,
И не могла ее похитить Лета».
- 124 И Беатриче: «Больших мыслей мгла,
Ложащихся на память пеленою,
Ему, быть может, ум заволокла.
- 127 Но видишь льющуюся там Эвною:
Сведи его и сделай, как всегда,
Угаснувшую силу, вновь живою».
- 130 Как избранные души без труда
Желанное другим желаю сами,
Лишь только есть малейшая нужда,
- 133 Так, до меня дотронувшись перстами,
Она пошла и на учтивый лад
Сказала Стацию: «Ты следуй с нами».
- 136 Не будь, читатель, у меня преград
Писать еще, я бы воспел хоть мало
Питье, чью сладость вечно пить бы рад;
- 139 Но так как счет положен изначала
Страницам этой кантики второй,
Узда искусства здесь меня сдержала:
- 142 Я шел назад, священною волной
Воссоздан так, как жизненная сила
Живит растенья зеленью живой,
- 145 Чист и достоин посетить светила.

ПРИМЕЧАНИЯ

ДАНТОВО ЧИСТИЛИЩЕ

«Чистилище» — вторая часть «Божественной Комедии», соединительное звено между «Адом» и «Раем».

Когда поэт заблудился в темном лесу греховного мира, Беатриче спустилась с небесных высот в адский Лимб и просила Виргилия прийти ему на помощь. Чтобы познать добро и зло и обрести путь спасения, Данте должен пройти через три загробных царства, увидеть посмертную участь людей, мучения грешных и блаженство праведных. Весть, с которой он возвратится на землю, будет спасительной для человечества. Виргилий, философский разум, проведет его через Ад и Чистилище вплоть до Земного Рая, а дальше, в небесных сферах, спутницей поэта станет Беатриче, божественное откровение.

Учение о чистилище сложилось в католической церкви к VI в. н. э. Самый тяжкий грех может быть прощен, если грешник в нем покаялся: Души таких покаявшихся грешников попадают в чистилище, где в мучениях искупают свою вину, чтобы получить доступ в рай. Длительность их мучений может быть уменьшена по молитвам благочестивых людей. Считалось, что чистилище помещается в недрах земли, рядом с адом, но не так глубоко. Рисовалось оно воображению верующих в самых общих чертах, чаще всего в виде очистительного огня.

То Чистилище, о котором мы читаем в «Божественной Комедии», полностью создано фантазией Данте, который дал ему своеобразное место в средневековой системе мира.

Земной шар неподвижно поконится в центре вселенной и окружен девятью вращающимися небесами: семи планет (Луны, Меркурия, Венеры, Солнца, Марса, Юпитера, Сатурна), Звезд и Первовигателя. Выше расположен неподвижный Эмпирей, обитель бога, ангелов и блаженных душ. Северное полушарие земли покрыто сушей, и в середине его находится Иерусалим. Только оно и обитаемо. Южное полушарие занято водой. В середине его, в точке, противоположной Иерусалиму, возвышается одиноким островом гора Чистилища, происхождение которой описано в «Аде» (XXXIV, 121—126).

Эта гора, высочайшая из земных гор, имеет вид усеченного конуса и опоясана девятью концентрическими уступами. Береговая полоса и первые два уступа образуют «Предчистилище», где ожидают доступа к искупительным мукам души нерадивых, до смертного часа медливших покаянием. Выше расположены врата, охраняемые ангелом-ключарем, а над ними — семь кругов собственно Чистилища,

по числу смертных грехов. Кара соразмерна греху и состоит в осуществлении соответственной добродетели. В каждом круге души грешников видят, слышат или сами вспоминают назидательные примеры той добродетели, которой они пренебрегали, и устрашающие примеры того греха, в котором они были повинны. Положительные примеры всякий раз возглавляются каким-либо поступком девы Марии.

От каждого круга к следующему ведет крутая лестница, охраняемая лучезарным ангелом, который напутствует восходящую душу пением одной из евангельских «заповедей блаженства».

На плоской вершине горы зеленеет лес Земного Рая, необитаемый после грехопадения Адама и Евы. Вступив сюда, очищенная душа погружается в волны Леты, смывающие память о содеянных грехах, затем пьет от струй Эвнои, возрождающей память о содеянном добре, и становится достойной вознести в небесный Рай.

Путь Данте от ворот Ада до центра земли, где в ледяное озеро вмерз Люцифер, занял одни сутки. Солько же времени — подъем оттуда на поверхность южного полушария. На горе Чистилища Данте проводит четыре дня: три раза его настигает ночь — в долине земных властителей (п. IX), в четвертом круге (п. XVIII) и на ступенях лестницы, ведущей в Земной Рай (п. XXVII).

Свое странствие по загробным мирам поэт приурочивает к весне 1300 г. Это дает ему возможность предсказывать события, совершившиеся от этой даты до времени написания поэмы.

«Божественная Комедия», величайший литературный памятник средневековья, заключает в себе науку о вселенной и о человеке, религиозно-нравственную доктрину и учение об идеальном социальном строе. Всё это огромное содержание Данте постепенно раскрывает на ее страницах, по мере того как он повествует о своем странствии. Читая «Божественную Комедию», надо постоянно иметь в виду ее многосмысленность: под реальными образами всегда таится аллегорический смысл. Подробное истолкование поэмы потребовало бы гораздо больше места, чем самий текст. Поэтому в примечаниях к настоящему изданию даются в скжатом виде лишь наиболее существенные пояснения. В тех случаях, когда они касаются философских и религиозных взглядов Данте, а также его аллегорий, они почерпнуты, во возможности, у комментаторов XIV века, которые были ближе к миропониманию поэта, чем позднейшие исследователи, и кроме того могли пользоваться устной традицией, восходившей к его ближайшему окружению.

Арабские и римские цифры в скобках, если они не сопровождаются каким-либо иным заглавием, указывают на соответствующие песни в стихи «Чистилища».

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Выход из Ада к подножию горы Чистилища

1—12 Отправляясь в плавание по «лучшим водам», чм «яростная пучина» Ада, и приступая к воспеванию второго из загробных царств, поэт взвыает к музам, дабы они вдохнули новую жизнь в его песно-

пение, которое было «мертвым», пока описывало царство вечной смерти.

* *Калиопа* — муз эпической поэзии, старшая из девяти.

11 *Когда Сорбк сразила лира*. — Девять дочерей фессалийского царя Пиера, Пиериды, дерзнули состязаться с музами в искусстве песнопения, но были посрамлены и превращены в сорбк. На стороне муз в этом состязании выступала Калиопа. (Овидий, «Метаморфозы», V, 294—678).

13—18 Данте и Виргилий вышли из Ада на исходе ночи, незадолго до рассвета, и оказались на острове, у подножия горы Чистилища.

15 *До первой тверди мира*. — Здесь может иметься в виду или ближайшее к Земле небо Луны, или крайнее из вращающихся небес, Первовдвигатель.

19—21 *Маяк любви, прекрасная планета* — Венера, затмевающая своей яркостью соседнее созвездие Рыб.

22 *К остью* — т. е. к небесному полюсу, в данном случае южному.

23—27 *Четыре звезды* (ср. VIII, 91—92 и XXXI, 106), которые видит Данте, быть может имевший какие-то сведения о созвездии Южного Креста, символизируют четыре «основные» («естественные») добродетели древнего мира (мудрость, справедливость, мужество и умеренность), которые озаряли «первых людей», Адама и Еву, обитавших в Земном Раю.

28—30 *Я обратился к остью полуночи*. — Обращаясь в сторону северного небесного полюса, Данте уже не видит Колесницы, т. е. Большой Медведицы, скрытой за горизонтом.

31 *Некий старец* — Катон Младший, Утический (95—46 до н. э.), государственный деятель последних времен Римской республики, непреклонный защитник гражданской свободы. После разгрома республиканцев он покончил с собой в городе Утике (Северная Африка). В «Пире» и «Монархии» Данте свидетельствует о своем безграничном благоговении перед ним. В «Божественной Комедии» он помещает его не в седьмой круг Ада среди самоубийц и не в Лимб среди праведных язычников, а делает его стражем Чистилища, предвещая ему вечное блаженство после Страшного суда (ст. 74—75).

39 *Что это блещет солнце — мне казалось*. — Возможны два толкования: 1) лицо Катона сияет, как солнце; 2) его лицо словно озарено солнцем: от свет четырехзвездия (основных добродетелей) на нем так ярок, что может быть принят за от свет солнца (бога).

40—48 Катон принимает поэтов за осужденных грешников, вышедших из Ада. «*Слепой водопад*» — это подземный ручей, вдоль которого они поднимались от центра земли к поверхности («Ад», XXXIV, 130). Повидимому, этот ручей уносит в преисподнюю воды Леты, которая в Земном Раю смывает с очистившихся душ воспоминание о грехах.

42 *Оперенье* — величавая борода Катона.

53 *Жена сошла с небес* — Беатриче, направившая Виргилия на помощь Данте, когда он заблудился в темном лесу («Ад», II, 52—74).

55 *Последний вечер* — смерть. В ст. 59—60 имеется в виду духовная смерть, угрожавшая заблудившемуся.

71 *Он восхотел свободы* — духовной свободы, которая достигается посредством нравственного очищения. Этой свободе, неосуществимой без свободы гражданской, Катон посвятил и отдал жизнь.

⁷⁶ В грозный день. — В день Страшного суда, когда души умерших снова облекутся в свои тела, «риза бытия», которую сбросил с себя Катон, т. е. его земное тело, станет лучезарной и нетленной (ср. «Ад», X, 11—12 и XIII, 103—108).

⁷⁷ Минос — грозный судья подземного царства («Ад», V, 4—24). Виргилий, как обитатель Лимба, ему не подвластен.

⁷⁸ И круг мой — тот, где Марция твоя... — первый круг Ада, Лимб, где среди праведных язычников обитает Марция, жена Катона («Ад», IV, 128), который уступил ее своему другу Гортензию. Когда тот умер, она, желая умереть «Катоновой Марцией», вернулась к своему первому мужу.

⁷⁹ Твои семь царств — семь кругов Чистилища, охраняемые Катоном.

⁸⁰ В том мире — на земле.

^{88—90} Теперь меж нас бежит зловещий вал — т. е. нас разделяют волны Ахерона, подземной реки, окаймляющей Ад («Ад», III, 77—129). Катон, после смерти пребывавший в Лимбе, был вместе с другими праведниками «изведен» оттуда Христом («Ад», IV, 46—63), и теперь всякая связь между ним и Марцией должна быть порвана.

⁹¹ Тростьем опояшь его — тростником, символом смирения, которое необходимо тому, кто ступает на путь покаяния.

⁹⁸ Первому из слуг — ангелу-привратнику, охраняющему вход в Чистилище (см. IX, 78).

^{103—104} Растения, обильные листвою иль жесткие — символизируют гордость и упрямство, которым нет места у порога душевного очищения.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

У подножия горы Чистилища. — Новоприбывающие души умерших

^{1—3} Так как гора Чистилища и Иерусалим расположены на противоположных концах земного диаметра, то у них общий горизонт. В северном полушарии вершина меридиана («поздневенного круга»), пересекающего этот горизонт, приходится над Иерусалимом. В опиравшийся час солнце, видимое в Иерусалиме, клонилось к закату, чтобы вскоре появиться над горизонтом Чистилища.

^{4—5} А ночь... взошла из Ганга. — Иерусалим лежит в самой середине северного полушария, занятого сушей. На крайнем востоке — истоки Ганга, на крайнем западе — Испания («Ад», XX, 125; «Чист.», XXVII, 3) и Марокко («Чист.», IV, 139). Когда в Иерусалиме заходит солнце, то со стороны Ганга надвигается ночь.

^{6—6} Весы держала, чтоб, одолев, их выронить из рук. — Ночь диаметрально противоположна солнцу. В это время года она держит в руках весы, т. е. находится в созвездии Весов, противостоя солнцу, находящемуся в созвездии Овна. Осенью, когда она «одолеет» день и станет продолжительнее, чем он, она выйдет из созвездия Весов, т. е. «выронит» их.

⁷ Аврора — богиня утренней зари.

¹² Душою движутся, а телом нет — потому что хотят итти вперед, но не знают, какой выбрать путь.

¹³ И снова да сверкнет! — Данте жаждет снова очутиться, после смерти, на берегу спасения, у горы Чистилища.

¹⁴ В той первой белизне. — То, что белело по сторонам приближающегося света, были крылья ангела; то, что белело внизу, — его одежда. Средоточием света было его лицо.

¹⁵ «In exitu Israël». — Новоприбывшие души поют псалом CXIII: «Когда вышел Израиль (из Египта)».

¹⁶—¹⁷ Сбив с небесной середины Козерога. — Козерог отстоит на 90° от Овна, в котором находилось солнце. В минуту солнечного восхода он был на меридиане, а теперь начал склоняться к западу.

¹⁸ С оливкою в руках. — В древности масличная ветвь служила знаком мира, а во времена Данте вообще знаком добрых вестей, как о том свидетельствуют средневековые хроники.

¹⁹ И тут ее узнал я. — Данте по голосу узнал своего друга, композитора и певца Казеллу.

²⁰—²¹ Ради возвращенья сюда же — чтобы после смерти оказаться в Чистилище, а затем в Раю.

²² Но где ты был? — Данте удивлен, что душа Казеллы, умершего, очевидно, сравнительно давно, только сейчас прибыла к Чистилищу.

²³—²⁴ Из рассказа Казеллы мы узнаем, что души тех, «кто не притянут Ахероном» (ср. «Ад», III, 70—129), т. е. не осужден на муки Ада, слетаются после смерти к устью Тибра (ср. XXV, 85—87), откуда ангел отвозит их в челяне на остров Чистилища. Этот ангел, сообразуясь с высшей правдой, долго не брал с собой Казеллу. Но сейчас весна 1300 года, в Риме, начиная с рождества, справляется церковный юбилей, щедро отпускаются грехи живым, и облегчается участь мертвых. Поэтому вот уже три месяца, как ангел перевозит всех, кто ни попросит.

²⁵ «Любовь, в душе беседуя со мной» — так начинается одна из канцон Данте, открывающая собою третий трактат «Пира» и написанная около 1294 г. Повидимому, Казелла положил ее на музыку, что подтверждают и старинные комментаторы.

²⁶ Величественный старец — Катон.

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

У подножия горы Чистилища. — Умершие под церковным отлучением

²⁷ Его самоупреки — в том, что он остановился послушать пение Казеллы.

²⁸—²⁹ Ум, который всё не мог никак расшириться, т. е. был сосредоточен на мыслях о происшедшем (встреча с Казеллой и суровые слова Катона), «опять раскрылся жадно» восприятию новых впечатлений.

³⁰—³¹ Поэты идут к подножию горы, обратясь спиной к взошедшему солнцу. Видя на земле перед собой одну лишь свою тень, Данте подумал было, что Виргилий его покинул.

^{25—27} По повелению Августа тело Виргилия, умершего (19 г. до н. э.) в *Брундизи* (Бриндизи), было перенесено в *Неаполь* и там погребено. Когда в Чистилище раннее утро, в Неаполе — вечер.

^{28—30} Души умерших, хоть и обладают видимостью, не отбрасывают тени, потому что так же проницаемы для световых лучей, как и семь небесных сфер, через которые проходит свет звезд, расположенных восьмом небе.

³¹ *Quia* — латинское слово, означающее «потому что», а в средние века применявшиеся также в смысле *quod* («что»). Схоластическая наука, следуя Аристотелю, различала двоякого рода знание: *scire quia* — знание существующего, и *scire propter quid* — знание причин существующего. Виргилий советует людям довольствоваться первого рода знанием, не вникая в причины того, что есть.

^{32—33} Если бы люди были всеведущи, ~~то~~ не нужно было бы рождение Христа, принесшего людям божественное откровение; или — по другому толкованию этих стихов — не нужно было бы рождение искупителя, потому что всеведущий Адам не согрешил бы.

^{34—45} Человечество видело, как к познанию истины стремились величайшие мудрецы, которые достигли бы этого познания, если бы оно было доступно человеческому разуму. Лучшие люди древнего мира, лишенные света откровения, осуждены навеки томиться в Лимбе неутоленной духовной жаждой («Ад», IV, 37—42). В числе этих «многих» — и сам Виргилий («Ад», IV, 67—151).

⁵⁰ Замок *Лёричи*, возле Спекции, и местечко *Турбия*, возле Ниццы — крайние точки, восточная и западная, генуэзской «Ривьеры», гористого побережья Средиземного моря.

⁵² *Как знать.* — Виргилий, знакомый с расположением Ада, чувствует себя новичком в Чистилище.

⁵⁹ *Чреду теней.* — Слева, вдоль подножия горы, медленно приближаются души людей, хоть и раскаявшихся перед смертью в своих грехах, но умерших под церковным отлучением. Они должны ждать доступа в Чистилище в течение срока, в тридцать раз превышающего то время, которое они пробыли «в распре с церковью» (см. ст. 136—141).

⁷⁰ *Дивясь без слов.* — Толпа удивлена, видя, что двое неизвестных быстро идут ей навстречу, удаляясь от того места, где они могли бы подняться в гору. В Чистилище, как правило, души обходят гору справа, посолонь. Так будут обходить ее и Данте с Виргилием. В Аду они двигались влево.

^{112—113} *Манфред* — король Неаполя и Сицилии (1231—1266), сын императора Фридриха II Гогенштауфена, внук Генриха VI и Констанции (Гостанцы) («Рай», III, 109—120), просвещенный эпикуреец, как и его отец (которого Данте, за его эпикурейство, помешает в шестой круг Ада, среди еретиков — см. «Ад», X, 119), и такой же непримиримый противник папства, отлученный от церкви. В 1265 г. папа Климент IV призвал для борьбы с ним в Италию графа Карла Анжуйского, брата французского короля Людовика IX. В битве при Беневенто (1266) Манфред погиб, и его королевство досталось Карлу (см. прим. VII, 112—114).

^{115—116} *Моей прекрасной дочери.* — Дочь Манфреда, по имени тоже Гостанца (см. также VII, 128), вышла замуж за арагонского короля Педро III, который, после свержения Карла Анжуйского («Сицилий-

ская вечерня», 1282), завладел Сицилией. Один из ее сыновей, Федериго, впоследствии царствовал в Сицилии, другой, Яков, — в Арагоне (см. VII, 112—120).

117 *Не верить лжи лукавой* — тому, что я, как отлученный от церкви, нахожусь в Аду.

124 *Страницу эту прочитать* — евангельскую страницу, где сказано: «Приходящего ко мне не изгоню вон».

125—131 Манфред был погребен у моста Беневенто, и каждый воин вражеского войска, чтобы почтить храброго короля, бросил камень на его могилу, так что вырос целый холм. Исполняя волю папы, архиепископ города Козенцы, поклявшийся изгнать Манфреда из его владений, вырыл его останки и перенес их на берег реки Верде (ныне Гарильяно; см. «Рай», VIII, 63), за пределы Неаполитанского королевства, которое папство считало своей землей, данной в лен неаполитанским королям.

132 *Куда он снес их, погасив огни.* — Когда хоронили отлученного, то у его гроба гасили свечи и затем несли их опрокинутыми.

133—135 Божье милосердие не считается с церковным проклятием, и, если грешник успел покаяться, оно его простит.

140—145 По молитвам благочестивых людей может быть сокращен срок пребывания в каждом из отделов Чистилища. Поэтому Манфред просит сообщить его дочери Гостанце о его посмертной судьбе.

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Первый уступ Предчистилища: нерадивые

1—14 Слушая Манфреда, Данте не заметил, что прошло уже немало времени. По этому поводу он делает отступление в область психологии: когда одна из наших душевных «сил» (напр., слух или зрение) всецело поглощена («связана») каким-либо ощущением, то остальные «силы» (напр., способность следить за временем) бездействуют («парят»). В этом он видит доказательство единства души (ср. XXV, 74), в противовес учению платоников о тройственности человеческой души (растительная душа расположена в печени, чувствительная — в сердце, разумная — в мозгу) и манихеев — о ее двойственности.

15—16 *Солнце успело подняться над горизонтом на 50°.*

25—26 *Сан-Лео, Ноли, Бисмантова* — трудно доступные горные местности в Италии.

34—36 Поднявшись по крутой тропе внутри тесного ущелья, путники оказались на выступе горного склона.

41—42 *Склон горы был много круче 45°.*

47—48 *Уступ...* который кругом опоясал высь — первый круговой уступ Предчистилища.

57 *Солнце слева посыпает стрелы.* — Путники находятся в южном полушарии, лицом к востоку. Поэтому солнце, поднявшееся уже на 50°, они видят с левой стороны от себя.

60 *Аквилон* — северный ветер. Здесь — в смысле: север.

61—66 Смысл этих стихов: «Если бы солнце («зеркало», отражающее

божью славу) было сейчас в созвездии Близнецов («Диоскуров»), ты видел бы, что «рдевающая» часть Зодиака (та, где находится солнце) вращается еще ближе к Северному полюсу (к созвездиям Медведиц), если только солнце не изменит своего вековечного пути. Другими словами: в июне ты видел бы солнце еще ниже над горизонтом в северном направлении.

^{68—69} Сион (Иерусалим) и гора Чистилища лежат на диаметрально противоположных точках земного шара.

^{71—72} Дорога, где несчастливый правил Фаэтон — Зодиак. Фаэтон, сын Феба-Аполлона, бога солнца, взялся править отцовской колесницей, не сдержал коней, опалил небо и землю, и Зевс поразил его молнией (Овидий, «Метаморфозы», II, 1—328). (Ср. «Ад», XVII, 106—108; «Чист.», XIX, 117—120).

⁷⁹ Вращатель вселенной — девятое небо, или Первовигатель.

⁸⁰ Поначалу подыматься трудно — потому что душа отягчена грехами. По мере очищения, она все с большей легкостью восходит к вершине.

⁸⁶ Вот все, о чем я властен речь вести. — Виргилий доведет Данте только до Земного Рая. Дальше его руководительницей станет Беатриче.

¹⁰⁴ Расположились люди. — Это — нерадивые, до смертного часа медлившие покаянием. Они должны пробыть в Предчистилище столько времени, сколько длилась их Земная жизнь (ст. 128—132). Этот срок может быть сокращен только по молитве праведных людей (ст. 133—135).

¹²⁸ Белаква — флорентинец, выделывавший грифы к лютням и гитарам, «ленивейший из людей», по словам старинных комментаторов. Данте с ним дружил и любил послушать его музыку.

^{128—129} Данте рад увидеть Белакву среди душ, которые спасутся, но недоумевает, почему тот сидит на месте, а не идет выше, к очищению.

^{128—135} См. прим. к ст. 104.

¹²⁹ Господня птица — ангел, охраняющий врата Чистилища (IX, 78).

^{137—139} На горе Чистилища сейчас полдень, а над северным полуширением, от «берега» (т. е. от берега Ганга), на крайнем востоке, до Марокко, на крайнем западе, простерлась ночь.

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

Второй уступ Предчистилища: нерадивые, умершие насильственnoю смертью

⁹ Рассеченным светом — тенью, которую отбрасывает Данте.

²⁰ Краску чуя сам — краску стыда, который иногда служит поводом к прощению вины.

²² Повыше, идя накрест нам — т. е. двигаясь по второму уступу Предчистилища, которого Данте и Виргилий еще не достигли.

²⁴ «Miserere» — псалом L: «Помилуй (меня, боже, по великой милости твой)». Души пели его «по стихам», т. е. чередуясь.

⁸⁶ Он поможет им — передав живущим на земле, чтобы они молились за томящихся в Чистилище.

⁸⁸ Горящий пар — молния, по средневековому представлению.

^{82—87} Это души людей, погибших насильственной смертью, но успевших в последний миг покаяться перед богом и простить своим врагам.

⁸² По следу этих ног — по следам Виргилия.

^{84—85} Один сказал. — Это Якопо дель Кассеро, знатный уроженец гор. Фано в Анконской марке, лежащей между «землею Карла» II Анжуйского, т. е. Неаполитанским королевством, и Романьей. Занимая в 1296—1297 гг. должность подеста в Болонье, он враждовал с Аццо VIII Эсте, маркизом феррарским (который упоминается в «Аде», XII, 112, как отцеубийца, и в «Чистилище», XX, 80, как купивший дочь Карла II). Приглашенный в 1298 г. на должность подеста в Милан, он из осторожности поехал через падуанские владения, но здесь, в Орьяго, был убит наемниками Аццо.

⁷⁶ Антеноры — падуанцы, потому что Падуя считалась основанной троянцем Антенором. Быть может, здесь намек на их предательство, потому что Антенор был якобы изменником, и по его имени Данте назвал один из разделов девятого круга Ада («Ад», XXXII, 89).

⁷⁹ Мира — городок между Орьяго и Падуей.

^{82—83} Я был Бонконте. — Буонконте, сын графа Гвидо да Монтефельтро («Ад», XXVII), предводительствовал аретинскими гибеллинами в войне против флорентийских гвельфов и пал 11 июня 1289 г. в битве на Кампальдино, в которой, на стороне победивших флорентинцев, участвовал, как всадник, молодой Данте. Тело Буонконте осталось неразысканным.

⁸⁹ Джованна — вдова Буонконте, которая, как и другие родственники, не молится за него, почему он и ходит, печально склонив голову.

⁹⁴ Аркьяно — горная река в области Казентино, протекающая неподалеку от монастыря Камальдоли и впадающая в Арно южнее равнины Кампальдино.

⁹⁷ Туда, где имя ей не нужно боле — т. е. туда, где она впадает в Арно и теряет свое название.

¹⁰¹ Мария — богоматерь, имя которой произносит умирающий Буонконте.

^{108—109} Вечное — душа Буонконте, которую ангел уносит в Рай, «пользуясь слезинкой» его раскаяния. Дьявол решает завладеть хотя бы «прочим», т. е. его телом.

¹¹³ Свой природный дар. — Считалось, что дьявол, «князь воздушной власти», может насыпать дождь и грозу.

¹¹⁶ Долина Арно, в том месте, где погиб Буонконте, лежит между горным хребтом Пратоманьо и главным Апеннинским хребтом («большой грядой»).

¹²² К большой реке — т. е. к Арно.

¹²⁹ Своей добычей — т. е. камнями и песком.

^{123—126} Пия деи Толомеи, родом из Съены, вышла замуж за Нелло деи Панноккески, который из ревности убил ее тайно в одном из своих замков в Съенской Маремме. Не рассчитывая ни на чьи молитвы, она просит самого Данте помолиться за нее.

ПЕСНЬ ШЕСТАЯ

Второй уступ Предчистилища (окончание)

¹³⁻¹² Толпу умоляющих душ, теснящуюся вокруг него, Данте сравнивает с толпой попрошаек, которая провожает счастливца, выигравшего в кости.

¹³⁻¹⁴ Аретинец — Бенинказа, ученый правовед и судья, которого из мести убил и обезглавил сиенский рыцарь-разбойник Гин ди Такко.

¹⁵ В погоне утонувший — Гуччо Тарлати, тоже аретинец, который утонул в Арно, не то преследуя врагов, не то спасаясь бегством.

¹⁵⁻¹⁶ Федерико Новелло — из рода казентинских графов Гвиди, убитый в 1289 или 1291 г.

¹⁷⁻¹⁸ Пизанец — Фарината, сын Марцукко Скорниджани, убитый в 1289 или 1290 г. Отец его, принявший к тому времени монашество, уговорил своих родичей не мстить убийце сына и примириться с ним. На этот эпизод и намекает Данте, говоря, что Фарината дал незлобивому Марцукко повод проявить необычную силу духа.

¹⁹ Орсо дельи Альберти, граф Мангона, убитый своим двоюродным братом. Он был сыном графа Наполеоне, одного из тех двух братьев, которые убили друг друга и которых Данте видел в Аду («Ад», XXXII, 40—60).

¹⁹⁻²⁴ Пьер де ла Бросс — врач и влиятельный придворный французского короля Филиппа III Смелого (VII, 103), казненный по проискам Марии Брабантской, второй жены короля. Данте советует «брabantке» подумать о покаянии, чтобы не оказаться в Аду, в «стаде» лжецов и клеветников.

²⁵⁻⁴⁸ Ты отрица... что суд небес смягчается мольбой. — Данте напоминает Виргилию его стих: «Властную волю богов преклонить не надейся мольбами» («Энеида», VI, 376) и спрашивает: как же эти души надеются, что их участь может быть облегчена по молитве живых? Виргилий поясняет, что «вершина правосудия», т. е. небесное правосудие, допускает, чтобы горячая молитва людей («огнь любви») мгновенно искупала вину грешников, от которой сами они очищались бы долгое время; стих же, смущающий Данте, относился к язычникам, молитва которых была бессильна. Впрочем, этот богословский вопрос точнее разъяснит поэту Беатриче.

⁵¹ Склон оделся тенью. — Восточный склон горы, по которому поднимаются поэты, погружен в тень, потому что уже далеко за полдень.

⁵⁶ Нераз еще вернется тот, кто сейчас уже горой закрыт. — Солнце, скрывшееся за горой, взойдет еще нераз, прежде чем ты достигнешь вершины.

⁵⁷ Луч вокруг тебя не рвется — ты не отbrasываешь тени (потому что солнце скрылось).

⁶² Ломбардский дух — Сорделло, поэт XIII века, писавший на провансальском языке, погибший насильственной смертью, уроженец Мантуи, как и Виргилий.

⁷⁸ Италия, раба... — В несчастиях Италии, раздиаемой усобицами, в равной степени виновны и папы, узурпировавшие светскую власть, и императоры, озабоченные своими немецкими делами и за-

бывающие о том, что их место — в Риме, откуда они должны привить миром.

⁷⁸ *Кабак* — в оригинале: *bordello*, дом разврата.

^{88—90} *Юстиниан* — византийский император (527—565), отвоевавший Италию у готов и восстановивший единство Римской империи, знаменитый законодатель. Он «подправил повода» коню, обуздал государство законами, но теперь «седло пустует», на престоле нет самодержца. Италии «меньше было бы стыда», если бы у нее не было узды юстиниановых законов.

^{91—96} *О вы, кому молиться долженствует* — римский папа и духовенство, присвоившие себе светскую власть вопреки евангельскому слову: «Отдавайте кесарево кесарю, а божие богу».

⁹⁷ *Альберт немецкий* — Альбрехт, сын Рудольфа Габсбургского, император с 1298 по 1308 г. и «король римлян». Данте упрекает его в том, что, занятый, подобно своему отцу, у себя на родине немецкими делами, он не заботится об Италии, некогда цветущем «имперском саде», теперь запустевшем.

^{99—102} Призывая небесную кару на «кровь» Альберта, т. е. на его семейство, Данте как бы предсказывает позднейшие события: в 1307 г. умер первенец Альберта Рудольф, а годом позже сам он пал от руки родного племянника.

^{106—107} *Мональди, Филиппески, Капеллетти, Монтекки*. — По мнению одних, Данте говорит здесь о вражде, разделявшей как две первые семьи, так и две последние; по мнению других, он называет имена сторонников императора и указывает на их тяжелое положение.

¹⁰⁹ *Насилия* — может быть понято и как «насилия, чинимые знатью» (сторонниками Альберта), и как «насилия, претерпеваемые знатью».

¹¹² *Увидишь — Сантафьор в каком расцвете*. — Графство Сантафьор в Сиенской Маремме, пришедшее во времена Данте в упадок и разоряемое разбойниками.

¹¹⁸ *Дий* (Юпитер) — здесь вместо «Христос».

¹²⁶ *В образе клеврета* — т. е. изображая из себя приверженца политической партии.

¹²⁸ *Марцелл* — повидимому, Кай Клавдий Марцелл, политический враг Юлия Цезаря. Здесь в смысле: влиятельный противник императорской власти.

^{127—151} Обращение к *Флоренции*, родине поэта-изгнаника, полно горестного сарказма.

ПЕСНЬ СЕДЬМАЯ

Долина земных властителей

^{4—6} *Достойные спастись начали населять гору Чистилища* только после смерти Христа, искупившего первородный грех. До этого души праведных отправлялись в Лимб, откуда их вывел Христос (*«Ад»*, IV, 52—63). Виргилий умер в 19 г. до христианской эры, и тело его было погребено в Неаполе по распоряжению императора Октавиана Августа (см. прим. III, 25—27).

⁷ Без правой веры. — См. «Ад», I, 70—72; 124—126; IV, 37—42.
^{25—27} Не делом, а неделаньем. — Виргилий лишен лицезрения бога (Солнца) не потому, что грешил, а потому, что не знал истинной веры.

²⁸ Есть край внизу — Лимб («Ад», IV, 25—151).

²⁸ Но от людской вины не отрешенных — не крещеных и поэтому не очищенных от первородного греха.

^{34—38} Три святые добродетели — так называемые богословские: вера, надежда и любовь. Остальные — это четыре основные, или естественные (см. прим. I, 23—27).

^{58—60} Стоит солнцу скрыться. — Без света божественной благодати человек не может восходить к совершенству. Он останется или на той же высоте, или спустится еще ниже.

^{64—72} В покатом горном склоне высечена площадка («долина»), обращенная открытой стороной к обрыву. Путники подходят к ней по отлогой тропинке, расположенной несколько выше дна площадки. Как видно из VIII, 46, чтобы «ступить на гладь» долины, они должны будут спуститься на три шага. Это меньше, чем половина наибольшей высоты стены, окаймляющей площадку.

⁸² «*Salve, Regina*» — «Славься, царица», церковный гимн деве Марии («К тебе взываем, изгнанники... в этой долине слез... Яви нам Иисуса... после этого изгнания»).

⁸³ Толпа теней, сидящих в уединенной долине, — души земных властителей, которые были поглощены мирскими делами и не занимались о вечном спасении. Окружающие их цветы и ароматы, повидимому, символизируют былую роскошь, отвлекавшую их от благочестивых помыслов.

^{91—95} Рудольф Габсбургский, император с 1273 по 1291 г. (см. прим. VI, 97). Он «пренебрег своим призванием», т. е. не пошел в Италию, чтобы подчинить ее своей власти.

⁹⁶ А ныне этот час опять далек — потому что итальянский поход императора Генриха VII в 1310—1313 годах кончился неудачей.

^{97—102} Рудольфа утешает его заклятый враг, чешский король Пшемысл Оттокар II, павший в битве с ним в 1278 г. Свой неодобрительный отзыв о его сыне Венцеславе IV (ум. в 1305 г.) Данте повторяет в «Рае» (XIX, 124—126).

^{103—111} Курносый — французский король Филипп III Смелый, потерпел поражение в войне против Петра III Арагонского и умер в 1285 г. во время отступления, «окрашив честь лилий» своего герба. Его собеседник, только по виду благодушный добряк — Генрих Толстый, король наваррский (ум. в 1274 г.), выдавший свою дочь Иоанну за сына Филиппа Смелого, Филиппа IV Красивого (царствовал с 1285 по 1314 г.). В долине Чистилища отец и тесть скорбят о «мерзости» Филиппа IV, «французского злодея», которого Данте нераз клейчит в «Божественной Комедии» за его алчность, жестокость и кощунственные деяния («Ад», XIX, 85—87; «Чист.», XX, 85—93; XXXII, 151; XXXIII, 44; «Рай», XIX, 118—120).

^{112—114} Еще два врага «поют в лад»: крахистый, Петро III Арагонский (см. прим. III, 115—116), и носач, Карл I Анжуйский (см. прим. III, 112—113). Свергнув Карла («Сицилийская вечерня», 1282), сицилийцы призвали к власти Петро. За Карлом остались его неапо-

литанские владения, и война между ним и Педро длилась до 1285 г., когда умерли оба короля. Несмотря на свой суровый приговор над Карлом (XX, 67—69 и «Рай», VIII, 73—75), Данте помещает его в Чистилище, должно быть считаясь с его покаянными предсмертными словами, о которых и Дж. Виллани рассказывает в своей Хронике (кн. VII, гл. 95).

115—118 *Юноша*, который был бы достойным наследником отцовской славы — старший сын Педро, Альфонсо III, умерший в 1291 г.

119—120 *Яков* II Арагонский (ум. в 1327 г.) и *Федерико* II Сицилийский (ум. в 1337 г.) — младшие сыновья Педро (ср. прим. III, 115—116). «Всё то, что лучше», т. е. отцовскую доблесть, они не унаследовали.

124—128 *Носач*, Карл I Анжуйский (см. прим. к ст. 112—114), тоже несчастен в своем потомстве: *Прованс* (см. прим. XX, 61) и *Пулья* (Неаполитанское королевство) стонут под властью его сына, Карла II Хромого (ум. в 1309 г.).

127—129 Карл I настолько же превосходит своего сына, Карла II, насколько Гостанца, дочь Манфреда, вдова Педро III, умершая в 1302 г. (см. III, 115—116; 143), имеет больше оснований гордиться своим мужем, чем первая и вторая жены Карла I, *Беатриче* (ум. в 1267 г.) и *Маргарита* (ум. в 1308 г.). Иначе говоря: Карл II настолько же ниже Карла I, насколько Карл I ниже Педро III.

130—132 *Генрих* III Английский (ум. в 1272 г.), «простой, честный и незначительный человек» (Виллани, V, 4), отец Эдуарда I, «одного из храбрейших и мудрейших христианских государей своего времени» (Виллани, VIII, 90).

133—136 Гульельмо Спадалунга, маркиз *Монферратский* и *Канавезский*, глава гибеллинского союза. Восставшие против него жители города *Алессандрии* взяли его в плен (1290) и посадили в железную клетку, где он и умер (1292). Неудачная война его сына против Алессандрии и ее союзников еще долго разоряла страну. Гульельмо сидит ниже остальных, потому что он ниже саном.

ПЕСНЬ ВОСЬМАЯ

Долина земных властителей (продолжение)

1—6 *В тот самый час* — в вечерний час.

7 Слух невольно отрешая — переставая слушать, потому что Сорделло умолк, а души кончили петь «*Salve, Regina*».

18 «*Te lucis ante*» — начальные слова вечернего церковного гимна: «Тебя, у предела света, (всей создатель, просим, чтобы ты, по твоей милости, был нам вождем и хранителем)».

18 *До верховых дуг* — до небесных сфер.

19—21 Данте указывает: аллегория дальнейших стихов так прозрачна, что легко понять ее смысл, а именно — небо, по нашей молитве, охраняет нас от соблазна.

31—32 Ангелы спустились на откосы по обе стороны долины: один — на тот, где стоят путники, несколько выше, чем они; другой — на противоположный.

⁸⁷ Из лона, где Мария — из Эмпирея, где восседает дева Мария, окруженнная ангелами («Рай», XXXI, 118—138).

⁸⁸ Он все же вскрыл... — Темный воздух не помешал Данте и Нино узнать друг друга.

⁸⁹ Нино (Уголино) Висконти, «судья» (правитель) округа Галлуры в Сардинии, внук и соперник графа Уголино делла Герардеска («Ад», XXXII, 124—XXXIII, 90), вместе с которым он управлял Пизанской республикой. Изгнанный из Пизы в 1288 г., он стал во главе тосканских гвельфов в их войне против его родного города. Умер в 1296 г.

⁹⁰ Забочусь о другой (жизни) — о вечной жизни, о спасении своей души.

⁹¹ Он и Сорделло подались назад. — Сорделло впервые узнает, что Данте живой человек.

⁹² Куррадо — см. прим. к ст. 115—119.

⁹³ Джованна — малолетняя дочь Нино Висконти.

⁹⁴ Там, где невинных верный отклик ждет — перед божиим судом.

⁹⁵—⁹⁷ Мать ее, Беатриче, дочь Обиццо II Эсте («Ад», XII, 111), вдова Нино Висконти, недолго носила вдовий «белый плат», выйдя вторично замуж за Галеаццо, сына Маттео Висконти, властителя Милана. Он был на девять лет моложе ее. Судьба его была бурной, и он умер, лишенный власти, в 1328 г. Беатриче жила до 1334 г. К этому времени ее сын Аццо снова овладел Миланом.

⁹⁸ Для Беатриче было бы почетнее, если бы на ее гробнице был высечен герб ее первого мужа, «кочет» (петух, герб пизанских Висконти, судей Галлуры), а не «ехидна» (герб миланских Висконти, — змея, пожирающая младенца).

⁹⁹—¹⁰¹ Три ярких звезды, сияющие в этот час вокруг Южного полюса, символизируют три богословские добродетели: веру, надежду и любовь. Они царят в начале ночи, предрасполагающей к созерцанию, подобно тому как четыре звезды, знаменующие естественные добродетели (I, 22—39; XXXI, 106), сияют перед началом деятельного дня.

¹⁰²—¹⁰⁴ Змея, вползающая со стороны обрыва — «древний змий, называемый диаволом и сатаною, обольщающий всю вселенную» (Апокалипсис, XII, 9).

¹⁰⁴ Тот и этот горний ястреб — оба ангела.

¹⁰⁵ Тот, кто подошел к нам после зова судьи, т. е. после зова Нино Висконти (см. ст. 65) — Коррадо Маласпина (см. ст. 118).

¹⁰⁶—¹⁰⁸ Пусть озаряющая тебя благодать найдет поддержку в твоей добродой воле, чтобы ты мог достигнуть Земного Рая.

¹⁰⁹—¹¹¹ Куррадо (Коррадо) Маласпина Младший, маркиз Луниджаны, умерший около 1294 г. У маркизов Маласпина изгнаник Данте нашел радушный приют в 1306 г. Вальдимагра — долина реки Магры в Луниджане.

¹¹² Любовь к родным светлеет здесь моя — земная любовь, которую я питал к своим сородичам, просветляется и поглощается более возвышенной любовью.

¹¹³ И хоть с пути дурным глядь всё сбито — хоть римский папа ведет мир по дурному пути, род Маласпина остается верен истинной доблести.

^{133—139} Солнце не успеет вступить *семь раз* в знак *Овна*, где оно стоит сейчас, т. е. не пройдет и семи лет, как твоё лестное мнение о маркизах Маласпина укрепится твоим личным опытом, и ты на деле убедишься в их радушии, раз уж должен свершиться приговор судьбы, обрекающий тебя на изгнание и скитальчество.

ПЕСНЬ ДЕВЯТАЯ

Долина земных властителей (окончание). —
Врат а Чистилища

^{1—6} *Наложница Тифона* — лунная заря. Прекрасная Эос (Аврора), утренняя заря, пленилась троянским царевичем Тифоном, стала его женой, испросила для него у Зевса бессмертие, но забыла испросить вечную юность, и Тифон превратился в ветхого старца. Данте надеется Тифона, наряду с супругой, еще и наложницей, лунной зарей. В описываемый час она «взошла на утренний помост», т. е. появилась на востоке, и на ее челе, как диадема, сияло созвездие Скорпиона.

^{7—9} *А ночь, восходя...* — Прошло уже два часа от начала ночи, и даже третий час близился к концу.

¹⁰ *С Адамом в существе своем* — т. е. обладая телом, подверженным усталости. Виргилий и другие тени не нуждаются в сне.

¹² *В пятером* — т. е. Данте, Виргилий, Сорделло, Нино Висконти и Коррадо Маласпина.

¹⁴ *Касатка* — злополучная царевна Филомела, превращенная в ласточку (касатку). См. прим. XVII, 19—20.

^{22—24} *Там, где Ганимед...* — т. е. на горе Иде Фригийской, где Зевс, обратясь в орла, похитил прекрасного Ганимеда, чтобы сделать его своим виночерпием.

²⁰ *До самого огня* — до сферы огня, которая считалась лежащей между сферой воздуха и небом Луны.

^{24—39} *Не меньше вздрогнул некогда Ахилл...* — Когда юноша Ахилл воспитывался у кентавра Хирона, богиня Фетида, его мать, зная, что ему грозит гибель на войне, перенесла его спящим на остров Скир, где он и жил, одетый в женское платье. Но здесь его при помощи хитрости обнаружили Улисс и Диомед. Удивление Ахилла, проснувшегося на Скире, описывает Стаций в I песни «Ахиллеиды».

⁵⁵ *Лючия*, олицетворение «просвещющей благодати» («Ад», II, 97—108), перенесла спящего Данте к подножию скалы, в которую вделаны ворота Чистилища. Сновидение Данте аллегорически соответствовало этому событию.

⁷⁸ *Вратник*. — Ангел-привратник Чистилища символизирует духовника, отпускающего грехи.

⁸² *Меч* — символ небесного правосудия.

^{94—102} Три ступени символизируют три части, которые сколастическое богословие различало в покаянии: «сокрушение сердца», «исповедание уст», «искупление делами». Алмазный порог — незыблемость церкви или же твердость духовника.

¹¹² *Семь Р* (начальная буква слова *peccatum*, грех) — означают семь смертных грехов, от которых надлежит очиститься по мере восхождения на гору Чистилища.

^{118—120} Ключи — серебряный и золотой. Это — «ключи небесного царства», которые ангел-привратник получил от апостола Петра. Золотой («желтый») ключ — символ данной духовнику власти отпускать грехи, а серебряный («белый») — символ «ума и знания», необходимых ему для распознания грехов и наставления грешников.

¹²⁰ Он сделал с дверью чаемое мной — т. е. отомкнул ее.

^{121—122} Ключ свободно не ходит в скважине, если у духовника нет должной власти или умения, а также если он неправильно ими пользуется.

¹³² Изгнан тот, кто обращает взгляд. — Тот, кто вернется к прежним грехам, лишиается благодати.

¹³⁵ Тарпей — Тарпейский утес римского Капитолия, где хранилась государственная казна. Когда Цезарь потребовал выдачи ему этой казны, народный трибун Люций Цецилий Метелл отказал ему, и тот силой открыл двери. Этот эпизод описывает Лукан («Фарсалия», III, 112—168).

¹⁴¹ «Te Deum» — латинский церковный гимн: «Тебя, бога, (хвалим)».

ПЕСНЬ ДЕСЯТАЯ

Чистилище. — Круг первыи: гордцы

² Из-за любви дурной. — Любовь — причина всех человеческих зел, как добрых, так и злых, в зависимости от того, благая ли это любовь, или дурная (XVII, 91—139). Порог Чистилища заброшен, потому что дурная любовь уводит людей на путь греха.

⁸ Та и эта двигалась стена — т. е. образовывала волнобразные выступы, так что тропа была извилиста.

¹⁶ Игольное ушко — узкий проход. Намек на слова Евангелия: Легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богатому войти в царство небес».

¹⁷ Мы вышли там... — Поэты достигли первого круга Чистилища, где души искупают грех гордости.

^{28—33} Круговая тропа идет вдоль мраморной стены горного склона, украшенной барельефами, на которых изображены примеры смирения.

³² Поликлет — знаменитый греческий ваятель V в. до н. э.

^{34—45} Первый барельеф изображает смирение девы Марии, которой ангел возвещает, что она родит спасителя. Крестная смерть Иисуса принесет «примирение» бога с людьми и откроет для них доступ к нетесному блаженству.

⁴⁰ «Ave!» — обращенное к Марии приветствие ангела: «Радуйся!»

⁴⁴ «Ecce ancilla Dei» — ответ Марии ангелу: «Вот раба господня».

^{55—69} Второй барельеф изображает смирение царя Давида, который, при перенесении «ковчега завета» в Иерусалим, «прыгал и скакал перед господом», на что с негодованием смотрела из окна его жена Мелхола (2-я кн. Царств, VI).

⁶⁷ Ужасный тем, кто не блюдет запрета. — Когда Оза, не имея права, придержал рукою падавший с повозки ковчег, бог поразил его смертью (2-я кн. Царств, VI, 6—7).

^{81—83} Глазам казалось, что это действительно ладанный дым, а обоняние, не ощущая запаха, спорило с ними.

⁸⁴ И больше был, и меньше был царя. — Пляшущий Давид был «больше», чем царь, потому что, как говорит Библия, на нем была жреческая одежда (или же потому, что он действовал по вдохновению свыше); и он был «меньше», чем царь, потому что вел себя как простой человек.

^{73—75} Третий барельеф воспроизводит легенду о том, как император Траян (98—117 н. э.) смиленно выслушал упрек вдовы и оказал ей правосудие.

⁷⁶ Григорий обессмертил величаво. — Существовала легенда, что по молитве Григория Великого, папы римского (ум. в 604 г.), кроткий Траян, император-язычник, был освобожден из Ада, жил вторично, уже как христианин, и достиг райского блаженства («Рай», XX, 44—45; 100—117).

⁹⁴ Кто нового не видел никогда — бог, которому открыто и прошлое, и будущее.

^{103—105} Мои глаза... к нему метнулись — в сторону Виргилия, т. е. влево. Поэты стоят лицом к скале, а толпа приближается к ним слева.

^{110—111} Крайний час... — час грозного решения. — Муки Чистилища не вечны: в худшем случае они продлятся до Страшного суда.

¹¹² То, что идет на нас — это души гордецов, которые, низко согнувшись, несут на спине тяжелые камни. Так они упражняются в смирении.

¹²⁰ Как бывают они самих себя. — Можно понимать: 1) покаянно колотят себя в грудь или 2) ударяют коленями в низко склоненную грудь.

ПЕСНЬ ОДИННАДЦАТАЯ

Круг первой (продолжение)

^{1—24} Согбенные души гордецов смиленно поют евангельскую «молитву господню». Так как, находясь в Чистилище, они уже «избавлены от лукавого» и не могут быть «введены в искушение», то соответствующие слова молитвы (ст. 19—21) они относят не к себе, а к людям, оставшимся на земле (ст. 22—24).

² Не замкнутый — вездесущий.

³ Первенцам своим — небесам и ангелам.

¹¹ «Осанна» (по-еврейски: спаси, сохрани) — приветственное восклицание.

¹³ Дневная манна — хлеб насущный, в смысле: духовная пища, небесная благодать.

^{31—36} Если души Чистилища молятся за живых, то разве не должны благочестивые люди молитвой и добрыми делами помочь им очиститься от грехов?

^{58—68} Я был латинянин — т. е. итальянец. Это Омберто Альбрандески, граф Сантафьоре, мужественно погибший в 1259 г. при осаде съенцами его замка Кампаньятико.

^{62—63} Мать у всех одна — земля.

⁷⁶ Вся чадь — вся дружина.

⁷⁷ Я опустил лицо мое.—Данте знает, что и сам он повинен в гордости (ср. XIII, 136—138).

^{79—80} Одеризи из Губбьо — прославленный в свое время миниатюрист (ум. в 1299 г.).

⁸¹ «Иллюминур», как говорят в Париже — т. е. миниатюр. В подлиннике — глагол «alluminare» (франц. éclairer); по-итальянски говорят: «miniare».

⁸³ Франко из Болоньи — миниатюрист, современник Данте; по словам Вазари, «много лучший мастер, нежели Одеризи». Почти никаких сведений о нем не сохранилось.

⁸³ Когда на смену век идет не дикий, тогда слава художников недолговечна, потому что возникают еще более совершенные создания.

⁸⁴ Чимабуэ — знаменитый флорентинский живописец второй половины XIII в.

⁸⁵ Джотто — знаменитейший итальянский живописец своего времени, друг Данте (ум. в 1337 г.).

⁸⁷ Первый Гвидо — поэт Гвидо Гвиницелли, ум. в 1276 г. (XXVI, 91); «новый Гвидо» — Гвидо Кавальканти, друг Данте, ум. в 1302 г. (см. «Ад», X, 58—72; 109—111). В словах Одеризи о том поэте, который «из гнезда спутнет» обоих Гвидо, старинные комментаторы видели женку, данную автором «Божественной Комедии» самому себе.

¹⁰⁸ Звездный движется чертог. — По Данте («Пир», II, 15), движение звездного неба с запада на восток равно одному градусу в сто лет.

^{109—114} По всей Тоскане прогремел — Провенцан Сальвани, вождь тосканских гибеллинов, стоявший во главе Сиенской республики, когда надорвалась злость флорентинских гвельфов, разбитых при Монтеаперти в 1260 г. («Ад», X, 85—86 и XXXII, 81). В 1269 г. при Колле ди Вальдельза (XIII, 115), где флорентинцы в свой черед разгромили сиенцев, он был взят в плен и обезглавлен, а сиенские гвельфы, вернувшись к власти, снесли его дома.

^{115—117} Как солнце рождает зеленый стебель и его же обесцвечивает, так и время, подвластное тому же солнцу, создает и губит человеческую славу.

^{127—132} Услыхав, что Провенцан Сальвани находится в первом круге Чистилища «с тех пор, как умер» (ст. 125), Данте задает вопрос: почему же этот гордец миновал Предчистилище, где ждут положенный срок все те, кто медлил покаянием до смертного часа? (см. прим. IV, 104).

^{133—142} Когда один из друзей Провенцана Сальвани (некоторые называют его Винеа, другие — Мино деи Мини) был взят в плен при Тальякоццо (1268) и Карл I Анжуйский потребовал за него огромный выкуп, угрожая казнью плениника, гордый Сальвани сел на Кампо, главной площади Сиены, и смиренно просил горожан помочь ему собрать требуемые деньги. Все помогли ему по мере сил, плениник был выкуплен. За этот свой поступок Провенцан «и не ктался там» (ст. 142), т. е. внизу горы Чистилища.

^{139—141} Одеризи знает, что Данте покажутся «темноватыми» то слова: «Он каждой жизнью был дрожать готов» (ст. 138), — изображающие душевное состояние гордого человека, вынужденного

прибегать к чужой помощи. Но Данте скоро поймет их смысл, когда его «соседи», флорентинцы, обрекут его на изгнание и нищету (ср. «Рай», XVII, 58—60).

ПЕСНЬ ДВЕНАДЦАТАЯ

Круг первый (окончание)

19—24 *Посмотри под ноги!* — Виргилий обращает внимание поэта на резные изображения, которыми устлана тропа. Они являются примеры наказанной гордости, числом тринадцать. Из посвященных им терцин четыре начинаются словами «Я видел», четыре — междометием «О», четыре — словом «Являл», а в заключительной терцине каждый стих начинается одним из этих выражений.

25—27 Люцифер, восставший против бога и сверженный в преисподнюю («Ад», XXXIV, 121).

28—30 *Бриарей* — сторукий исполин («Ад», XXXI, 98), в борьбе с богами пронзенный *перуном* Зевса.

31—33 *Тимбреi* (одно из прозвищ Аполлона, по имени города Тимбры в Троаде, где имелось его святилище), *Марс и Паллада*, окружив Зевса, смотрят на сраженных ими *гигантов*.

34—38 *Немврод*, замысливший воздвигнуть на *Сеннаарской* равнине башню до небес, видит, что труд его строителей напрасен, потому что бог смешал их языки и они перестали понимать друг друга («Ад», XXXI, 76—81).

39—42 *Ниобея*, жена фиванского царя Амфиона, гордая своими семью сыновьями и семью дочерьми, глумилась над богиней Латоной, матерью всего лишь двух близнецов — Аполлона и Дианы. Тогда дети богини убили стрелами всех сыновей и дочерей Ниобеи, которая от горя окаменела (Овидий, «Метаморфозы», VI, 146—312).

43—42 *Саул*, царь израильский, побежденный филистимлянами на горе *Гелвуе*, пал на свой меч (1-я кн. Царств, XXXI). Узнав об этом, Давид воскликнул: «Горы Гелвуйские! Да не будет на вас ни росы, ни дождя, ни полей плодоносных!» (2-я кн. Царств, I, 21).

43—45 *Арахна*, искусная ткачиха («Ад», XVII, 18), дерзнувшая сопоставляться с Палладой, была ею превращена в паука (Овидий, «Метаморфозы», VI, 5—145). Здесь она изображена в самый миг превращения, полуженщиной и полупауком.

46—48 *Ровоам*, сын царя Соломона, воцарясь, сказал народу: «Отец мой наказывал вас бичами, а я буду наказывать вас скорпионами». Десять колен израилевых восстали против него, и он «поспешно взошел на колесницу, чтобы убежать в Иерусалим». Это привело к разделению царства (3-я кн. Царств, XII, 1—19).

49—51 Сын Эдипа, Полиник, ища себе союзников, чтобы отвоевать Фивы у своего брата Этеокла, подарил Эрифиле, жене аргосского царя Амфиара («Ад», XX, 31—39), ожерелье, и она указала ему, где таится ее муж, который скрылся, зная, что будет убит, если отправится в этот поход. Когда Амфиарай погиб под Фивами, его сын Алкмеон, мстя за него, убил свою мать, так что она прокляла «убор, ей на погибель данный».

52—54 *Сеннахирим*, царь ассирийский, воевал против Езекии, ца-

ря иудейского, и поносил бога израилева, но ангел истребил его войско в одну ночь. Тогда он возвратился в Ниневию и был убит во храме своими сыновьями (4-я кн. Царств, XVIII—XIX).

^{55—57} Тамириса, скифская царица, отмщая Киру за гибель своего сына, разгромила персидское войско, велела отрубить голову павшего в битве царя и положить ее в мех, наполненный человеческой кровью. При этом она воскликнула: «Упейся кровью, которой ты тридцать лет ненасытимо жаждал!» (Орозий, История, II, 7).

^{58—60} Когда ассирийский полководец Олоберн осаждал Ветилую, прекрасная иудеянка Юдифь пришла к нему в шатер и обезглавила его. Ассирийцы обратились в бегство, преследуемые иудеями.

^{61—63} Под Троей Данте, вероятно, разумеет самый город, а под Илионом — его кремль.

⁶⁴ Мой плененный дух — т. е. поглощенный созерцанием.

⁶⁵ Подходит ангел, охраняющий лестницу, ведущую в следующий круг.

^{66—67} Прислужницы дня — Оры, годины, часы дня, сменяющие друг друга на солнечной колеснице (XXII, 118—120). Уже минул шестой час после восхода солнца, т. е. минул полдень.

⁶⁸ Такого дня тебе не возвратят — поэтому дорожи каждым мгновением и жадно воспринимай все, что видишь.

^{69—70} Взмахом крыльев ангел стер одно из «Р», вырезанных на челе у Данте (IX, 112—114), но тот лишь позже узнал об этом (ст. 121—136).

^{71—72} Ступенчатый подъем во второй круг Данте сравнивает с тропой, по которой, выйдя из Флоренции и перейдя через мост Рубаконте (ныне alle Grazie), поднимаются, правой стороной холма, к церкви Сан-Миниато, откуда открывается вид на весь город.

⁷³ Юдоль порядка — в подлиннике: «la ben guidata» — «благоуправляемая»; так иронически названа Флоренция.

⁷⁴ Когда блюлась тетрадь и чтилась кадка — т. е. когда общественные деятели Флоренции были честнее. Данте намекает на два громких мошенничества, случившиеся в его время: мессер Никкола Аччайоли и судья Бальдо д'Агульоне («Рай», XVI, 55—56) удалили из нотариальной книги компрометирующую запись, а Дуранте Кьянрамонтизи, ведавший продажу соли, уменьшил объем казенной кадки, чтобы обмеривать покупателей («Рай», XVI, 104—105).

^{75—76} «Beati pauperes spiritu» — «Блаженны нищие духом». Эту первую из «заповедей блаженства» поет охраняющий лестницу ангел, напутствуя восходящих, очистившихся от греха гордости.

⁷⁷ Хотя тусклей и те. — После того, как стерлось первое «Р», знак гордости, корня всех грехов, стали тусклей и остальные знаки, тем более, что гордость была главным грехом Данте (XIII, 136—138).

ПЕСНЬ ТРИНАДЦАТАЯ

Круг второй: за вистники

^{1—8} Путники достигли второго круга, где души очищаются от греха зависти. Он «круче закруглен», чем первый, потому что его радиус меньше.

⁷ Тропа в черты и тени не одета — т. е. на ней нет извяянных изображений, как в первом круге.

^{13—15} Полудённое солнце озаряет поэтов справа, и, чтобы стать к нему лицом, Виргилий поворачивается левым плечом вперед.

^{16—21} Не зная, в какую сторону направиться, Виргилий, памятая слова Катона (I, 107—108), избирает своим вождем солнце и решает итти посолонь, огибая гору справа. Находясь в южном полуширии, поэты видят солнце, совершающим свой дневной путь над северной частью горизонта (см. IV, 52—84).

^{25—27} На вечерю любви.— Подобно тому как в круге гордецов на скальные изображения говорили о смирении, так в круге завистников незримые голоса призывают к любви.

²⁸ «*Vinum non habent!*»—«Вина нет у них», слова Марии на браке в Кане Галилейской, пример заботы о других.

³² «Я Орест!» — восклицание Ореста, подоспевшего в тот миг, когда его друг Пилад, назвавшись его именем, хотел принять казнь вместо него.

³⁶ «*Vragov любите!*» — евангельское: «Любите врагов ваших».

^{37—39} Примеры любви и самоотречения — это «плеть», которая должна подстегивать завистливых на пути к исправлению.

^{40—42} Примеры наказанной зависти (XIV, 130—144), о которых путники услышат «на пути к стезе прощенья», т. е. на пути к лестнице, ведущей в следующий круг, — это «узда», сдерживающая греховое чувство. Если «плетью» служат голоса любви, то «узда должна звучать наоборот», т. е. голосами угрозы.

^{70—72} У грешников второго круга их завистливые глаза защиты желеzной нитью.

⁹⁴ Вечный град — небо.

^{106—129} Из Сыены я. — Сапия, знатная сиенская дама, жена Гинибальдо Сарачини, жившая, повидимому, в изгнании в своем замке.

^{109—110} Не мудрая, хотя меня и звали Сапия. — Игра словами Sapia и savia (мудрая; от sapere — знать).

¹¹⁶ Колле ди Вальдельза, где в 1269 г. флорентийские гвельфы разбили сиенских гибеллинов и где пал Провенцан Сальвани (XI, 109—114).

¹²⁸ Пьер Петтинаньо, т. е. гребенщик, каким он и был по ремеслу, прославивший в Сыене святым (ум. в 1289 г.).

^{133—138} Данте сознает, что завистью он грешил куда меньше, нежели гордостью, и предчувствует муку «нижнего обрыва», того, где гордецы «пригнethены ношей».

¹³⁹ Раз ты там не был — т. е. раз ты еще не прошел через очистительные мучения первого круга.

^{151—154} В том городе, т. е. в Сыене, все мечтают о приобретении гавани Таламонэ, чтобы Сиенская республика получила выход к Средиземному морю (что и осуществилось в 1303 г.). Но это предприятие окажется таким же убыточным, как и бесплодные поиски подземной реки Дианы, которую сиенцы старались обнаружить, чтобы обеспечить город водою. Выражение «адмиралы, которым придется хуже всех», старейшие комментаторы толкуют различно: 1) те, что надеялись стать адмиралами сиенского флота; 2) начальники портовых ра-

бот, погибшие в Таламонэ от малярии; 3) подрядчики, разорившиеся на этих работах. Данте, как истый флорентинец, и здесь трунит над легкомыслием съенцев (ср. «Ад», XXIX, 121—123).

ПЕСНЬ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Круг в трою (продолжение)

² Смертью он еще не окрылен — это не душа умершего, вылетевшая из тела.

¹⁶ Речка. — Река Арно, на берегах которой расположена Флоренция, стекает с горного хребта Фальтерона, в Апенинах. Длина ее превышает сто миль.

^{31—33} Истоки Арно лежат в одном из самых широких узлов Апеннин, «хребта, с которым разлучен Пелор», т. е. мыс Фаро, северо-восточная оконечность Сицилии. Предание о том, что Сицилия когда-то соединялась с Италией, повторяют и Виргилий («Энеида», III, 414—419), и Лукан («Фарсалия», II, 437—438).

^{34—36} Дотуда, где опять... — до устья, куда возвращается то, что небо сушит, т. е. влага, которая, испаряясь из моря под влиянием солнечных лучей, образует облака, превращается в дождь и питает реки, текущие в море.

⁴² Цирцея — волшебница гомеровского мифа, превращавшая людей в животных.

^{43—45} Свиная порода — обитатели Казентино, в особенности же графы Гвиди, владетели Ромены и Порчано («Ад», XXX, 76—78). Игра слов: Porciano — porc: (свиньи).

^{46—48} Дворняжики — аретинцы. Сначала Арно течет к югу, но не подалеку от Ареццо круто поворачивает к западу, словно презритель «вопротит нос».

^{49—51} Волки — флорентинцы.

^{52—54} Лисицы — пизанцы.

⁵⁵ И этому — т. е. живому пришельцу, Данте.

^{58—66} Говорящий, романец Гвидо дель Дука, предсказывает своему собеседнику и земляку Риньери да Кальболи (или Кальволи) молодения его внука (или племянника) Фульчери да Кальболи, который, по приглашению партии Черных, занимал в 1303 г. должность подеста во Флоренции и подверг жестоким пыткам и казням остававшихся в городе Белых и гибеллинов (Виллани, VIII, 59).

⁶⁴ Скорбный лес — Флоренция.

⁸¹ Гвидо дель Дука — из Бреттино в Романье, гибеллин (ум. в середине XIII в.).

⁸⁸ А вот Риньер. — Гвидо дель Дука называет своего собеседника, опечаленного его пророчеством. Это тоже романец, Риньери да Кальболи из Форли, представитель знатного гвельфского рода (ум. в 1296 г.).

^{91—93} Меж По и Рено, морем и горой, т. е. в Романье, потомство (кровь) не одного лишь Риньери да Кальболи забыло гражданскую и рыцарскую доблесть.

¹¹¹ Скорбя об упадке Романьи, Гвидо вспоминает, какие до-

блестные люди прославили ее в старину: *Лицио* да Вальбона, который, узнав о смерти своего недостойного сына, сказал: «Это не новость, потому что он никогда не жил. Но это то, что его похоронили»; *Гвидо ди Карпенья*, щедрый и великодушный; *Пьер Траверсари*, синьор Равенны; *Ариго Манаради*, владетель Бреттиноро, друг *Гвидо дель Дука*; *Фабро* (Фабио) Ламбертащи, вождь болонских гибеллинов; *Бернардин ди Фоско*, сын простого земледельца, ставший одним из виднейших граждан Фаэнцы; *Гвидо да Прата*, Уголин д'Аццо, *Федерико Тиньозо* — видные романцы; *Траверсари* и *Анастаджи* — два знатнейших равенинских рода.

^{112—114} *Бреттиноро* (ныне Бертино) — городок между Форлай и Чезеной. Славный род, который его покинул, — быть может, род самого Гвидо дель Дука или же род Манаради. В этой терции речь идет, повидимому, об изгнании гибеллинов из Бреттиноро в 1295 г.

¹¹⁵ *Баньякаваль* — Баньякавалло, замок в Романье, принадлежавший графам Мальвичини, мужское потомство которых к 1300 г. пресеклось. Катерина Мальвичини была женой Гвидо да Полента, представившего Данте его последний приют в Равенне.

^{116—117} В замке Коньо жили графы Орделаффи, в замке Кастрокарло — графы Барбиано. Гвидо сожалеет, что эти выродившиеся фамилии еще не пресеклись.

^{118—120} Когда умрет (в 1302 г.) Магинардо Пагани (*«Ад»*, XXVII, 49—51), прозванный «демоном», его потомки все-таки не возвратят своему роду былой славы.

^{121—123} Уголин де'Фантолин — романский феодал, «смелый, доблестный и благородный», умер во второй половине XIII в., а вскоре после него и оба его сына, последние в роде.

¹²⁴ *Нагрянул голос*. — Теперь слышны голоса, напоминающие о наказанной зависти.

¹²⁵ «Меня убьет, кто встретит!» — слова Каина богу, когда тот его проклял за то, что из зависти он убил Авеля.

¹²⁶ «Я тень Аглавры...» — Аглавра, дочь афинского царя Ке克ropsа, завидовала своей сестре Герсе, которую любил бог Гермес, и тот превратил ее в камень (Овидий, *«Метаморфозы»*, II, 708—832).

¹²⁷ *Вот жесткая узда*. — См. прим. XIII, 40—42.

^{128—129} Супостат (дьявол) ловит вас на свою удочку, прельшая *на jakiakой* (приманкой) призрачных земных благ, и для вас нет пользы ни в *повоьях* (в сдерживающих примерах наказанного греха), ни в *вабиле* (в заманчивых примерах награжденной добродетели). Вабило (от глагола: вабить — манить) — термин соколиной охоты: два скрепленных вместе птичьих крыла, которые сокольничий кружит на веревке у себя над головой, приманивая сокола назад.

ПЕСНЬ ПЯТНАДЦАТАЯ

К р у г в т о р о й (окончание). — *К р у г т р е т и й*: гневные

^{1—5} Заходящему солнцу оставалось пройти до горизонта такую же долю окружности, на какую к трем часам дня успевает повернуться «сфера, как дитя живая», т. е. птолемеево небо Солнца, вечно движущее. Другими словами, до заката оставалось три часа.

⁶ Там, т. е. в Чистилище, был вечер, а здесь у нас, т. е. в Италии — полночь.

^{7—8} Начав восхождение по восточному склону (III, 16; IV, 52—54), поэты, двигаясь вправо, уже обогнули четвертую часть горы и теперь идут лицом к Западу.

^{88—90} Семья небес — ангелы. Поэты приближаются к лестнице, ведущей в третий круг, и навстречу им идет, как бы «посол», лучезарный ангел, чтобы пригласить их взойти.

^{81—83} Но скоро, т. е. когда ты очистишься от грехов, это сверкание, от которого сейчас тебе больно, станет для тебя наивысшей из доступных тебе отрад.

^{87—88} «*Beati misericordes!*» — «Блаженны милостивые». Этую «заповедь блаженства», как и приветствие побеждающему, поет ангел.

⁴⁵ О «доступе другим» — См. XIV, 87.

⁵³ К верховной сфере — к Эмпирею, высшему из небес, обители божества.

⁶⁷ Световое тело — т. е. тело, способное воспринимать световые лучи.

^{77—78} То Беатриче... утолит. — Ср. VI, 43—48.

⁸³ Следующий круг — третий, где очищаются души гневных.

⁶⁵ И вдруг я словно был восхищен снами. — В круге гневных назидательные примеры кротости и устрашающие примеры наказанной злобы являются поэту в эстетических видениях.

^{87—88} Сборище во храме. — Мария, найдя своего пропавшего сына, двенадцатилетнего Иисуса, беседующим во храме с учителями, говорит ему краткие слова.

^{94—105} Юноша, влюбленный в дочь Писистрата, афинского тирана, поцеловал ее при людях. Писистрат не послушался своей жены, требовавшей, чтобы дерзкий был наказан, и дело кончилось свадьбой.

^{97—98} Града, чье название среди богов поселяло раздор. — Посейдон и Афина спорили о том, чьим именем должен быть назван город. Восторжествовала Афина.

^{106—114} Святой Стефан, побиваемый камнями.

^{131—132} Влага примиренья — это кротость, гасящая огонь гнева. Ее предвечный родник — божество. О крайней вспыльчивости поэта рассказывает Боккаччо в «Жизни Данте».

ПЕСНЬ ШЕСТНАДЦАТАЯ

К р у г т р е т и й (продолжение)

^{1—8} Ослепляющий дым, в который вступили поэты, обволакивает души тех, кто в жизни ослеплен был гневом.

^{4—6} Густой и едкий дым подобен плотному покрову с колючим юром.

¹⁹ Там «*Agnus Dei*» пелось во вступленьи. — Души поют молитву: «Агнец божий, берущий грехи мира, помилуй нас (повторяется дважды); агнец божий, берущий грехи мира, даруй нам мир».

²⁴ Распутывают гнев — освобождаются от гнева, которым они были опутаны.

²⁵ Пройду, насколько я имти волен. — Души гневных не в праве выходить за пределы дыма.

²⁶ Чему давно примера не найду. — Ср. «Ад», II, 31—33.

²⁷ Я был ломбардец, Марко звался я. — Ломбардец Марко жил в XIII в. и был «придворным», т. е. человеком, служившим при дворе то одного, то другого феодала. Сохранилось много рассказов о его уме, великодушии и щедрости. Но он «был склонен ко гневу, особенно к тому негодованию, которое свойственно благородной душе».

²⁸ —³⁷ Но у меня сомнение родилось: в чем причина всеобщей испорченности — во влиянии небесных светил или в злой воле людей? Сомнение это, возникшее после слов Гвидо дель Дука: «Места ли эти под нальем зла, или дурной обычай правду рушит» (XIV, 38—39), усугубилось (стало еще настоятельнее требовать разрешения) после слов Марко (ст. 48), подтвердивших то самое (всеобщее падение нравов), с чем это сомнение соединилось, т. е. чем оно было вызвано, и «здесь» (в беседе с Марко), и «там» (в беседе с Гвидо).

³⁸ Одно лишь небо — т. е. одно лишь воздействие звезд.

³⁹ —⁴⁴ Влеченья от небес берут начало, — не все. — Некоторые из наших наклонностей зависят от «небес», т. е. от той звезды, под которой мы родились.

⁴⁵ Вам дан же свет — свет разума и откровения.

⁴⁶ Осилит с небом первый бой опасный — т. е. выдержит борьбу с влиянием звезд, особенно трудную вначале.

⁴⁷ С доброй пищей — т. е. если воля будет поддерживать свои силы добром духовной пищей.

⁴⁸ —⁵⁰ Лучшей власти... и высшей силе — богу.

⁵¹ А небеса к нему и непричастны — звезды не могут воздействовать на ваш разум.

⁵² —⁵³ Из рук того... — Родясь из рук божества, в котором она извечно предсуществовала, душа, как беспечное дитя, стремится ко всему, что ее прельщает. Чтобы отвратить ее от приманчивых, но «ничтожных» и вредных земных благ, ей нужен строгий руководитель.

⁵⁴ Башня в вечном граде (небесном) — справедливость.

⁵⁵ Законы есть, но кто же им защита? Никто — ибо императорский престол пустует (ср. VI, 88—90).

⁵⁶ —⁵⁹ Ваш пастырь жвачку хоть жсует, но не раздвоены его копыта. — По Моисееву закону, чистыми животными считались те, у которых раздвоены копыта и которые притом жуют жвачку. Христианские богословы пользовались этим образом символически: жевание жвачки — размышление над Священным писанием и правильное его понимание; раздвоенность копыт — различение некоторых глубоких понятий, в том числе добра и зла. Данте хочет сказать: римский папа и чист, и нечист; он авторитетен в вопросах религии, но не различает духовного от светского, посягает на императорские права, прельщается земными благами.

⁶⁰ Ест, что и он, и лучшего не ждет — набрасывается на земные блага, забывая о благах духовных.

⁶¹ Два солнца — «верховный первосвященник (папа), который, согласно с откровением, ведет человеческий род к вечной жизни; и

император, который, согласно с философскими учениями, направляет род человеческий к временному счастью» (Данте, «Монархия», III, 16).

¹⁰⁹ Одно другое погасло — папская власть упразднила императорскую.

¹¹⁰ Меч слился с посохом — светская власть слилась с духовной, папа присвоил себе права монарха.

¹¹³ Взгляни на колос — т. е. на плоды, на последствия этого смешения властей.

¹¹⁵ В стране, где По и Адиче (Аидике) струятся — в Ломбардии, отечестве говорящего.

¹¹⁷ В дни Федерика стал уклад ломаться. — Борьба императора Фридриха II с папами повела к партийным распрям и порче добрых старых нравов.

¹²³ Томятся эжаждой по иной отчизне — устали жить на грешной земле и жаждут перехода в лучший мир.

¹²⁴ Герардо да Камино, представитель знатного тревизанского рода, генеральный капитан Тревизо (ум. в 1306 г.).

^{124—125} Гвидо да Кастиль, из рода Роберти. У себя в Редко он радушно принимал путешественников, из которых многие ехали во Францию или же оттуда, и щедро одарял поиздевавшихся. Во Франции его хорошо знали и прозвали «простым ломбардцем».

¹²⁶ Куррадо да Палаццо из Брешьи.

¹²⁹ Грузу — т. е. обеим властям, которыми церковь себя нагружила, как духовной, так и светской.

^{131—132} Левиты не получили ничего в удел. — Все колена израилевы получили земельные уделы, кроме левитов (жреческого сословия), для которых были выделены «города для жительства и поля при городах».

¹³⁷ В Тоскане обитая. — Марко по речи узнал в Данте обитателя Тосканы, где Герардо был широко известен.

¹³⁹ Гайя. — Некоторые старинные комментаторы утверждают, что Гайя, дочь Герардо да Камино, прославилась своими любовными похождениями, другие — что она была известна своей красотой и добродетелью.

¹⁴² Заря — свет, исходящий от ангела.

ПЕСНЬ СЕМНАДЦАТАЯ

Круг третьий (окончание). — Круг четвертый:
унывые

¹² К ужес умершим под горой лучам. — Лучи солнца еще озаряли тот уступ, по которому шел Данте, но подножие горы было уже в тени.

^{13—18} В чем источник воображения, раз оно не зависит от чувственных восприятий? На этот вопрос Данте отвечает: воображение есть некое озарение, нисходящее с небес, или в силу воздействия звезд, или по воле божества.

^{19—20} Поэта снова посещают видения (ср. XV, 85—117), но теперь это примеры наказанного гнева.

^{19—20} Жестокость той... — Прокна, чтобы отомстить своему мужу,

фракийскому царю Терею, который изнасиловал ее сестру Филомелу и вырезал у нее язык, убила своего сына Итиса и его мясом накормила отца (Овидий, «Метаморфозы», VI, 424—674). Прокна (по тому варианту мифа, которому следует Данте) была превращена в соловья, а Филомела — в ласточку. (Ср. IX, 13—15).

26—30 *Распятый, гордый обликом злодей.* — Аман, приближенный персидского царя Артаксеркса, злобствуя на Мардохея, замыслил его повесить и истребить всех иудеев. Но царица Эсфири, иудеянка, предотвратила его замысел, и царь велел повесить Амана на дереве, которое тот готовил для Мардохея (Книга Эсфири, I—VII).

34—39 *В слезах предстала дева...—Лавина, или Лавиния* («Ад», IV, 125; «Рай», VI, 3.), дочь царя Лациума, Латина, и Аматы. Отец просватал ее за троянского вождя Энея, а мать хотела выдать за Турана, царя рутулов. Смотря на битву троянцев с рутулами и думая, что Туран убит, Амата «в мрачной яности» повесилась (Виргилий, «Энеида», VII, 249—474; XII, 593—613).

37—38 *Ты умерла, чтоб не терять Лавины* — т. е. чтобы не видеть ее женою Энея, — и потеряла навеки, убив себя.

38—39 *Я подъемлю гнет...* — я оплакиваю тебя, а не кого-либо другого. (Туран не был убит, как думала Амата. Он пал позднее в единоборстве с Энеем, и Лавина стала женою троянского вождя).

44 *В лицо мое ударившим лучом.* — Яркий свет и слова: «Здесь восходы сенье» (ст. 47) исходят от ангела, охраняющего лестницу, ведущую в четвертый круг.

67 *Как бы взмах обвева.* — Это ангел крыльями смахнул со лба поэта третье «Р».

68—69 *«Beati pacifici»* — «Блаженны миротворцы».

73—75 *О мои́ щ моя...* — Данте убеждается на деле, что с наступлением ночи восхождение невозможно (см. VII, 44—60).

76 *Вы́йдя в новый круг* — четвертый, где искупается грех уныния.

85—87 *Грех уныния* состоит в недостаточно деятельной любви к добру. В четвертом круге Чистилища он искупается душевным рвением: здесь любовь к добру обретает новую силу.

88—139 Виргилий излагает, близко следя Фоме Аквинскому, учение о любви, как об источнике всякого добра и зла:

(91—93) Бог есть любовь. Подобно ему, все сотворенное полно любви. Любовь эта двоякая: природная и духовная.

(94) Природная любовь — это естественное стремление тварей (будь то первичное вещество, растение, животное или человек) к тому, что для них благотворно («Пир», III, 3). Она никогда не ошибается в выборе цели.

(95—96) Духовная (сознательная, свободно выбирающая, свойственная только человеку) любовь может ошибаться трояким образом:

1) если ее цель дурна, если ее предметом является зло;

2) если она направлена на истинное благо, но не в меру скучна;

3) если она направлена не на истинное благо и притом чрезмерна.

(100—102) В этих трех случаях любовь становится грешной.

(97—99) Безгрешна она, если «к высокому стремится» (т. е. к богу и к добродетели) или если «в низком (т. е. в стремлении к земным благам) за предел не перешла».

(103—105) Таким образом, любовь — начало всякого добра и зла.

(106—108) Всё сущее любит само себя.

(109—111) А так как сущее неотделимо от «Первой сущности» (т. е. от бога), то оно не может не любить бога.

(112—113) Раз нельзя желать зла ни себе, ни богу, то отсюда следует, что желать зла можно только своему ближнему. Такое зложелательство определяется, как «любовь к чужому злу», к чужому несчастию. Это и есть тот случай, когда любовь «ошибается целью» (ст. 95).

(114) «В вашем иле», т. е. на земле, любовь к чужому злу может быть троякой:

(115—117) 1) Одни стремятся «попрать соседа», чтобы возвыситься самим. Это — гордость.

(118—120) 2) Другие боятся понести ущерб, «если ближний вознесется», и жаждут его падения. Это — зависть.

(121—123) 3) Третьи, испытав обиду, пылают жаждой мщения. Это — гнев.

(124—125) Все три вида этой любви, направленной ко злу, «оплаканы», т. е. искупаются ценой страданий, «там внизу», т. е. в первых трех кругах Чистилища.

(125—126) Бывает любовь, которая стремится ко благу, но «не-путем», не так, как должно, а именно:

(127—132) 1) Можно любить истинное, вечное благо, но любить его вяло, скучно (ст. 96). Это — уныние. И те, кто грешил унынием, казнятся в четвертом круге.

(133—139) 2) Можно любить обманчивые, земные блага и притом чрезмерно (ст. 96). Такого рода любовь бывает троякой, и она искупается «в трех верхних кругах». Виргилий предоставляет Данте самому догадаться, что она выражается в корыстолюбии, чревоугодии и сладострастии.

Таким образом выясняется градация кругов Чистилища:

I, II, III — любовь к чужому злу (гордость, зависть, гнев).

IV — недостаточная любовь к истинному благу (уныние).

V, VI, VII — чрезмерная любовь к ложным благам (корыстолюбие, чревоугодие, сладострастие).

ПЕСНЬ ВОСЕМНАДЦАТАЯ

К р у г ч е т в е р т ы й (продолжение)

14—15 Чтоб есть любовь... — См. XVII, 103—105.

18 Слепцов, которые ведут других — т. е. эпикурейцев, утверждающих, что «любовь оправдана всегда» (ст. 34—36).

19—23 Внешние восприятия, «наружные образы», западают нам в душу, и она их созерцает в себе. Те, которые ей нравятся, вызывают в ней любовь. Это присущее всему сотворенному природное стремление к любви (XVII, 91—94), подкрепляемое наслаждением от созерцания любимого образа, порождает в душе желание, т. е. явление уже духовного порядка, «духовный взлет», находящий себе утешение в обладании любимым предметом.

^{28—30} Стремление души к любимому предмету подобно стремлению пламени от земли «к среде, где он прочнее сохранен», т. е. к сфере огня, расположенной между сферой воздуха и небом Луны (IX, 30).

^{34—39} Если даже допустить, что по природе своей любовь всегда чиста и потому оправдана, то она перестает быть чистой, если направлена к нечистой цели. Чистый воск может быть обезображен негодным отпечатком.

⁴⁸ Жди Беатриче. — Ср. VI, 44—48; XV, 76—78.

⁴⁹ Творящее начало, «forma substantialis» схоластиков, есть то, что, соединяясь с веществом, придает ему тот или иной вид бытия. Для человека творящим началом является душа, пребывающая «врозь с веществом в пределах вещества». Таящаяся в ней «особая сила» (ст. 51) есть та самая «природная любовь», о которой уже шла речь (XVII, 91—94; XVIII, 19—27). Происхождение этой «особой силы», этих «первых влечений» (ст. 57) ко всему, что кажется хорошим, нам так же неизвестно, как и то, откуда в нас «зачатки постиженья» (ст. 55), т. е. мыслительной способности. Врожденное влечение ко благу («первая воля», ст. 60), будучи непроизвольным, само по себе не заслуживает ни похвалы, ни осуждения.

^{61—69} Вслед за первоначальной, смутной волей ко благу — теснится множество других, уже определенных желаний, и человеку дана способность делать между ними выбор. Способность эта — свободная воля (ст. 74), на которой и зиждется учение о нравственности.

^{70—71} Пусть даже вам извне дана любовь. — См. ст. 22—24 и 43.

^{73—74} Вот то, что Беатриче называет свободной волей. — См. «Рай», V, 19—24.

⁷⁹ Шла против неба. — Суточное перемещение Луны по небесной сфере происходит с запада на восток.

^{79—81} Там, где солнце мчится... — Луна восходила в знаке Скорпиона и шла тем же путем, который проходит Солнце, когда оно, вступив в это созвездие, кажется для обитателей Рима заходящим между Сардинией и Корсикой.

⁸² И тень, чьей славой Пьетола славней... — Виргилий, уроженец селения Пьетола (в древности — Андес), близ Мантуи.

⁸⁴ Сложила бремя тяготы моей — может означать: «Освободилась от бремени моих вопросов, дав на них ответ», или же: «Освободила меня от бремени моих сомнений».

⁸⁹ Показались тени... — души тех, кто был повинен в грехе уныния и не стремился ко благу. Здесь они неутомимо обегают гору, торопя друг друга.

⁹¹ Асон и Исмений (Исмен) — реки в Беотии, на берегах которых жители Фив буйными радениями чествовали Вакха, местного бога.

⁹⁹ Кричали двое. — В этом круге Чистилища кающиеся грешники сами возглашают назидательные примеры благого рвения (ст. 100—102) и наказанного уныния (ст. 133—138).

¹⁰⁰ Мария в горы устремила шаг — чтобы приветствовать Елизавету.

^{101—102} Цезарь, вытеснив Помпея из Италии, быстро двинул в Галлию, оставил Требония и Децима Брута осаждать Марсиллью (Массилию, Марсель) с суши и с моря, вступил в Испанию и около

Илерды (Лерида) принудил к сдаче легионы Афранция и Петрея, легатов Помпей (49 г. до н. э.).

¹¹⁸ *Сан-Дзено* — монастырь святого Зенона в Вероне. Имя говорящего здесь аббата остается невыясненным.

^{119—120} Император Фридрих *Барбаросса* в 1162 г. разрушил и сжег сопротивлявшийся ему *Милан*; вот почему в этом городе о нем «скорбно говорят».

^{121—126} Одну стопу уже во гроб поставил Альберто делла Скала, властитель Вероны, умерший осенью 1301 г. В загробной жизни ему придется горько жалеть, что он незаконно назначил аббатом монастыря Сан-Дзено своего побочного сына Джузеппе, безнравственного и хромоногого (Джузеппе аббатствовал с 1292 по 1313 г.).

^{121—122} Зубами вцепясь в унынье — т. е. порицая этот грех и напоминая о том, как он бывал наказан.

^{123—125} Евреи, вышедшие из Египта по дну Черного моря, побоялись вступить в обетованную землю. За это все совершенолетние осуждены были умереть в пустыне, и только дети их, сорок лет спустя, наконец увидели *Иордан*.

^{126—128} Малодушные спутники Энея, оставшиеся в Сицилии (Виргилий, «Энеида», V, 700—778).

ПЕСНЬ ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Круг четвертый (окончание). — *Круг пятый:*
скупцы и рассточители

^{1—3} В предрассветный час, нагревшийся за день воздух уже не может бороться с холодными лучами луны, потому что «зной дня» успел ослабеть под влиянием холода, исходящего от земли или от «холодной звезды Сатурна», как ее называл Виргилий («Георгики», I, 336).

^{4—6} *Геоманты* (землегадатели) предсказывали будущее по разного рода фигурам, получавшимся на основе точек, нанесенных в случайному порядке на земле или на бумаге. Одна из этих фигур, называемая «*Fortuna major*» (Большое счастье), походила на ту, которую образуют крайние звезды Водолея вместе с ближайшими к ним звездами Рыб. Данте хочет сказать, что был тот час ночи, когда над восточным горизонтом уже взошло созвездие Водолея и частично показалось созвездие Рыб. Следовательно до восхода солнца, находившегося в знаке Овна, оставалось около трех часов. В эту пору сны бывают веющими («Ад», XXVI, 7; «Чист.», IX, 13—18).

^{7—8} Женщина, приснившаяся Данте, олицетворяет те три греха, которые искупаются в трех верхних кругах: корыстолюбие, чревоугодие и сладострастие (ср. ст. 58—59).

¹² Так и мой взгляд... — Только наши глаза придают очарование позменным благам, которые сами по себе мерзки.

^{22—23} Улисс (Одиссей) был совращен с пути не сиренами, против пения которых он устоял, а волшебницей Цирцеей («Ад», XXVI, 91). Данте или впадает здесь в ошибку, — а это возможно, потому что он не читал Гомера,—или же придает слову «сирена» более общий смысл.

Впрочем, некоторые старинные комментаторы видят в этом упоминании о победе над мудрым Улиссом коварную ложь обольстительницы.

²⁸ *Святая и усердная жена.* — Старейшие комментаторы обычно видят в ней символ разума, разоблачающего лживость низменных благ.

²⁹ «*Придите, здесь ступени*». — Это говорит ангел четвертого круга, стирающий взмахом крыльев четвертое «Р» со лба у Данте.

^{30—31} «*Qui lugent*» — плачущие. Ангел поет «заповедь блаженства»: «Блаженны плачущие, ибо они утешатся» — подобно душам четвертого круга, которые в слезах обегают гору (XVIII, 97—99).

^{32—33} Виргилий объясняет значение сна: Данте видел «ведьму древних дней», вековечную обольстительницу, обманчивую прелесть земных благ, из-за которой скорбят в трех верхних кругах Чистилища все те, кого она ввела во грех корыстолюбия, чревоугодия и сладострастия; и он видел, «как разделяться с ней»: достаточно взглянуть на то, какова она в действительности.

³⁴ *Взор обрати к вавилу...* — Как сокольничий, чтобы приманить сокола, кружит в воздухе вавило (см. прим. XIV, 145—147), так и бог, «предвечный царь», зовет нас к созерцанию небесных сфер, вращая их «огромными кругами».

³⁵ *Народ...* — скопцы; и вместе с ними расточители (см. XXII, 49—54).

³⁶ «*Adhaesit pavimento anima mea!*» — «Прилипла к праху душа моя». Далее следует: «Оживи меня по слову твоему» (Псалом CXVIII, 25).

³⁷ *И в правде, и в надежде.* — Страдания душ Чистилища облегчаются не только надеждой на избавление, но и сознанием того, что наказание справедливо, а потому желанно и отрадно (ср. XXIII, 71—72).

³⁸ *Когда вы здесь...* — Говорящий — кардинал Оттобуоно Фьески, граф Лаванья, избранный в 1276 г. на папский престол и принявший имя Адриана V. Он умер через 38 дней после своего избрания.

³⁹ *То, без чего возврата к богу нет* — душевное очищение.

^{40—41} «*Scias quod fui successor Petri*» — «Знай, что я был преемником Петра», т. е. римским папой.

^{42—43} *Меж Кьявери (Кьявари) и Съестри (Сестри), двумя городками на берегу Генуэзского залива, впадает в море «большой поток» Лаванья, возле устья которого расположен город того же имени; до конца XII в. он принадлежал роду Фьески, которые и впоследствии носили титул графов Лаванья.*

⁴⁴ *И этой* — т. е. вечной жизни.

⁴⁵ *Не влекла к делам* — т. е. к добрым делам.

⁴⁶ «*Neque nubent*» — «ни женятся». На вопрос саддукеев: «В воскресении, которого из семи будет она женою? Ибо все имели ее?» — Христос ответил: «В воскресении ни женятся, ни выходят замуж; но пребывают, как ангелы божии на небесах» (Евангелие Матфея, XXII, 28; 30). В загробном мире собеседник Данте уже не римский папа, не «супруг церкви» (ср. «Ад», IX, 55—57; «Чист.», XIV, 22), а, вместе со всеми, «сослужитель одного Владыки» (ст. 135).

⁴⁷ *В которых то, что говорил ты, зреет.* — См. ст. 91—92 и прим.

^{142—145} На третий из заданных ему вопросов: «Чем могу хоть мало тебе помочь?» (ст. 95—96), Адриан отвечает невыраженной прямо просьюбой напомнить о нем его племяннице Аладже, потому что среди его родных «нет никого другого», кто мог бы помолиться за него.

Аладжа деи Фьески была замужем за маркизом Мороелло Маласпина ди Джовагалло (упоминаем под именем Марса в «Аде», XXIV, 145). У некоторых членов семьи Маласпина Данте нашел приют в 1306 г. (см. прим. VIII, 115—119; 133—139) и, по словам старых комментаторов, знал и высоко чтил Аладжу.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТАЯ

Круг пятый (продолжение).

¹ Пред лучшей волей — т. е. перед волей Адриана V, желавшего отдаваться слезам покаяния (XIX, 139—141), должна была уступить воля Данте, которому хотелось продолжить беседу с ним.

³ Я погруженной не насытил губки — прекратил беседу, не успев спросить обо многом.

⁵ Свободными местами... — «Под кручей» легче было пробираться среди лежащих; ближе к обрыву они теснились плотными рядами.

⁸ Зло, заполнившее свет — корыстолюбие (ср. «Ад», VI, 74—75; «Рай», XXVII, 121—148).

^{10—12} Волчица древних лет — корыстолюбие («Ад», I, 49—51; 94—99).

^{13—14} О небеса, чей ход иными понял... — О влиянии небесных светил на земные судьбы — см. XVI, 67—81.

¹⁵ Идет ли тот, кто эту тварь изгонит? — Ср. предсказание Виргилия о Псе, победителе Волчицы («Ад», I, 100—111).

^{19—33} Данте слышит, как один из корыстолюбцев возглашает примеры нищеты и щедрости. Бедна была Мария, родившая Иисуса в хлеву. Кай Фабриций Лусцин, римский полководец, дважды консул и цензор (III в. до н. э.), прославился высоким бескорыстием и умер в бедности. Святой Николай спас от грозившего им бесчестия трех молодых сестер, тайно снабдив их приданым, которое помогло им выйти замуж.

⁴³ Я корнем был зловредного растения — т. е. родоначальником французской королевской династии, пагубной для всего христианского мира.

^{46—48} Гвант (Гент), Лил(ль), Брудж (Брюгге) и Дуак (Дуэ, лат. Duacum) — главные города Фландрии. Говорящий молит бога о том, чтобы Фландрия отомстила его потомку, Филиппу IV Красивому (см. прим. VII, 103—111), за понесенные обиды, что и случилось в 1302 г., когда фламандское народное ополчение разгромило французов при Куртре.

⁴⁹ Я был Гугон, Капетом нареченный. — Данте сливает воедино два исторических лица: Гуго Великого, графа Парижского, «герцога Франции», умершего в 956 г., и его сына — Гуго Капета, который после смерти в 987 г. последнего короля каролингской династии, Людовика V, был избран на престол и умер в 996 г.

Собеседник Данте — отец основателя династии Капетингов.

Значит, это Гуго Великий. Но он не назывался Капетом и умер задолго до того, как «старинных королей не стало» (вопреки ст. 53).

Первым королем новой династии был сам Гуго Капет, а не его сын (вопреки ст. 59). Правда, для упрочения престолонаследия, Гуго Капет уже в 988 г. короновал своего сына Роберта; но это едва ли имеет отношение к рассказу Дантона Капета.

⁵² *Родитель мой в Париже был мясник.* — Легенда о том, что Гуго Капет был сыном богатого мясника или скотопромышленника, пользовалась распространением во времена Данте.

⁵³ *Когда старинных королей не стало* — т. е. когда пресеклась династия Каролингов.

^{54—55} *Последний же из племени владык облекся в серое.* — Едва ли эти слова могут быть отнесены к дяде Людовика V, герцогу Нижнелотарингскому Карлу, который, после избрания Гуго Капета, заявил свои права на престол, но был взят в плен и умер в тюрьме (991). Возможно, что Данте смешал последнего Каролинга с последним Меровингом, Хильдериком III, который в 751 г. был низложен Пипином Коротким и постижен в монахи.

⁵⁶ *Провансское пышное вено* (приданое). — В 1246 г. Карл Анжуйский (см. прим. к III, 112—113 и к VII, 112—114), брат короля Людовика IX, получил в обладание богатый Прованс, женившись на Беатрисе, дочери и наследнице Раймунда-Беренгара IV, графа Прованского.

^{54—56} *Начал хитрости плести и грабить* — расширяя всеми способами свои владения при Филиппе III (1270—1285) и Филиппе IV (1285—1314).

⁵⁷ *Во искупленье.* — Трижды (см. ст. 67 и 69), «во искупление» злодейства, совершается новое.

⁵⁸ *Нормандию, Гасконью и Понти.* — Гасконьей и графством Понтье (Ponthieu) Филипп IV завладел, нарушая договор с Эдуардом I Английским, в 1295 г. Нормандия же была отвоевана у Англии еще в 1204 г.

⁵⁹ *Карл сел в Италии.* — Карл I Анжуйский (см. прим. к III, 112—113 и к VII, 112—114), овладевший Неаполем и Сицилией в 1266 г.

⁶⁰ *Зарезал Куррадина.* — Конрадин (род. в 1252 г.), последний Гогенштауфен, сын Конрада IV, императора и короля Неаполя и Сицилии, умершего в 1254 г. Когда погиб его дядя Манфред (см. прим. III, 112—113) и Южной Италией овладел Карл I Анжуйский, гибеллины пригласили молодого Конрадина заявить свои права на отцовский престол. Конрадин, воспитывавшийся в Германии, вступил в Италию, но при Тальякоццо («Ад», XXVIII, 18) был побежден Карлом, взят в плен и обезглавлен в Неаполе в 1268 г., шестнадцати лет отроду.

^{61—62} *Фому вернул на небеса.* — Фома Аквинский («Рай», X, 99), из рода графов Аквино, знаменитый схоластический философ и богослов, учению которого Данте близко следует в «Божественной Комедии». Он умер в 1274 г., и было распространено убеждение, что его велел отравить Карл Анжуйский.

^{70—72} *Новый Карл — Карл Валуа,* прозванный «безземельным» (ср. ст. 76), брат Филиппа IV, по предложению папы Бонифация

VIII вступил 1 ноября 1301 г. во Флоренцию под предлогом ее умиротворения, но здесь вероломно стал на сторону Черных, что привело к разорению и изгнанию Белых, в том числе и самого Данте. Затем он предпринял неудачный поход на Сицилию, которую ему сулил папа, после чего вернулся во Францию (1302). Ум. в 1325 г.

⁷⁴ Копье Иуды — предательство.

^{79—80} Пленник, в море взятый, дочь продает. — Карл II Анжуйский (VII, 126—127; «Рай», XIX, 127—129), сын Карла I и Беатрисы Примонской, еще при жизни отца был взят в плен в морском сражении с флотом Педро Арагонского (1284) и освобожден пять лет спустя. В 1289 г. короновался как неаполитанский король. В 1305 г. выдал свою дочь Беатриче за много старшего Аццо VIII Эсте, маркиза Феррарского (см. прим. V, 64—84), получив за нее щедрый денежный дар. Ум. в 1309 г.

⁸³ Кровь мою — т. е. мое потомство.

^{86—90} Христос в своем наместнике пленен. — Когда конфликт между папой Бонифацием VIII и Филиппом IV, отражавший борьбу церковной и светской власти, достиг наибольшего напряжения, посланец короля Гильом Ногаре и враждебный папе Шарр Колонна вступили (7 сентября 1303 г.) с королевским знаменем («лилии») в Аланию (ныне Ананьи), где находился Бонифаций, подвергли его жестоким оскорблением, требуя от него сложения сана, и взяли под стражу. Три дня спустя насильники были изгнаны из города, Бонифаций возвратился в Рим и от пережитого потрясения вскоре умер (12 октября 1303 г.). Данте, хоть он и был непримиримым врагом Бонифация VIII («Ад», XIX, 52—57; XXVII, 70—111; «Рай», XXVII, 22—27), возмущен надругательством над «наместником Христа».

⁸⁹ Желчь и уксус, поднесенные распятому Христу, — оскорблений, которым подвергся папа.

⁹⁰ Средь живых разбойников. — Христос был распят среди двух разбойников и умер вместе с ними, а Ногаре и Колонна пережили Бонифация.

⁹² Новейшего Пилата — Филиппа IV.

⁹³ Он в храм вторгает хищные ветрила. — Филипп IV разгромил орден рыцарей-храмовников (тамплиеров), чтобы завладеть его богатствами. Суд над ними сопровождался пытками и казнями на костре и плаже (1307—1314). Во владения рыцарей «храма» он вторгся, как пират, подняв «хищные ветрила».

^{97—102} А возглас мой... — «Покамест длится день», мы вспоминаем Марию (см. ст. 19) и других бедных и щедрых. «Поздней заката мы об обратной говорим судьбе», т. е. возглашаем примеры наказанного корыстолюбия.

^{104—105} Пигмалион — тирский царь, брат Диодоны, предательски убивший ее мужа Сихея, чтобы овладеть его сокровищами (Виргиний, «Энеида», I, 340—368).

^{106—108} Мидас — фригийский царь, испросивший себе у Вакха превращать в золото все, к чему он ни прикоснется. Так как в золото обращались также и пища, и питье царя, Вакх сжался над ним и велел ему омыться в струях Пактола. Река после этого стала золотоносной, а Мидас впал в скроумие, и, когда, во время музыкального состязания Пана с Аполлоном, он отдал предпочтение Пану,

Аполлон наделил его ослиными ушами (Овидий, «Метаморфозы», XI, 85—193).

^{109—111} Ахан — один из воинов Иисуса Навина, похитил часть добычи, взятой в Иерихоне, за что и был побит камнями и сожжен вместе с сыновьями и дочерьми (Книга Иисуса, сына Навина, VI, 17—19; VII).

¹¹² Когда первые христиане продавали свое имущество и цену проданного «полагали к ногам апостолов», чтобы «каждому давалось, в чем кто имел нужду», Анания и жена его Сапфира, «продав имение, утаили из цены», за что и были поражены смертью (Деяния апостолов, IV, 32—37; V, 1—11).

¹¹³ Когда Гелодор, посланец сирийского царя Селевка, вошел в сокровищницу иерусалимского храма, чтобы взять в царскую казну хранившиеся там богатства, таинственный всадник потоптал его коленем, а двое чудесных юношей избили его бичами (2-я книга Маккавеев, III).

¹¹⁶ Убийца Полидора — фракийский царь Полимнестор, которому греческий царь Приам доверил своего сына Полидора. Когда Троя пала, он убил царевича, чтобы овладеть сокровищами, которые тот привез с собой. Гекуба, мать Полидора («Ад», XXX, 16—21), мстя за сына, вырвала убийце глаза (Виргилий, «Энеида», III, 49—56; Овидий, «Метаморфозы», XIII, 429—438; 527—575).

^{118—117} Красс — Марк Лициний Красс (114—53 г. до н. э.), римский полководец, участник первого триумвирата, скопивший огромные богатства. Он пал в войне против парфян. Когда его голову привезли царю Ороду, тот велел налить ей в рот расплавленного золота и сказал: «Ты жаждал золота, так пей же».

^{130—132} Остров Делос носился по волнам, пока не дал приюта Латоне, родившей на нем Аполлона и Диану (очи неба — Солнце и Луну).

¹³⁶ «*Gloria in excelsis*» — «Слава в высших (богу)», песнь ангелов, которую слышали пастухи (ст. 140) в ночь рождения Христа.

¹⁴⁵ Неведение. — Данте не понимает, что означают это землетрясение и эта песнь, огласившая все уступы горы.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Круг пятый (окончание)

^{1—3} Данте, не понимая смысла произошедшего (землетрясение и хвалебная песнь), терзается «природной жаждой» познания истины, но полное утоление этой жажды дает лишь та *вода*, о которой Христос говорил самаритянке, т. е. «живая вода» божественной правды.

¹⁰ Так здесь явился дух — тень Публия Папиния Стация, римского поэта I в. н. э. (род. ок. 45 г., ум. ок. 96 г.), автора «Фиваиды» (поэмы о походе Семерых против Фив) и незаконченной «Ахиллеиды». Его сборник «Сильвы» был во времена Данте неизвестен.

^{16—18} Да примет с миром... — Приветствующей его тени Виргилий желает райского блаженства, от которого сам он отлучен навеки.

²³ Отмечен ангелом. — Виргилий указывает на три «Р», еще остающиеся на лбу у Данте.

²⁶ Та, что вечно тянет прядь — парка Лахезис (XXV, 79), прядущая нить человеческой жизни. Клото наматывает кудель на веретено, Лахезис сучит нить, Атропос («Ад», XXXIII, 126) ее перерезает.

²⁹ Не обладая нашей мощью взгляда — потому что глядит на мир телесными, несовершенными глазами.

³⁸ Пока могу руководить, как надо — т. е. пока для него достаточно руководства разума (ср. «Ад», I, 112—126; «Чист.», XVIII, 46—48).

^{40—45} Гора отрешена... — На горе Чистилища не бывает отступлений от вековечного порядка. Случившееся землетрясение — одно из обычных. Его причина — небесного в небесное возврат, т. е. возвращение на небо человеческой души, на небе же созданной и оттуда посланной в земную жизнь. Подробнее об этом — см. ст. 58—72.

⁴⁸ Трех ступеней у загражденных врат. — Врата Чистилища (IX, 76—78).

^{50—51} Дочь Фавманта и Электры — Ирида, вестница богов, преимущественно Юноны, олицетворение радуги («Рай», XII, 12; XXVIII, 32—33).

⁵² Сухие пары порождают ветер.

⁵⁷ Подземными ветрами вызываются землетрясения.

⁶² Переменить обитель — т. е. вознестись из Чистилища в Рай.

⁶⁸ Пятьсот и больше лет Стаций лежал простертый в пятом круге Чистилища (см. также XXII, 92—93).

^{78—77} Теперь я вижу сеть, вас взявшую, и как разъять тенета — т. е. я понимаю, какая сила, словно сеть, удерживает вас в Чистилище: это «позыв страдать» ради внутреннего очищения (ст. 64—66); и понимаю, что из этих «тенет» вы освобождаетесь, почувствовав себя очищенными (ст. 59—63; 69).

^{83—84} Добрый Тит отмстил... — Тит, сын императора Веспасиана, впоследствии ему наследовавший, разрушил Иерусалим в 70 г. н. э.

⁸⁵ Те страны — т. е. мир живых.

⁸⁶ Прочнейшим и славнейшим из имен — т. е. именем поэта.

⁸⁷ К спасению тогда еще незваный — т. е. будучи еще язычником.

⁸⁸ Толосатом — т. е. уроженцем Толосы (ныне Тулуза) в Галлии. На самом деле Стаций родился в Неаполе, но в средние века его смешивали с толосанским ритором Люцием Стацием Урсулом.

⁹² И Фивы, и Ахилл — см. прим. к ст. 10.

⁹⁸ Но под второю ношей я свалился. — Стаций умер, не дописав своей второй поэмы, «Ахиллеиды».

¹⁰¹ В изгнанье — т. е. в Чистилище.

¹⁰² Хоть солнце — т. е. хоть год.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Восхождение в круг шестой. — Круг шестой: чревоугодники

^{1—9} Виргилий, Стаций и Данте поднимаются по лестнице изнутри круга в шестой.

³ Еще рубец — пятое «Р».

⁴⁻⁶ Четвертая «заповедь блаженства» гласит: «Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся». Ангел пятого круга, когда пел ее, произнес только *«qui sitiunt»* («жаждущие»), опустив *«esurunt»* («алчущие»). Об «алчущих» будет петь ангел шестого круга (XXIV, 151—154). Жажда правды противопоставляется жажде богатств.

⁷ Тело снова легче стало. — Ср. IV, 88—90; XII, 115—126.

⁸ Вослед теням — Виргилию и Стацию.

¹³ Адский Лимб — см. «Ад», IV.

¹⁴ Ювенал — римский поэт-сатирик (род. ок. 47 г., ум. ок. 130 г. н. э.), современник Стация.

¹⁸ И короток мне путь... — мне бы хотелось дальше идти с тобою рядом.

²⁰ Что смелость послабляет удила — т. е. что я позволяю себе говорить с тобой без всякого стеснения.

²³ Скупость. — Виргилий слышал от Адриана V (XIX, 115—126), что в пятом круге, где был и Стаций (XXI, 67—68), души очищаются от греха корыстолюбия.

²⁴⁻²⁵ Я от скрупости далек был даже слишком. — Стаций говорит, что он был не скрупцом, а наоборот — расточителем, и дальше объясняет, что в пятом круге терпят мучения и те, и другие. (Ср. «Ад», VII, 25—66).

⁴⁰⁻⁴¹ Заветный голод к золоту... — Рассказывая об убийстве Полидора (см. прим. XX, 115), Эней восклицает (Виргилий, «Энеида», III, 56—57):

Quid non mortalia pectora cogis,
Auri sacra fames!

Дословно: «К чему не побуждаешь ты смертные груди (сердца), проклятый голод к золоту!»

Данте передает эти слова так:

Per che non reggi tu, o sacra fame
Dell' oro, l'appetito de' mortali?

Если это понимать, как верный перевод, то Стаций, повидимому, считает, что расточитель может стать на пагубный путь в поисках золота для своих трат.

Но вероятнее, что Данте превратно понял это место Виргилия, а именно так: «Почему не направляешь ты, священный (т. е. добродетельный, умеренный) голод к золоту, вожделение смертных?» В таком случае Стаций усматривает в словах Виргилия прямой упрек и скрупцам, и расточителям.

В русском переводе сделана попытка передать приводимую Стацием цитату таким образом, чтобы текст Данте допускал оба толкования. («Заветный» может означать и «запретный», и «священный», а «к чему не направляешь ты» — и «до чего ты не доводишь», и «почему ты не наставляешь на истинный путь»).

⁴² Я с дракой грузы двигал бы во тьму — наказание скупцов и расточителей в Аду («Ад», VII, 25—35).

⁴⁶ Как много стриженых воскреснет. — Скупцы являются на Страшный суд со сжатым кулаком, а расточители — без волос («Ад», VII, 56—57).

⁵¹ Свою с ним зелень вместе иссушает. — Оба противоположных греха искупаются в одном и том же круге Чистилища, теряя свою силу благодаря покаянию.

⁵³ Клянущей скупость — т. е. раскаивающейся в своей скупости.

^{55—56} Грозные сраженья двойной печали Иокасты пел — т. е. воспевал в своей «Фиваиде» братоубийственную вражду Этеокла и Полиника («Ад», XXVI, 54), сыновей Иокасты и Эдипа.

⁵⁷ Воставший мирные селенья — Виргилий, автор «Буколик».

⁵⁸ Клид — музя истории, к чьей помощи Стаций взывает в своей «Фиваиде».

Смысл ст. 55—60: Но ведь когда ты писал «Фиваиду», ты еще не был христианином.

⁶¹ Светило — небесное откровение.

⁶² Светоч — человеческое наставление.

⁶³ За рыбарем — за апостолом Петром, который, по евангельскому рассказу, был рыбаком и стал «ловцом человеков».

⁶⁵ К Парнассу — горе Аполлона и Муз, где текут Гиппокрена и Аганиппа, источники вдохновения.

^{70—72} «Век обновленья ждет...» — Стаций приводит знаменитые стихи из IV эклоги «Буколик» Виргилия, написанной, вероятно, по случаю рождения сына у Азиния Поллиона. В этой эклоге средние века видели пророчество о пришествии Христа. Существовали легенды о том, что она обратила в христианство многих язычников. К числу таких обращенных Данте относит и Стацию.

⁷⁵ Я свой набросок расцвечу немного — т. е. я расскажу подробнее.

⁷⁸ Посланниками неземной страны — апостолами.

⁸³ Домициан — римский император (с 81 по 96 г.).

^{88—89} И, не доведши греческих дружин... — т. е. прежде чем я закончил «Фиваиду».

⁹¹ За этот грех — за робость в исповедании веры, т. е. за грех уныния (см. XVIII, 91—105; 133—138).

⁹² Четыре с лишним века Стаций провел в четвертом круге; «пятьсот и больше лет» — в пятом (XXI, 67—69). Значит, еще свыше двухсот лет он провел либо в Предчистилище, либо в одном из трех нижних кругов.

⁹⁴ Всё доброе... — истину христианства.

^{97—98} Теренций и Цецилий — римские комедиографы II в. до н. э., Плавт — III—II в.

⁹⁸ Варрон — Марк Теренций Варрон, римский полиграф, или же Публий Теренций Варрон, поэт (оба — I в. до н. э.). Высказывалось также предположение, что вместо Varro следует читать Vario — Люций Варий Руф, поэт I в. до н. э., которого Гораций (*Ars poëtica*, 55) называет рядом с Цецилием, Плавтом и Виргилием.

¹⁰⁰ Персий — римский сатирик I в. н. э.

¹⁰¹ Грек — Гомер.

¹⁰² Камены — музы.

¹⁰⁸ То — первый круг тюрьмы неозаренной — адский Лимб («Ад», IV).

¹⁰⁹ О горе Парнассе, где обитают музы, кормилицы поэтов.

¹⁰⁸ Антифонт, Еврипид, Агафон — древнегреческие трагики; Симонид — лирик.

^{109—114} Там из тобой воспетых... — Виргилий называет героинь Стациевых поэм. Антигона — дочь Эдипа и Иокасты, сестра Этеокла и Полиника (см. прим. к ст. 55—56). Аргейя — жена Полиника. Деифила (или Деипила) — жена Тидея («Ад», XXXII, 130) и мать Диомеда («Ад», XXVI, 57). Исмена — сестра Антигоны. Дочь Тиресия («Ад», XX, 40) — Мантб. Так как Стаций не упоминает других дочерей Тиресия, то здесь Данте впадает в противоречие с самим собою, потому что в «Аде» (XX, 55) он помещает Манто не в Лимб, а в ров прорицателей. Фетида — нереида, мать Ахилла. Дейдамия («Ад», XXVI, 61—62) с сестрами своими — дочери царя Ликомеда, среди которых, одетый в женское платье, воспитывался Ахилл, пока Улисс и Диомед не увлекли его на войну против Трои (см. прим. IX, 34—39). От Ахилла Дейдамия родила Неоптолема (Пирра). Лангюю открывшая царям. Лемносская царица Гипсилила («Ад», XVIII, 92) была продана в рабство немейскому царю Ликургу, который поручил ей нянчить своего сына Офельта. Однажды, взяввшись проводить к источнику Лангии семерых царей, ополчившихся против Фив, и их измученное жаждой войско, она оставила Офельта в лесу без присмотра, и мальчик погиб, задавленный огромным змеем. Ликург хотел убить Гипсилилу, но за нее заступились греческие цари и воины. В этот миг Фоант и Эвней, сыновья Гипсилилы от Ясона, только что прибывшие с Лемноса, узнали свою мать и бросились ей в объятия (XXVI, 94—95).

^{116—117} И кругозор их был опять широк... — Путники поднялись в шестой круг, где искупается грех чревоугодия.

^{118—120} Четверо служанок дня — первые четыре часа (ср. XII, 80—81) — исполнили свой срок, и уже пятая (одиннадцатый час полуночи) стоит над дышлом солнечной колесницы, «жгучий рог» которого вздымается всё выше.

¹²⁵ Дух высокий — Стаций.

^{133—134} Как ель все юже кверху понемногу, так это — книзу... — Многие комментаторы ошибочно заключали из этих слов, будто бы это дерево висело в воздухе, корнями вверх и вершиной книзу. Так изобразил его и Боттичелли, равно как и второе дерево шестого круга (песнь XXIV).

¹³⁶ С той стороны, где замкнута стезя — т. е. с левой стороны, где над дорогой возвышается скала.

¹⁴¹ «Вам запретно это благо!» — Эти слова обращены к душам, искупающим в шестом круге грех чревоугодия.

^{142—144} Голос возглашает примеры воздержности.

¹⁴³ За вас просящим. — Мария ходатайствует перед богом за грешных.

¹⁴⁴ Чтоб вышел пир честным. — На браке в Кане Галилейской Мария заботилась о гостях, а не о себе (ср. XIII, 29).

^{146—147} Отрок Даниил, при дворе Навуходоносора, отказался от яств и вина с царского стола, питался овощами и водой, за что бог да-

ровал ему «знание и разумение всяких книг и мудрости», а также «всяких видений и снов» (Книга пророка Даниила, I).

¹⁴⁸ Начальный век — «золотой век» (ср. Овидий, «Метаморфозы», I, 89—112).

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Круг шестой (продолжение)

¹¹ «*Labia mea, Domine*». — Слова псалма (L, 17): «Уста мои, господи, (отверзи, и они возвестят хвалу твою)» — поют души чревоугодников, которые приближаются, настигая поэтов.

¹⁵ Земного долга узел разрешая — т. е. страданиями расплачиваясь за свой грех и освобождаясь от него.

^{25—27} Эрисхтон, сын фессалийского царя, срубил священный дуб Цереры, за что богиня наслала на него такой неутолимый голод, что, продав, ради пищи, всё, даже родную dochь, он начал есть собственное тело (Овидий, «Метаморфозы», VIII, 739—878).

²⁸ Вот же... — Данте сравнивает исхудалых грешников с голодными иудеями в дни осады Иерусалима римлянами (70 г. н. э.), когда еврейка Мариам съела своего грудного младенца (Иосиф Флавий, «Иудейская война», VI, 3).

^{32—33} Кто ищет «ото»... («ото» — условная транскрипция вместо homo). — Считалось, что в чертах человеческого лица можно прочесть «Homo Dei» («человек божий»), причем глаза изображают два «О», а брови и нос букву «М». На исхудальных лицах подобие этой буквы выступало особенно резко.

³⁴ Если он с причиной незнаком. — Почему «стени чахнут тоже», объяснено дальше (XXV, 20—27; 103—108).

⁴² Эта милость — т. е. радость встречи с Данте.

⁴⁴ Форезе Донати — флорентинец, брат Корсо (XXIV, 82—90) и Пиккарды Донати (XXIV, 10; 13—15; «Рай», III, 34—108), приятель Данте и родственник его жены Джеммы Донати. Умер в 1296 г.

⁵² Скажи мне правду о себе. — Форезе, как и другие, видит, что Данте живым пришел в Чистилище (см. ст. 112—114).

⁷² Отраду из отрад. — Души Чистилища радуются своим страданиям, которые приносят им очищение (ср. XXI, 65—66).

⁷³ Ведь та же воля... — воля к страданию, которая послала Христа на распятие и вызвала его предсмертный возглас: «Или!», т. е. «Боже мой, (для чего ты меня оставил?)».

^{79—81} И если раньше исчерпалась сила... — т. е. если ты покаялся только перед смертью, когда уже не мог грешить чревоугодием.

⁸⁴ Там, где выплачивают срок — т. е. в Предчистилище среди нерадивых (см. прим. IV, 104).

⁸⁷ Моею Неллой. — Джованнелла, жена Форезе.

⁹⁴ Сардинская Барбаджса — горная область в Сардинии, заселенная выходцами из Африки. По словам старых комментаторов, тамошние женщины ходили с обнаженной грудью, из-за жары и распущенности нравов.

⁹⁶ Пред той Барбаджей, где живет она — т. е. перед Флоренцией.

¹⁰⁷ Что быстрый бег небес припас их краю — т. е. какие бедствия ожидают Флоренцию в скором времени.

¹¹⁴ Глядят туда, где свет тобой разъят — т. е. дивятся тени, которую ты отбрасываешь.

¹¹⁸ Как ты со мной и я с тобой жидал — т. е. какую грешную жизнь мы с тобой вели.

¹²¹ Сестра того — сестра Солнца, т. е. Луна (ср. «Ад», XX, 127).

¹²¹ Средь истых мертвых — среди грешников Ада, умерших и гелесной, и духовной смертью («Ад», I, 117).

^{121—122} Та тень святая... — Стаций, ради которого, в миг его очищения, сбрраслась гора Чистилища (XX, 127—141; XXI, 67—72).

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Круг шестой (окончание)

^{8—9} Она — тень Стация (XXIII, 131) — быть может, к вышине поднята медлительней (чем если бы шла одна) из-за другого, т. е. из-за Вергилия, беседою с которым она дорожит.

¹⁰ Пиккарда — сестра Форезе (см. прим. XXIII, 48).

¹⁵ На высотах Олимпа — т. е. в Раю («Рай», III, 34—108).

^{17—18} Ничье прозванье здесь не под запретом. — В Аду многие грешники стараются быть неузнанными («Ад», XXXII, 85—123). В Чистилище они не боятся быть названными по имени (ср. ст. 26—27). А в этом круге их только так и можно признать, до того их лица скажены голодом.

¹⁹ Бонаджунта Орбиччани, луккский поэт, представитель сицилианской школы (см. прим. к ст. 52—54), умерший незадолго до 1300 г. По словам одного старинного комментатора, он «легко находил рифмы, но еще легче — вина».

²¹ Расшитый темным цветом — т. е. покрытыйшелудями (ср. XXIII, 39).

^{22—24} Святую церковь звал женой своей «супруг церкви», папа Мартин IV (с 1281 по 1285 г.), родом француз, одно время казначей собора в Туре, умерший от чрезмерного пристрастия к «сваренным в вине угрем», которыми славилось Большое озеро.

²⁸ Пильский Убальдин — Убальдино дельи Убальдини, владелец замка Пила (Pilla), брат кардинала Оттавиано («Ад», X, 120), отец архиепископа Руджери («Ад», XXXIII, 14), дядя(?) Уголино д'Аццо (XIV, 105).

²⁹ Бонифаций Фьески, архиепископ равеннский с 1274 по 1295 г.¹

³¹ Мессер Маркезе дельи Аргольози, из Форлй.

³⁵ Избрал поэта Лукки — Бонаджунту Орбиччани (см. ст. 19).

^{37—48} Там, где сам он чуял знай ниспосланной ему язвящей муки, т. е. на его устах, истерзанных голодом и жаждой, Данте услышал нечто вроде имени «Джентукка». Это — имя женщины, о которой Бонаджунта в ст. 43—45 говорит, что сейчас она «еще без покрывала», т. е. не замужем, и что настанет время, когда, благодаря ей, Данте найдет отрадной Лукку, хоть этот город и пользуется дурной славой

(«Ад», XXI, 37—42). Действительно, Данте около 1315 г. жил в Лукке, и существует предположение, что «Джентуккой», отнесшейся к нему в этом городе радушно, могла быть Джентукка Морла, жена Бонакорсо ди Фондора, знатного луккезца.

⁵¹ «Вы, жены...» — так начинается первая канцона «Новой Жизни» Данте.

^{52—54} Когда любовью я дышу... — В этой терцине Данте формулирует психологическую основу как своей поэтики, так и вообще «нового пленительного лада», или «сладостного нового стиля», «dolce stil piuovo» (ст. 57), пришедшего на смену господствовавшим до него течениям: сицилианской школе, подражавшей провансальским образцам, и так называемой «ученой» школе.

⁵⁵ Гвиттон — Гвиттоне д'Ареццо, глава «ученой» школы, ум. в 1294 г. Нотарий — Якопо да Лентино, поэт сицилианской школы, по профессии нотариус, ум. ок. 1250 г.

⁵⁶ Ваши перья — представителей «dolce stil piuovo»: Данте, Гвидо Кавальканти («Ад», X, 60—63; 111; «Чист.», XI, 97), Лапо Джанни, Дино Фрескобальди и др.

⁵⁷ Птицы, зимующих вдоль Нила — т. е. журавлей.

⁵⁸ Берег — берег Чистилища, к которому Данте надеется пристать после смерти.

⁵⁹ Край, мне данный в обитанье — Флоренция.

^{62—69} Зачинщика всех бед — Корсо Донати, родного брата Форезе. Он был главою Черных, сторонником вмешательства Карла Валуа в дела Флоренции и руководил погромом Белых в 1302 г. В 1308 г., обвиненный в измене, он бежал, но был схвачен. На пути к Флоренции он нарочно упал с коня, и один из конвоиров убил его. Данте придает всей картине аллегорический смысл: зверь влечит злодея «к ущелью, где пощады нет» — к бездне Ада.

⁶⁸ Не много раз вращаться тем кругам — т. е. небесным сферам. Смысл: Не много лет пройдет.

¹¹⁸ На высотах — т. е. в Земном Раю, растет древо познания добра и зла, запретный плод которого *вкусила Ева*.

^{121—126} «Припомните...» — Напомнив об Еве, незримый голос приводит два других примера наказанного чревоугодия.—Сыны Нефелы, «двутельные» кентавры (полу-люди, полу-коны), упившись на свадьбе Пирифоя и Гипподамии, хотели похитить женщин, но Тезей и его товарищи, после кровопролитной схватки, одолели их (Овидий, «Метаморфозы», XII, 210—535). — Гедеон, судия израильский, отобрал из своего войска триста человек, тех, которые, придя к воде, пили из горсти, и с их помощью победил мадианитян. Тех же, кто пил «вольготно», став на колени, он отоспал, как негодных (Книга судей, VII).

¹³⁴ Нежданческий голос. — Это ангел шестого круга, который взмахом крыльев (ст. 145—150) сотрет с лица у Данте шестое «Р».

^{151—154} Евангельская «заповедь блаженства»: «Блаженны алчущие и жаждущие правды», уже примененная в пятом круге Чистилища (см. прим. XXII, 4—6), применяется здесь к очистившимся от греха чревоугодия.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

*Восхождение в круг седьмой. — Круг седьмой:
сладострастники*

²⁰⁻²¹ Солнце, находившееся в созвездии Овна, начало склоняться к западу, и небесный меридиан («полудённый круг») оно уступило созвездию Тельца. Следовательно в южном полушарии, где гора Чистилища, было два часа пополудни, а в северном — два часа полуночи, и меридиан, который «вершиной лежал поверх Ерусалима» (II, 3), был занят созвездием Скорпиона, диаметрально противоположным Тельцу.

²²⁻²³ Данте не понимает, как могут изнуряться голодом бестелесные души, которые он видел в шестом круге.

²⁴ Мелеагр — сын калидонского царя Ойнея и Алфеи. При его рождении парки положили в огонь полено, предсказав, что Мелеагр будет жить не дольше, чем оно. Алфея загасила его и спрятала. Когда на знаменитой «калидонской охоте» Мелеагр убил братьев своей матери, та, мстя за них, бросила головню в огонь, и Мелеагр умер (Овидий, «Метаморфозы», VIII, 260—545). Этим примером Виргилий хочет пояснить, что души могут чахнуть без видимой, казалось бы, причины.

²⁵ И минет горечь — твоего неведения.

²⁶⁻²⁷ Как всякому движенью движеньем вторят ваши зеркала — так и бестелесная оболочка душ отражает их внутреннее состояние.

²⁸ Ты жесткое принудишь к размягчению — т. е. ты уяснишь себе этот трудный вопрос.

²⁹ Вот Стаций здесь. — Стацию более пристало, чем Виргилию, излагать христианское учение о душе.

³⁰ Чтобы твоя болячка зажила — т. е. чтобы твое недоумение было разрешено.

³¹⁻¹⁰⁸ Вечный строй я излагаю. — Стаций излагает, близко следя Фоме Аквинскому, учение об утробной жизни человека, о происхождении разумной души и о посмертном ее существовании в бестелесной оболочке.

³² То сказанному «как» прольется свет — см. ст. 20—21.

³³⁻⁴² Беспримесная кровь (*sangue perfetto*), порождающая сперму, приобретает в сердце творческую власть (*virtute informativa*) образовать все члены человеческого тела (ср. ст. 59—60), подобно тому как отдельные части тела получают жизнь от той крови, которая струится в жилах.

⁴³ В природной чаше — в матке.

⁴⁴ В высшем месте — в сердце.

⁵²⁻⁵⁷ Зиждительная сила (*virtute attiva*) семени становится душой, сперва «растительной» (*anima vegetabilis* — по Фоме Аквинскому), причем для нее это лишь переходное состояние, тогда как для растения — окончательное, затем (ст. 55—56) «чувствующей» (*anima sensitiva*), и сообщает зародышу «средства выраженья», т. е. органы чувств (ст. 57).

⁶³⁻⁶⁸ Мудрейшего, чем ты — Аверроэса, арабского ученого XII в., («Ад», IV, 144), комментатора Аристотеля.

«Возможным разумом» (*intellectus possibilis*) схоластики называли познавательную способность, дополняемую в человеке «действен-

ным разумом» (*intellectus agens*). Аверроэс же учил, что существует безличный, вечный, единый для всех активный разум, который мы воспринимаем лишь пассивно.

⁷⁰ *Прадвижитель* — бог.

^{72—75} *И новый дух в него вдыхает он* — разумную душу (*anima intellectiva*), которая *вбирает* в себя ранее возникшие растительную и чувствующую.

⁷⁹ *Лахезис* — см. прим. XXI, 25.

⁸⁶ *К одному из берегов* — к устью Тибра или к берегу Ахерона (см. прим. II, 94—105).

^{88—90} *Чуть дух очерчен местом...* — Как только душа, остановясь на предназначенном ей берегу, занимает свое место в пространстве, она снова начинает излучать ту самую творящую силу, которая прежде создавала и питала ее телесную оболочку.

^{91—98} Подобнотому как солнечный луч, воздействуя на клубящиеся в воздухе пары, образует радугу, так душа, воздействуя на окружающий воздух, придает ему человеческий облик. (Здесь Данте расходится с Фомой Аквинским, утверждавшим, что душа, покинув тело, становится вполне бестелесной).

^{100—101} *Дух становится зрымым* через посредство своего «*нового облика*» (ст. 99), воздушного тела, которое является как бы его *тенью* и поэтому так и называется.

^{107—108} *Оттого-то и был ты нашим видом удивлен.* — Способностью тени отражать чувства духа и объясняется наш изможденный вид, тебя удививший.

^{109—120} *Последнего достигнув поворота...* — Поэты поднялись в последний, седьмой круг и повернули, как и раньше, направо. Здесь души очищаются от греха сладострастия, шагая в пламени, которое вылетает из отвесной скалы, окаймляющей тропу слева, и пригибается обратно силой ветра, бьющего с правой стороны, из обрыва. Поэтам приходится итти узкой полосой между пламенем и бездной.

¹²¹ *«Summae Deus clementiae»* — «Бог высшей милости», начальные слова молитвы о ниспослании душевной и телесной чистоты.

^{127—129} Попеременно с пением, души грешников возглашают примеры целомудрия.

¹²⁷ *«Virum non cognosco!»* — «Мужа не знаю», слова Марии архангелу Гавриилу.

¹³¹ *Позор Гелики.* — Диана изгнала из своего леса нимфу Гелику (Каллисто), обесчещенную Юпитером. Ревнивая Юнона превратила Гелику в медведицу, но Юпитер вознес ее на небо вместе с ее сыном Аркадом (Большая Медведица и Волопас). (Овидий, «Метаморфозы», II, 401—530). (Ср. «Рай», XXXI, 32—33).

¹³⁸ *Бальзам* — кающихся душ — огонь. Их *снедь* — благочестивое пение и назидательные возгласы. Такое врачевание помогает зарубцеваться язве греха.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ Круг седьмой (продолжение)

¹⁴⁶ *Почтительность* — к Виргилию и к Стацио, идущим впереди.

¹⁴⁸ *Жаждет* узнать, действительно ли Данте — живой человек, горит в очищающем пламени.

²⁴ Из душ одна — Гвидо Гвиницелли (см. ст. 74—91).

²⁸ Навстречу этой новая чреда. — Первая вереница душ, идущая в том же направлении, что и поэты, грешила сладострастием в его естественной форме. В противоположном направлении движутся содомиты.

³¹ Лобзаньем — кратким поцелуем безгрешной любви.

⁴⁰ Гоморра и Содом — библейские города, которые бог спалил огнем за противоестественный разврат их обитателей.

⁴¹ Пасифая — жена критского царя Миноса («Ад», V, 4), возгорелась чувственной любовью к красивому быку, и художник Дедал соорудил деревянную корову, чтобы, прячась в ней, Пасифая могла удовлетворять свою страсть. От этой связи родился Минотавр («Ад», XII, 12—13).

⁴⁴ Одна — к пескам Африки, другая — на Рифей, к северным горам, под которыми древние греки разумели, быть может, Уральский хребет.

⁵⁵ Мой прах, незрелый или величавый, не там остался — я еще не умер, ни молодым, ни старым.

⁵⁸ Чтоб зренье обрести — духовное зрение.

⁵⁹ Там есть жена — дева Мария (см. «Ад», II, 94—99).

⁶⁶ Которые от вас уходят там — в противоположном направлении (см. ст. 43—48).

^{71—78} Цезарь грешил содомией с царем Вифинии Никомедом, чем и заслужил прозвище «царицы» и насмешки во время галльского триумфа.

^{82—87} Наш грех, напротив, был гермафродит... — т. е. это была любовь двух полов, но по-скотски безудержная. Поэтому, «себе в позор», мы и поминаем Пасифаю.

⁹¹ Гвидо Гвиницелли (см. XI, 97) из Болоцьи, поэт «ученой школы», ближайший предшественник «dolce stil nuovo» (см. прим. XXIV, 52—54). Умер в 1276 г.

^{92—93} Уже свой грех я начал искупать... — Гвиницелли уже очищается в огне седьмого круга, а не ждет в Предчистилище, потому что покаялся задолго до смертного часа.

^{94—99} Как сыновья, Фоант и Эвней (см. прим. XXII, 109—114: «Лангюю открывшая царям»), кинулись к своей матери Гипсилие, так и Данте кинулся бы обнять Гвидо Гвиницелли, если бы не страшился огня (ср. ст. 102).

¹⁰⁸ От признанья твоего — см. ст. 55—60.

¹⁰⁸ Лета — река забвения (XXVIII, 127—132).

¹¹⁸ Пока продлится то, что ныне ново — т. е. поэзия на итальянском языке, возникшая недавно (во второй половине XIII в.).

¹¹⁵ Вот тот — провансальский поэт Арнаут (Арнальд) Дантель (ст. 142), умерший ок. 1200 г.

¹¹⁷ Получше был ковач родного слова. — Гвиницелли считает, что Арнальд Дантель лучше писал на провансальском языке, чем он — на итальянском.

¹¹⁸ В прозе — т. е. в повествовательных поэмах.

¹²⁰ Лимузинец — провансальский поэт Джироут де Борнель (конца XII — начала XIII в.), уроженец Лимузинской области.

¹²⁴ Гвиттон — Гвитонне д'Ареццо (см. XXIV, 56).

¹²⁶ Покуда не был многими сражен — пока многие не опровергли этого мнения, или же: пока его не превзошли многие поэты.

¹²⁸ К обители... — к Раю.

¹³¹ Всё то, что нужно... — см. прим. XI, 1—24.

¹³⁶ К указанному мне — т. е. к Арнальду Даньелю (см. ст. 115 и прим.).

^{140—147} Арнальд Даньель отвечает на провансальском языке.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Круг седьмой (окончание). — Восхождение к Земному Раю

^{1—5} На горе Чистилища близилась ночь, и солнце клонилось к закату, готовясь «ударить первыми лучами в те страны», где расположен Иерусалим. В этот час на крайнем западе, в Испании, где льется Эбро, небесный меридиан занят созвездием Весов, и там полночь, а на крайнем востоке, над волнами Ганга, — полдень (см. прим. II, 1—3; 4—5; 5—6).

⁷ «*Beati mundo corde!*» — «Блаженны чистые сердцем, (ибо они бога узрят)».

¹² И слушайте напев с той стороны — идите на голос ангела, стоящего по ту сторону огня (ст. 55—57).

¹⁶ Кто надо рвом ждет смерти неминучей — преступник, который должен быть закопан в землю вниз головой (ср. «Ад», XIX, 46—51).

²³ На Герионе — см. «Ад», XVII, 79—136.

^{37—39} Юноша Пират, думая, что его возлюбленную Фисбу расстерзала львица, заколол себя мечом. На зов подоспевшей Фисбы он в последний раз раскрыл глаза. Тутовое дерево, обрызганное кровью Пира, налилось красным соком, и ягоды его почернели (Овидий, «Метаморфозы», IV, 55—166).

⁵⁶ Нас голос вел — голос ангела, стоящего по ту сторону огня, у лестницы, ведущей к Земному Раю. Седьмое «Р» на челе у Данте, по видимому, истребилось в пламени.

⁵⁹ «*Venite, benedicti Patris mei!*» — «Придите, благословенные отца моего», слова, которые, по Евангелию, скажет праведникам Христос на Страшном суде.

^{64—67} Тропа шла прямо вверх, и, подымаясь по ней в миг заката, Данте видит свою тень прямо перед собой. Восхождение на гору Чистилища он начал лицом к западу (III, 16—18), заканчивает его лицом к востоку. Следовательно, он успел обойти половину горы.

⁷⁶ И мощь к подъему, и желанье тоже — см. VII, 44—60.

⁹⁵ Цитеря — Венера, которая восходит незадолго до утренней зари (I, 19—20). Это — время вещих снов («Ад», XXVI, 7; «Чист.», IX, 13—18).

^{97—108} Мне снилось... — Пройдя путь очищения, у порога Земного Рая, Данте постигает во сне двоякую жизнь, к которой призван человек: он видит Лию, символ жизни деятельной, направленной к благим делам, и она ему говорит о своей сестре Рахили («Ад», II, 101), символизирующей жизнь созерцательную, погруженную в лицезре-

ние истины. Лия — прообраз Мательды, которую Данте встретит в Земном Раю, Рахиль — прообраз Беатриче.

¹⁰³ Зеркало — бог. Цветы — добрые дела.

¹¹⁵ Тот сладкий плод — истинное, высшее благо.

¹²⁷ Временный огонь Чистилища и вечный огонь Ада.

^{128—142} Ты достиг земли... — Виргилий (разум) привел Данте к порогу Земного Рая (земного блаженства) и, выполнив свою миссию, перестает быть его руководителем (см. «Ад», I, 121—129). Пока не явится Беатриче (откровение), чтобы вознести своего друга к Небесному Раю (вечному блаженству), Данте, очищенный и умудренный, сам судья своих поступков и сам над собою властелин.

¹²⁹ Где смутен взгляд мой... — ср. XVIII, 46—48.

¹³⁷ Той, что в слезах тогда пришла за мною — Беатриче (см. «Ад», II, 52—120).

¹³⁸ Сиди, броди — созерцай, действуй.

¹⁴² Митрой и венцом. — Данте облекается полной властью над самим собой. (Императорская корона состояла из митры, окруженной венцом. Первоначально, — и еще в XIII в., — венец возлагался на голову отдельно, поверх митры.)

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Земной Рай.—Мательда

² Господень лес — Земной Рай.

²⁰ Над взморьем Кьянси наполняй бор — сосновый лес (Pineta) на берегу Адриатического моря, к югу от Равенны. Эта местность носит название Chiassi, или Classe, потому что во времена императорского Рима здесь был расположен морской порт Равенны, Portus Classis. Впоследствии море отступило к востоку.

²¹ Эол — царь ветров, держащий их скованными в пещере и выпускающий их по произволу. Сирокко — юго-восточный ветер.

²⁵ Поток — Лета (см. ст. 121—133).

⁴⁰ Явилась женщина. — Из уст Беатриче (XXXIII, 119) мы узнаём ее имя: Мательда. Остается загадкой, кого из земных женщин представил Данте в этом образе, и спорно его аллегорическое значение. Во всяком случае, Мательда — руководительница поэта в Земном Раю и воплощение приснившейся ему Лии (XXVII, 97—108).

^{49—51} Прозерпину, дочь Юпитера и Цереры, бог преисподней Плутон похитил в тот миг, когда она собирала цветы на лугу (Овидий, «Метаморфозы», V, 385—401).

⁵⁵ Меж алыми и желтыми цветами. — Алый — цвет любви. Желтый (золотой) — цвет чистоты.

⁶⁵ Венеры, уязвленной негаданно сыновнею рукой. — Овидий рассказывает, как Венера воспылала любовью к Адонису, когда ее сын Купидон нечаянно задел грудь стрелой («Метаморфозы», X, 525—526).

⁷¹ Геллеспонт, где Ксеркс познал невзгоду. — Ксеркс, наведя мосты, с несметным войском перешел Геллеспонт (Дарданельский пролив) и вторгся в Грецию (в 480 г. до н. э.). Потерпев поражение, он переплыл его обратно в рыбачьей лодке, спасаясь бегством. Это — «людей гордыне навсегда урок».

^{78—74} Леандр, обитавший в Абидосе, на азиатском берегу Геллеспонта, по ночам переплыval пролив для свиданий со своей возлюбленной Геро, жившей в Сестре, на европейском берегу.

^{76—78} Мой смех средь этих мест... — Данте и его спутников могла удивить радостная улыбка Мательды посреди Земного Рая, навсегда утраченного для человечества.

⁸¹ «*Delectasti*». — Псалом ХСI, 5: «Ты возвеселил (меня, господи, творением твоим; делами рук твоих я восхищаюсь»). Мательда поясняет, что она радуется окружающим ее чудесам творения.

⁸² Ты, *переди*... — Данте стоит ближе к Мательде, чем сопутствующие ему Виргилий и Стаций.

^{85—87} Данте, который слышал от Стация (ХХI, 46—54), что выше уровня ворот Чистилища не бывает ни дождя, ни снега, ни туч, ни «сухих паров», порождающих ветер, удивлен, встретив воду и ветер в Земном Раю.

^{87—108} Ниже ворот Чистилища ветер порождается *парами*, которые поднимаются от земли, притягиваемые солнцем. А в Земном Раю воздух приводится в равномерное движение вращением *первой тверди*, т. е. девятого неба, или Первовигателя. Вращая замкнутые в ней восемь небес, она сообщает кругообразное движение с востока на запад (ср. ст. 7—12) также и земной атмосфере.

^{121—133} В дальних странах водные потоки образуются от охлаждения паров (ср. V. 109—111) и текут с переменной силой. Потоки Земного Рая льются неизменно, по воле творца. Потоков этих — два, и вытекают они из общего источника. Влево (см. ст. 27) струится *Лета*, истребляющая память о совершенных грехах; вправо — *Эвноя* («добрая память»), воскрешающая в человеке воспоминание о всех его добрых делах.

¹⁴¹ В парнасских снах — в поэтических мечтаниях (см. прим. ХХII, 65).

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Земной Рай. — Мистическая процессия

⁸ «*Beati, quorum tecta sunt peccata!*» — слова псалма XXXI: «Блаженны, чьи грехи покрыты».

¹⁰ Мы, ста шагов не насчитав вдвоем — т. е. не пройдя и пятидесяти шагов каждый.

²⁷ Не захотела потерпеть покрова — покрова неведения. Ева вкусила запретных плодов, соблазненная словами змея: «Когда вы вкусите от них, то откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло».

^{28—30} Если бы Ева не нарушила запрета, человечество обитало бы в Земном Раю, и Данте от рождения и до смерти вкушал бы то блаженство, которое ему сейчас открылось.

³² Всевечной неги Небесного Рая.

³⁷ Сонм дев священных — музы.

⁴⁰ Прольется Геликон — метонимия, вместо: «прольются источники Геликона». Геликон — одна из вершин Парнасса, где текут священные ключи Гиппокрена и Аганиппа, вдохновляющие поэтов.

⁴¹ Урания с хором — т. е. с остальными музами. Урания (Небесная) — муза небесной науки (астрономии). Данте призывает ее потому, что его предмет особенно возвышен.

^{43—154} Вдали, за искажающим простором... — Отсюда до окончания песни следует описание шествия торжествующей церкви, идущей навстречу раскаявшемуся грешнику.

⁵⁰ Светильники. — Шествие открывается семью светильниками, которые, по Апокалипсису (IV, 5), «суть семь духов божиих».

⁵¹ «Осанна» — см. прим. XI, 11.

^{73—81} Движущиеся огни семи светильников оставляют за собою в воздухе семь полос, как бы стягов, окрашенных в цвета радуги (лук Аполлона) или лунного кольца (перевязь Дианы). Эти световые полосы символизируют семь «даров святого духа» (премудрость, разум, совет, крепость, знание, благочестие и страх божий) или же семь церковных тайнств.

^{82—83} Двенадцать чет мастих старцев — двадцать четыре книги Ветхого Завета.

^{85—87} «Благословенна...» — Одни толкователи видят в этих словах прославление девы Марии, другие — Беатриче.

⁹² Четыре зверя — четыре Евангелия.

⁹⁴ Аргус — стоглазый, неусыпный силач, которому Юнона поручила стеречь Ио, возлюбленную Юпитера, превращенную в телку. Посланный Юпитером Меркурий усыпал его рассказом о том, как нимфа Сиринга, спасаясь от Пана, превратилась в тростник, и отрубил ему голову (XXXII, 64—69). (Овидий, «Метаморфозы», I, 568—747)

^{100—105} Прочти Езекииля... — В книге пророка Иезекииля (I и X) и в Апокалипсисе (IV) описываются крылатые звери, усеянные глазами. У Иезекииля они четырехкрылые, а в Апокалипсисе Иоанна — шестикрылые, как у Данте, что и оговорено в ст. 104—105.

¹⁰⁶ Победная повозка — колесница, символизирующая христианскую церковь. Аллегорический смысл двух ее колес толковался разнообразно.

¹⁰⁸ Грифон (лев с орлиными крыльями и орлиной головой) — символ богочеловека, Христа.

¹¹⁶ Сциллон Африканский, победитель Ганибала.

^{117—120} Сам выезд Солнца... — см. прим. IV, 71—72.

^{121—129} Три женщины у правого колеса — три богословские добродетели: алая — любовь, зеленая — надежда, белая — вера (ср. VII, 34—35).

^{130—132} Четыре женщины у левого колеса — четыре основные (естественные) добродетели (см. прим. к I, 23—27 и к VIII, 85—93). Из них у Мудрости — три глаза, которыми она озирает прошлое, настоящее и будущее.

^{133—141} Два старца. Один олицетворяет «Деяния апостолов», приписываемые апостолу Луке, которого апостол Павел назвал «врачом возлюбленным». Поэтому он похож на питомца Гиппократа, знаменитого греческого врача V—IV в. до н.э. («Ад», IV, 143). Другой — «Послания апостола Павла». Он вооружен «мечом духовным, который есть слово божие».

¹⁴² Смиренных четверо — «Послания» апостолов Иакова, Петра, Иоанна и Иуды.

¹⁴³ Одинокий старец — «Апокалипсис». Он погружен во вдохновенный сон.

¹⁵⁴ Позади знамен — т. е. позади семи светильников.

ПЕСНЬ ТРИДЦАТАЯ

Земной Рай. — Появление Беатриче

¹⁻⁷ Когда небес верховных семизвездье (сошедшие с десятого неба семь светильников, не знающие ни заката, ни восхода и затмеваемые для нашего взора только духовной мглой, последствием греха), указуя всем участникам шествия, что им надлежит делать, подобно тому, как нижнее семизвездье восьмого неба (Малая Медведица с ее Полярной Звездой) указует движения корабельщику, остановилось...

⁸ Праведный собор — двадцать четыре старца.

¹¹ «*Veni, sponsa, de Libano, veni!*» — слова «Песни песен»: «Иди, невеста, с Ливана, иди!»

¹⁷ *Ad vocem tanti senis* — «при голосе столь великого старца».

¹⁷⁻¹⁸ Сто... всевечной жизни вестников и слуг — сто ангелов.

¹⁹ «*Benedictus qui venis!*» — евангельское «Благословен грядущий».

²¹ «*Manibus o date lilia plenis!*» — слегка видоизмененные слова Виргилия («Энеида», VI, 883): «Дайте лилий полными горстями».

³² Предстала женщина. — Беатриче, которую Данте полюбил еще мальчиком и, после ее ранней смерти в 1290 г., решил прославить так, как ни одна женщина в мире не была прославлена, является в «Божественной Комедии» олицетворением небесного откровения, высшей мудрости.

⁵³ Омытого росой у подножия горы Чистилища, по выходе из Ада (I, 121—128).

⁵⁶⁻⁵⁷ Не этот меч — т. е. не скорбь о том, что исчез Виргилий, должна быть причиной твоих слез, а другая скорбь — слова укоризны, которые ты от меня услышишь.

⁶⁸ Минервиной листвой — ветвями оливы (ст. 31).

⁷¹ Как соизволил ты взойти сюда — ироническое обращение к когда-то горделивому философу, пытавшемуся все постигнуть своим бедным разумом.

⁸³⁻⁸⁴ «*In te, Domine, speravi!*». — Ангелы, чтобы утешить и ободрить Данте, поют псалом XXX, «На тебя, господи, уповаю», кончая словами: «поставил на пространном месте ноги мои (*pedes meos*)».

⁸⁹ Едва доходит земля, где гибнут тени — т. е. едва повеет ветер из Африки, где полуденное солнце стоит так высоко, что тени по земле не стелются.

⁹²⁻⁹³ До песни тех... — т. е. пока не запели ангелы, песнь которых созвучна музыке небесных сфер.

⁹⁸ Стал влагой и дыханием — превратился в слезы и вздохи.

¹¹¹ Расположенье звезд в миг рождения человека определяет его склонности и способности.

¹¹⁶ В новой жизни — в своей молодости, о которой он писал в книге, озаглавленной «Новая Жизнь».

¹²⁴ Между первым и вторым из возрастов — двадцати пяти лет отроду.

¹²⁵ Меня покинув, он ушел к другим. — Данте был неверен Беатриче как женщине, увлекаясь другими, и как небесной мудрости, ища ответа на все вопросы в мудрости человеческой.

¹³⁴ И наяву — в видениях, о которых Данте рассказывает в «Новой Жизни» (XXXIX, XLII).

^{139—141} И я ворота мертвых посетила... — см. «Ад», II.

ПЕСНЬ ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Земной Рай. — Лета

^{1—3} Речь ко мне направив острием... — т. е. обращая свои упреки прямо ко мне, хотя жестоко было уж и лезвие, т. е. косвенная речь обо мне, только что (XXX, 103—145) произнесенная.

¹¹ Память о годах печали — горестная память о твоих заблуждениях.

¹² В тебе волной еще не сметена — еще не истреблена водами Леты.

^{23—24} О блаже, взыскуемом превыше всех других — т. е. о боже.

^{41—42} Точило вращается навстречу лезвею, притупляя меч небесного правосудия.

⁴⁵ Песнь сирен — обманчивая привлекательность земных благ (ср. XIX, 19).

⁴⁶ Брось семя слез — отстрани то, что порождает твои слезы, преодолей «страх и смущенье» (ст. 13).

^{55—56} При первом же уколе того, что бренно — т. е. как только, утратив меня, ты горестно убедился в бренности всего земного.

⁶⁹ Ты большие скорби вынесешь, взирая. — Данте еще горше раскается в своей неверности, взглянув на Беатриче, которая, даже под покрывалом, еще прекраснее, чем была на земле.

⁷³ В Ярбино стране — в Африке, где царствовал Ярба, у которого Диодона купила землю, чтобы основать Карфаген.

⁷⁴ Бороду взамен лица назыв — т. е. попрекнув Данте тем, что он, зрелый мужчина, вел себя, как неопытный мальчик.

⁷⁷ Первенцы творенья — ангелы.

⁸¹ На Зверя, слившего два воплощенья — т. е. на Грифона (см. прим. XXIX, 108), в котором слиты лев и орел, человек и бог.

^{82—84} Даже в отдалении и с закрытым лицом, небесная Беатриче превосходила красотой земную Беатриче в еще большей степени, чем та когда-то превосходила других женщин.

⁹² Сплетавшую венок — Мательду, которую Данте встретил, вступая в Земной Рай (XXVIII, 40).

⁹⁸ «Asperges me» — слова псалма L, 9: «Окропи меня (иссопом, и буду чист; омой меня, и буду более снега)».

¹⁰² Глотнуть пришлось. — Данте испил летейской воды, дарующей забвение грехов.

¹⁰⁴ *Меж четырех красавиц* — четырех основных добродетелей (XXIX, 130—132 и прим.).

¹⁰⁵ *Мы — звезды в тьме высот* (см. прим. к I, 23—27 и к VIII, 85—93).

^{107—108} Четыре основные добродетели были ниспосланы людям еще до христианства, чтобы приготовить их к небесному откровению.

¹¹¹ *Среди трех, чей взор острей направлен* — среди трех богословских добродетелей.

¹²³ *To вдруг в одном, то вдруг в другом обличье.* — В глазах Beатриче Грифон отражается то как лев (человек), то как орел (божество).

¹²⁵ *Едой* — созерцанием.

^{127—128} *Вторая красота* Beатриче — ее уста. Первая — ее глаза, которые Данте уже увидел (ст. 115—123).

^{140—141} *Кто так исчах...* — Кто настолько искушен в поэзии и настолько вдохновен... (*В тени Парнаса* — см. прим. XXII, 65).

ПЕСНЬ ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Земной Рай. — Древо познания

¹ *Десятилетней эсажды* — увидеть Beатриче, умершую за десять лет до 1300 года.

⁴ *Здесь и там* — справа и слева.

⁵ *Из уст богинь* — из уст трех богословских добродетелей, стоящих по правую сторону колесницы и, таким образом, слева от Данте, который обращен лицом к Грифону и к Beатриче.

⁶ «*Слишком напряженно!*» — Созерцание высшего блага не должно всецело поглощать внимание человека.

^{13—15} *Когда же с малым зренье вновь сроднилось...* — По сравнению с красотой Beатриче даже чудеса Земного Рая кажутся «малым».

¹⁷ *Святое войско.* — Мистическая процессия, явившаяся с востока (XXIX, 12 сл.), поворачивает обратно на восток.

¹⁹ *Как, оградив себя щитами...* — При повороте вправо, войско ограждено щитами, прикрывающими левый бок.

²² *Головная рать* — двадцать четырех старца, предшествующие колеснице.

²⁵ *Из женщин каждая к оси вернулась.* — Богословские добродетели — к правому колесу, естественные — к левому.

²⁸ *Та, кем я был сквозь воду проведен* — Матерьда.

²⁹ *Шли с руки...* — с правой стороны колесницы.

^{37—39} *Древо познания* добра и зла, от запретных плодов которого вкусили Ева и Адам, чье имя с горькой укоризной произносят подошедшие. Здесь это древо, повидимому, символ императорской власти, которой подобает повиновение. Данте видит его оголенным и безжизненным, каким оно было от грехопадения первых людей до прихода Христа, завещавшего церкви соединение с этим деревом (ст. 49—60).

⁴⁴ *Не ранишь клювом* — не посягаешь на прерогативы светской власти. Обладание этой властью может казаться отрадным, но приносит церкви *горькие терзанья*.

⁴⁷ Зверь Двоеглазденный — Грифон.

⁵¹ Связуя с деревом отприск, им взращенный. — Грифон поворачивается к колеснице (церкви) и привязывает ее *дышило* (крест) к стволу дерева (империи), из ветви которого оно сделано. (По легенде, голгофский крест был сделан из ветви дерева познания, посанной на могиле Адама.)

^{52—54} Когда поток большого света (солнца) смешан с лучами Овна, который соединяется с солнцем вслед за ельцом небесным (созвездием Рыб) — другими словами: весной.

^{55—57} Пока еще не под другой звездой (не под знаком Тельца, который следует за Овном) Оры (см. прим. XII, 80—81) запрягают коней в колесницу Солнца.

⁵⁹ Облеклось растенье. — От соприкосновения с церковью дерево империи оживает.

⁶³ И не дослушал до конца их пенье. — Данте засыпает блаженным сном под звуки словесный тому совершенному строю, который создан гармоническим сочетанием императорской и папской власти.

^{64—66} Как усыпал сказ о Сиринге — см. прим. XXIX, 94 (Аргус «бдение дорого купил», поплатившись жизнью за свою чрезмерную бдительность).

⁷² И возглас — Матильды.

^{73—81} Как, пораженные преображением Христа (яблони священной), апостолы Петр, Иоанн и Яков в страхе пали ниц и, очнувшись от его голоса, разрушавшего даже сон умерших, увидели, что на них учитель прежняя одежда и что нет больше беседовавших с ним Моисея и Ильи...

⁹⁸ Взгляни на круг приблишившихся к ней. — Около Беатриче остались «семь нимф» (добротелей), взявших в руки светильники (ст. 97—99).

⁹⁹ Другие ввысь восходят за Грифоном — остальные участники шествия возвращаются на небо.

¹⁰⁰ Семь нимф — см. прим. к ст. 88.

¹⁰¹ Австр — южный ветер. Аквилон — северный.

¹⁰⁰ Здесь — в Земном Раю.

^{101—102} Став грахданном Рима, где римлянин — Христос, — т. е. вступив навеки в Небесный Рай.

^{103—105} Для пользы мира, Беатриче поручает поэту описать все, что он сейчас увидит. Перед Данте предстанут в аллегорических образах прошлые, настоящие и грядущие судьбы римской церкви.

^{109—117} Орел (птица Дия), устремляющийся на колесницу с вершинами дерева, которому он при этом наносит вред, олицетворяет римских императоров от Нерона (I в.) до Диоклетиана (IV в.), преследовавших христианскую церковь, в ущерб самой империи.

^{118—123} Лиса, старающаяся проникнуть в колесницу, символизирует ереси первых веков христианства.

^{124—129} Снова к колеснице спускается орел и осыпает ее своими перьями. Это — мирские богатства, которыми христианские императоры одаряли церковь, и главным образом — «дар Константина» («Ад», XIX, 115—117). Небеса скорбят о «дурном бремени», наполнившем «член» церкви.

^{130—141} После того как орел уронил перья в колесницу, из недр земли вышел дракон (дьявол), пронзил хвостом и оторвал у колесницы часть ее днища — дух смирения и бедности. Тогда она мгновенно («так, что уста вздохнуть бы не успели») вся *оделась перьями*, обросла богатствами.

^{142—147} Пернатая колесница превращается в семиглавое и десятиглавое чудовище, в апокалиптического зверя (ср. «Ад», XIX, 109—111).

^{148—160} На звере сидит наглая блудница (папство), которая, рыща глазами, ищет себе друзей. Рядом с ней стоит ревнивый гигант (король французский Филипп IV, иногда ладивший с Бонифацием VIII, но кончивший тем, что нанес ему жестокое оскорбление в Ананьи; см. прим. XX, 86—90). Чуть она бросила взгляд на гибеллина, он бьет ее плетью, отвязывает чудовище от дерева и тащит его, вместе с восседающей на нем блудницей, в чащу леса (перенесение папского престола из Рима в Авиньон, при Клименте V, в 1309 г.).

ПЕСНЬ ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Земной Рай. — Эвноя

¹ «*Deus, venerunt gentes*» — «Боже, пришли язычники (в наследие твое, осквернили твой святой храм, превратили Иерусалим в развалины)». Словами псалма LXVIII естественные и богословские добродетели оплакивают падение церкви, только что явленное им в символических образах (XXXII, 130—160), и призывают гнев божий на виновных.

^{10—12} «*Modicum, et non videbitis me; et iterum modicum, et vos videbitis me*». — Слова Христа ученикам: «Вскоре вы не увидите меня, и опять вскоре увидите меня» — Беатриче применяет к похищению гигантом колесницы церкви, которая всё же возвратится из «авиньонского пленя» в Рим и обретет свой прежний облик.

¹³ В предшествии седьмицы — семи добродетелей, несущих светильники.

¹⁴ Мне, женщине и мудрецу — Данте, Мательде и Стацию.

¹⁵ Порушенный змеей сосуд — колесница церкви, у которой дракон оторвал часть днища (XXII, 130—135).

¹⁶ Был и не стал — чудовищно искаженная церковь перестала быть собою (ср. «Рай», XXVII, 22—27).

¹⁷ Вино и хлеб злодея не спасут. — В Италии существовал обычай, по которому родственники убитого теряли право кровной мести, если убийца или его родич девять дней кряду приходил на могилу жертвы и съедал там хлеб, смоченный в вине. Чтобы этому помешать, они девять дней сторожили могилу. Беатриче хочет сказать: «Ничто не оградит злодея от божьего суда».

¹⁸ Еще придет преемник предреченный орла — т. е. император. Данте считал («Пир», IV, 3) Фридриха II (ум. в 1250 г.) последним «императором и королем римлян», потому что его преемники забыли Италию (см. VI, 97—114).

¹⁹ Пятьсот Пятнадцать — загадочное обозначение грядущего избавителя церкви и восстановителя империи, который истребит

воровку (блуднице песни XXXII, занявшую чужое место) и *гиганта* (французского короля). Цифра DXV образует, при перестановке знаков, слово DVX (вождь), и старейшие комментаторы так ее и толкуют. Существуют разнообразнейшие предположения о том, кого Данте разумел под «Пятьсот Пятнадцать». Быть может, это лицо тождественно с «Псом» («Ад», I, 102).

⁴⁷⁻⁵¹ *Сфинга* — крылатое чудовище с женским лицом, обитавшее возле Фив и убивавшее прохожих, которые не могли разгадать заданную ею загадку. Когда Эдип, сын Лая (*Лаяд*), ее разгадал, Сфинга бросилась со скалы и разбилась насмерть. Отмщая за ее гибель, *Фемида* (богиня правосудия и прорицательница) наслала на фивян хищного зверя, который губил *нивы* и *стада*. (Овидий, «Метаморфозы», VII, 759—765). В старинных списках «Метаморфоз» вместо *Laiades* (*Лаяд*) читалось *Naiades* (*Наяды*), и разрешение загадки Данте приписывал *Наядам*. Смысл стихов 49—51: События покажут, кто такой «Пятьсот Пятнадцать», но разрешение этой *трудной загадки* приведет не к бедствиям, а к миру.

⁵⁷ *Два раза* — Адамом, вкушившим от его плодов, и гигантом, отвязавшим от него колесницу.

⁶² *Первая душа* — Адам, освобожденный из Лимба («Ад», IV, 55) Христом, добровольно принявшим на себя искупление его греха.

⁶⁸ *Как в струи Эльсы.* — Предметы, опущенные в известковую воду Эльсы (приток Арно), покрываются твердой оболочкой.

⁶⁹ *Не будь их прелесть* — как Пирам для тута — т. е. если бы прелесть суетных помыслов не омрачала твое сознание подобно тому, как Пирам своею кровью окрасил белые ягоды тутового дерева в темный цвет (см. прим. XXVII, 37—39).

⁷⁸ *Как жезл.* — Беатриче хочет, чтобы Данте, вернувшись к людям, передал им ее слова, даже не вникая в их смысл, а просто сохранив их в памяти; так паломник возвращается из Палестины с пальмовой ветвью, привязанной к посоху.

⁸⁶⁻⁹⁰ *Что за школе ты следовал...* — Данте не понимает речей Беатриче, потому что следовал «школе поэтов и философов», — как поясняют старые комментаторы, — пренебрегая теологией.

⁹⁰ *До неба, мчащегося всех быстрей* — т. е. до девятого неба, или Первовдвигателя.

⁹⁶ *Ты Лету пил сейчас* — и поэтому забыл свою вину.

⁹⁸ *Само твое забвенье* доказывает, что ты был *виновен*, когда следовал ложной школе и свою *волю* устремлял *не* ко мне, а *мимо*. Если бы это был не грех, Лета не смыла бы этого воспоминания.

¹¹² *Там растекались...* — Растекающиеся из одного истока в разные стороны Лета и Эвномия напоминают поэту *Тигр и Евфрат*, которые средневековая география считала текущими из общего источника.

¹¹⁸ *На что сказали так* — т. е. сказала Беатриче.

¹¹⁹ *Мательда.* — Здесь впервые названа по имени прекрасная женщина, встретившая поэта в Земном Раю (см. прим. XXVIII, 40).

¹²² *Я с ним речь вела* — см. XXVIII, 121—133.

¹²⁴ *Больших мыслей мгла* — размышления обо всем, что Данте видел и пережил в Земном Раю.

¹²⁹ Угаснувшую силу — силу памяти обо всем благом, оживающую в том, кто испил струй Эвнои.

¹³⁰ Счет положен изначала. — В построении «Божественной Комедии» Данте соблюдает строгую симметрию. В каждой из трех ее частей (кантак) — по 33 песни; «Ад» содержит, кроме того, еще одну песнь, служащую вступлением ко всей поэме. Объем каждой из ста песен приблизительно одинаков.

¹⁴² Я шел назад — к Беатриче.

¹⁴⁵ Светила — этим словом (*stelle*) заканчивается каждая из трех кантак «Божественной Комедии».

СОДЕРЖАНИЕ

<i>A. K. Дживелегов.</i> «Чистилище»	3
ДАНТЕ «ЧИСТИЛИЩЕ»	
ПЕСНЬ ПЕРВАЯ	
Вступление. — Звездное небо. — Катон	15
ПЕСНЬ ВТОРАЯ	
Новоприбывшие души умерших. — Казелла	20
ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ	
Умершие под церковным отлучением. — Манфред	23
ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ	
Первый уступ Предчистилища. — Нерадивые. — Белаква	30
ПЕСНЬ ПЯТАЯ	
Второй уступ Предчистилища. — Нерадивые, умершие на- сильственною смертью. — Якопо дель Кассеро. — Буон- конте да Монтефельтро. — Пия дей Толомеи	35
ПЕСНЬ ШЕСТАЯ	
Второй уступ Предчистилища (окончание). — Сорделло. — Воззвание к Италии	40
ПЕСНЬ СЕДЬМАЯ	
Долина земных властителей	46
ПЕСНЬ ВОСЬМАЯ	
Долина земных властителей (продолжение). — Нино Вис- конти. — Змея. — Корrado Маласпина	51
ПЕСНЬ ДЕВЯТАЯ	
Долина земных властителей (окончание). — Сон Данте. — Врата Чистилища	56

ПЕСНЬ ДЕСЯТАЯ	
Чистилище. Круг первый. — Гордецы	61
ПЕСНЬ ОДИННАДЦАТАЯ	
Круг первый (продолжение). — Омберто Альдобрандески. — Одеризи. — Провенцан Сальвани	66
ПЕСНЬ ДВЕНАДЦАТАЯ	
Круг первый (окончание)	71
ПЕСНЬ ТРИНАДЦАТАЯ	
Круг второй. — Завистники. — Сапия	76
ПЕСНЬ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ	
Круг второй (продолжение). — Гвидо дель Дука и Риньери да Кальболи	82
ПЕСНЬ ПЯТНАДЦАТАЯ	
Круг второй (окончание). — Круг третий. — Гневные	88
ПЕСНЬ ШЕСТНАДЦАТАЯ	
Круг третий (продолжение). — Ломбардец Марко	93
ПЕСНЬ СЕМНАДЦАТАЯ	
Круг третий (окончание). — Круг четвертый. — Унылые	98
ПЕСНЬ ВОСЕМНАДЦАТАЯ	
Круг четвертый (продолжение). — Аббат Сан-Дзено	103
ПЕСНЬ ДЕВЯТНАДЦАТАЯ	
Круг четвертый (окончание). — Сон Данте. — Круг пятый. — Скупцы. — Папа Адриан V	108
ПЕСНЬ ДВАДЦАТАЯ	
Круг пятый (продолжение). — Гуго Капет. — Землетрясение	113
ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ	
Круг пятый (окончание). — Стаций	119
ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ	
Восложение в круг шестой. — Круг шестой. — Чревоугод- ники	124
ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ	
Круг шестой (продолжение). — Форезе Донати	130
ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ	
Круг шестой (окончание). — Бонаджунта	135

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ	
Восхождение в круг седьмой. — Круг седьмой. — Сладострастники	1
ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ	
Круг седьмой (продолжение). — Гвидо Гвиницелли. — Арнальд Данель	1
ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ	
Круг седьмой (окончание). — Восхождение к Земному Раю	1
ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ	
Земной Рай. — Мательда	1
ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ	
Земной Рай. — Мистическая процессия	1
ПЕСНЬ ТРИДЦАТАЯ	
Земной Рай. — Появление Беатриче	1
ПЕСНЬ ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ	
Земной Рай. — Лета	1
ПЕСНЬ ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ	
Земной Рай. — Древо познания	1
ПЕСНЬ ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ	
Земной Рай. — Эвноя	1
Примечания	1

Редактор Н. Галь

Переплет, титул, инициалы художника Н. В. Ильина

Подписано к печати 6/VII 1944 г. А7875. Тираж 10 000 экз. 15½, печ. 9,4 уч.-авт. 4. Заказ № 6466. Цена 8 р.